

Об авторе

Эрнандо де Сото является президентом Института свободы и демократии (ИСД), базирующегося в Перу, который авторитетный журнал «The Economist» считает вторым по значению центром стратегической мысли в мире. Журнал «Time» недавно включил де Сото в список пяти ведущих политических мыслителей Латинской Америки XX столетия. Будучи личным представителем и главным советником президента Перу, он инициировал политические и экономические реформы в этой стране. Его предыдущая книга «Иной путь» была бестселлером в Латинской Америке и США.

Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире

Время величайшего триумфа капитализма оказывается временем его кризиса. Начиная с первой фразы книга в корне меняет наше понимание природы капитала и того, почему после падения социализма капитализм в большинстве районов мира пребывает в состоянии жестокого кризиса.

Пять лет назад Эрнандо де Сото и его сотрудники оторвались от книг и взглянули на мир широко открытыми глазами. Они вышли на улицы городов развивающихся и бывших социалистических стран, чтобы узнать, чего удастся достичь людям в рамках теневой экономики и за ее пределами. Их открытия поражают. Собранные ими данные убеждают, что неимущие в этих странах накопили достаточно, чтобы успешно участвовать в капиталистическом развитии. Сумма их сбережений огромна: во много раз больше всей иностранной помощи и иностранных инвестиций, полученных после 1945 г. В одном только Египте собственность бедных слоев населения в 55 раз превышает объем прямых иностранных инвестиций, включая расходы на сооружение Суэцкого канала и Асуанской плотины.

Почему же эти страны так неразвиты? Почему они не в состоянии обратить эту собственность в ликвидный капитал, то есть придать ей форму, пригодную для создания нового богатства? Для Эрнандо де Сото в этом и заключается «загадка капитала». И он решает ее предельно убедительно и элегантно. Де Сото напоминает нам, что в настоящее время мир переживает такой же кризис, как тот, через который прошли ныне развитые страны в эпоху промышленной революции, когда они сами еще были типичными странами третьего мира, страдающими от засилья черных рынков, мафиозных организаций, массовой нищеты и вопиющего неуважения к законам. Западные страны, доказывает де Сото, нашли выход из положения около 150 лет назад и стали богатеть, так и не поняв, что же, собственно, они для этого сделали. Он рассказывает, как были изменены законы о собственности и как сегодня можно добиться тех же результатов в развивающихся и бывших социалистических странах.

Проблема капитализации российского общества занимала лучшие отечественные умы на протяжении двух последних столетий. Ученые, философы и писатели рассматривали разные аспекты темы — экономический, психологический, морально-философский, этический. Автор книги «Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире» Эрнандо де Сото — ученый и политик с европейским образованием, один из ведущих в мире практиков, работающих с экономиками развивающихся стран, — предлагает искать решение проблемы в историческом опыте развитых капиталистических стран Запада, которые ныне наслаждаются процветанием и миром, и в первую очередь в опыте США. Для практического урегулирования социальных вопросов, оказывающихся камнем преткновения, он считает необходимым создание законодательной базы для легализации частной собственности, что позволило бы большинству населения стран, вступивших на капиталистический путь развития, убедительной альтернативы которому пока не существует, почувствовать себя заинтересованными участниками современного рыночного хозяйства.

Президент НК «ЛУКОЙЛ» Вагит Юсуфович Алекперов

Эта книга изменяет наше представление об источниках капитала. Много в мире следовало бы радикально перетряхнуть.

Уильям Ф. Бакли, мл., основатель и главный редактор журнала «The National Review»

Замечательная книга, великолепно иллюстрирует как «блеск» капитализма на Западе, так и его «нищету» в странах третьего мира. Несомненно, послужит отличным материалом для желающих сделать мир более совершенным.

Президент Инвестиционной компании «Тройка Диалог» Рубен Варданян

Потрясающая книга... веская и предельно убедительная. Она окажет самое целительное влияние на понимание экономического развития.

Роналд Коуз, лауреат премии памяти А. Нобеля по экономике

Наиважнейшая книга. Новая программа изменений, способная принести пользу всему миру.

Хавьер Перес де Куэльяр, бывший Генеральный секретарь ООН

Свежие мысли — это редкость, а эта книга способна преобразить экономику тех стран, которым до сих пор не удавалось поставить капитализм на службу своим народам... [Она] объясняет, почему не работает экономика в тех странах, которые не создали жизнеобеспечивающую правовую структуру и не позволяют «подпольной» экономике присоединиться к системе национального хозяйства.

Дейвид Оуэн, бывший министр иностранных дел Великобритании

Это первоклассная книга. Она очень убедительно намечает путь улучшения положения жителей развивающихся стран.

Уолтер Ристон, почетный председатель Совета директоров корпорации Citigroup

«Загадка капитала» способна возбудить новую и поразительно благотворную революцию, поскольку она посвящена главному источнику неудач в странах третьего мира и бывшего соцлагеря — правовой необеспеченности частной собственности и частного предпринимательства. Она должна стать обязательным чтением для всех, кто несет ответственность за богатство народов.

Маргарет Тэтчер, бывший премьер-министр Великобритании

Де Сото на деле продемонстрировал, что закрепление в частную собственность прежде не имевших законного владельца активов — это чрезвычайно эффективный стимул экономического развития для всего общества. Он предлагает политикам проект, обещающий процветание их странам, а им лично — рост политического влияния. Поразительное сочетание стимулов!

Милтон Фридмен, лауреат премии памяти А. Нобеля по экономике

Болезни развивающихся экономик, о которых рассказывает Эрнандо де Сото, настолько тривиальны, что их уже почти не принято замечать. Заслуга автора в том, что его книга, с одной стороны, аргументированно, а с другой — эмоционально доказывает, что главная проблема экономических аутсайдеров — вовсе не бедность или невосприимчивость традиционной культуры к ценностям предпринимательства и рыночной конкуренции. Незыблемая и безусловная гарантия прав собственности — вот ключ к подъему экономики и социальному прогрессу.

Председатель правления НК ЮКОС М.Б. Ходорковский

Мариано Корнеджо, научившему меня твердо стоять на земле, и Дункану Макдоналду, научившему меня смотреть на звездное небо

Глава 1

Пять загадок капитала

Главное, что непонятно, это почему в прошлом тот сектор общества, который я не колеблясь назвал бы капиталистическим, был как бы намертво изолирован от всего остального? Почему ему не хватило энергии, чтобы расширяться и подчинить себе общество в целом? ...[Как получилось], что в свое время заметное накопление капитала происходило только в определенных секторах, не затрагивая все рыночное хозяйство своего времени?
Фернан Бродель. «Колеса коммерции»*

Время величайшего триумфа капитализма оказывается временем его кризиса. С падением Берлинской стены окончились сто с лишним лет политического соревнования между капитализмом и коммунизмом. Капитализм отстоял право считаться единственно пригодным методом рациональной организации современного хозяйства. В этот исторический момент всем ответственным

* Бродель Фернан — видный французский историк XX в. (здесь и далее - примечания научного редактора).

государствам пришлось признать, что выбора нет. В результате страны третьего мира и бывшие социалистические государства были вынуждены, хотя и с разной степенью готовности и энтузиазма, пойти на сбалансирование бюджета, сокращение казенных субсидий, снижение таможенных барьеров и создание благоприятного режима для иностранных инвестиций.

Эти усилия вызвали горькое разочарование. От России до Венесуэлы последние пять лет XX в. были периодом экономических страданий, падающих доходов, страхов и негодования или, по словам премьер-министра Малайзии Махатхира Мохамеда, временем «голода, мятежей и мародерства». В конце 2000 г. в редакционной статье «New York Times» было сказано: «Обаяние рыночной системы, превознесенной Западом как главный фактор победы в холодной войне, для значительной части мира оказалось затенено ощущением жестокости рынков, опасливым отношением к капитализму и страхом перед нестабильностью». Триумф капитализма *только* на Западе сделает неизбежными экономические и политические катастрофы.

Американцам, наслаждающимся миром и процветанием, слишком легко игнорировать повсеместно торжествующий беспорядок. Что может угрожать будущему капитализма, если индекс Доу-Джонса* упрямо рвется за облака? Глядя на другие государства, американцы видят только прогресс, пусть даже медленный

и неровный. Разве в Москве не расплодился закусочный Макдоналдс? Разве нельзя брать на вечер видеофильмы в Шанхае или иметь доступ к Интернету в Каракасе?

Но даже в США не получается совсем не замечать зловещих предзнаменований. Американцы видят, как Колумбия балансирует на грани полномасштабной гражданской войны между оседлавшими наркоторговлю революционными партизанами и жестокими военизированными подразделениями, как на юге Мексики разворачивается необъяснимый мятеж и как во многих азиатских странах мощно начинавшийся экономический рост подрывается политическим хаосом и коррупцией. В Латинской Америке падает престиж свободных рынков: поддержка населением политики приватизации сократилась с 46 до 36% в мае

* Показатель динамики курса акций на Нью-Йоркской фондовой бирже.

2000 г. Что еще опаснее, в бывших социалистических странах капитализм уже воспринимается как нежелательная система и к власти возвращаются люди, связанные с прежним режимом. Некоторые американцы подозревают, что главная причина длительного экономического бума в их стране: чем неустойчивее ситуации в мире, тем привлекательнее американские акции и облигации, образующие надежное убежище для международных денег.

В деловых кругах Запада растет понимание того, что, если в большинстве стран капитализм не приживется, спад неизбежен. Миллионы разорившихся инвесторов уже начали чувствовать, что глобализация — это улица с двусторонним движением: страны третьего мира и бывшего соцлагеря чувствуют влияние Запада, но и Запад не может выйти из-под их влияния. В богатых странах также растет враждебность к капитализму. Уличные беспорядки, сопровождавшие сессию Всемирной торговой организации в Сиэтле в декабре 1999 г., а спустя несколько месяцев повторившиеся в Вашингтоне в связи с заседаниями МВФ и Мирового банка, говорят о протесте, возбуждаемом распространением капитализма. Многие начали цитировать историка экономики Карла Поланьи*, который предупреждал, что свободные рынки могут войти в противоречие с общественными требованиями и результатом этого окажется фашизм. Япония мучается в тисках экономического кризиса, самого глубокого и продолжительного после Великой депрессии**. Жители Западной Европы голосуют за политиков, обещающих им «третий путь» развития, который избавит от ужасов экономической нестабильности.

В ответ на эти негромкие, но внятные сигналы тревоги американские и европейские лидеры могут только повторять миру все те же наскучившие всем поучения: стабилизируйте валюту, не теряйте настойчивости, игнорируйте голодные бунты и терпеливо ждите возвращения иностранных инвесторов.

Иностранные инвестиции — это, конечно, вещь замечательная. Чем их больше, тем лучше. Стабильная валюта — это тоже

*Австрийский экономист, историк и антрополог, бежавший от гитлеризма в Великобританию, переживший затем в США.

**Так на Западе принято именовать мировой экономический кризис 1929—1933 гг.

славная штука, так же как свободная торговля, прозрачность банковских операций, приватизация государственных предприятий и все прочие средства из запасов западной фармакопеи. Но мы склонны забывать, что попытки утвердить капитализм в общемировом масштабе предпринимались и прежде. В Латинской Америке, например, четырежды после освобождения от испанского владычества в 1820-х гг. пытались осуществить реформы, нацеленные на создание капиталистического общества. И всякий раз после начального периода всеобщих восторгов латиноамериканцы отшатывались от капитализма и рыночной экономической политики. Приходится признать, что эти рецепты не точны. Их рекомендации настолько недействительны, что можно считать их практически бесполезными.

Всякий раз после провала очередной попытки капиталистических реформ люди Запада даже не пытаются поставить под сомнение адекватность использованных средств, а вместо этого винят народы стран третьего мира в отсутствии предпринимательского духа или рыночной ориентации. Им, мол, давали превосходные советы, и если они все еще далеки от процветания, значит, с ними что-то не так: либо у них не было протестантской реформации, либо их искалечило колониальное господство европейских стран, либо они страдают от недостатка умственных способностей. Однако предположение, что именно культура объясняет процветание столь разных Японии, Швейцарии или Калифорнии (штат США) и что в ней же кроется причина относительной бедности не менее разнящихся между собой Эстонии, Китая и Байя Калифорния (штат Мексики), не только негуманно, оно неубедительно. Разрыв в уровне богатства на Западе и в остальных странах мира слишком велик, чтобы его можно было списать исключительно на культурные различия. Большинство людей настолько любят плоды капитализма, что многие из них — от детей Санчеса* до сына Хрущева — толпами откочевывают на Запад.

Города стран третьего мира и бывших социалистических стран кишат предпринимателями. Вам не удастся побывать на среднеазиатском рынке, в латиноамериканской деревне или вос-

* Видный никарагуанский коммунист, в конце 1960-х гг. избранный первым секретарем партии.

пользоваться услугами московского такси без того, чтобы кто-либо не попытался втянуть вас в сделку. Обитатели этих стран обладают талантом, энтузиазмом и поразительной способностью извлекать прибыль практически из ничего. Они легко овладевают современными технологиями и эффективно их используют. В противном случае американские дельцы не боролись бы за соблюдение патентного законодательства в бедных странах, а правительство США не проявляло бы такой заботы о том, чтобы лишить третий мир доступа к современным технологиям производства оружия. Рынки — это древняя и повсеместно распространенная традиция: Христос изгнал торгующих из храма уже две тысячи лет назад, а мексиканцы возили свою продукцию на рынки задолго до того, как Христофор Колумб открыл Америку.

Но если обитатели стран, буксующих на переходе к капитализму, не сборище презренных попрошаек, если они уже отказались от прежних заблуждений и не являются узниками бесполезных культурных традиций, что же мешает им добиться такого же процветания, как жителям стран Запада? Почему капитализм процветает только на Западе?

В этой книге я намерен показать, что главным препятствием на пути к капиталистическому процветанию является неспособность бедных районов мира создавать капитал. Именно капитал является силой, поднимающей производительность труда и создающей богатство народов. Это кровеносная система капитализма, фундамент прогресса и то единственное, что граждане бедных стран не умеют производить для самих себя, причем вне зависимости от того, с какой энергией они выполняют все требования капиталистической экономики.

Я также покажу, опираясь на факты и цифры, собранные мною и моими сотрудниками, что большинство беднейших стран Азии, Африки и Латинской Америки уже обладают ресурсами и активами, необходимыми для процветания капитализма. Даже в самых бедных странах у бедняков есть сбережения. И объем этих сбережений грандиозен — в 40 раз больше, чем вся сумма иностранной помощи, предоставленной миру после 1945 г. В Египте, например, накопленные бедняками богатства в 55 раз превышают сумму прямых иностранных инвестиций, включая расходы на строительство Суэцкого канала и Асуанской плотины. На Гаити, в беднейшей стране Латинской Америки, суммарные активы бедняков более чем в 150 раз превышают сумму иностранных инвестиций, полученных после 1804 г., когда страна освободилась от французского колониального владычества. Если бы Соединенные Штаты решили довести бюджет иностранной помощи до рекомендуемого ООН уровня — 0,7% от национального дохода, — богатейшей стране мира понадобилось бы более 150 лет, чтобы закачать в беднейшие страны мира ресурсы, которыми те уже располагают.

Беда, что их ресурсы имеют ущербную форму: дома построены на земле, права собственности на которую оформлены неадекватно; обязательства предприятий не определены, а сами они не инкорпорированы; производства размещены в зонах, где ни финансисты, ни инвесторы не могут их контролировать. Поскольку права собственности на эти активы не задокументированы надлежащим образом, их нельзя продать никому, кроме небольшого числа местных, знакомых между собой и доверяющих друг другу людей, их нельзя использовать как обеспечение кредита или предложить инвесторам для долевого участия. Иными словами, их не удастся обратить в капитал.

На Западе, напротив, каждый земельный участок, каждое строение, каждая единица производственного оборудования отражены в документах, определяющих право собственности, которые зримым образом обозначают место этих активов в общем процессе хозяйственной деятельности. Благодаря этому активы живут в двух параллельных мирах — материальном и правовом. Они обретают способность быть обеспечением кредитов. В США важнейшим источником средств для финансирования нового бизнеса является кредит, выданный под залог жилища предпринимателя. Эти активы выступают связующим звеном кредитной истории их владельцев, они служат ответственным адресом для сборщиков долгов и налогов, на их основе создаются надежные и повсеместно действующие системы коммунального хозяйства, они представляют собой обеспечение производных ценных бумаг (скажем, облигаций, обеспеченных закладными), которые можно переучесть и продать на рынках вторичных ценных бумаг. Благодаря всему этому Запад впрыскивает жизнь в свои активы и делает их источником нового капитала.

Подобные механизмы не действуют в странах третьего мира и бывшего соцлагеря. А в результате все они недокапитализированы — точно в том самом смысле слова, в котором недостаточно капитализирована фирма, эмитирующая ценные бумаги на сумму меньшую, чем позволяют ее доход и активы. Предприятия бедняков подобны корпорациям, которые не в состоянии выпустить акции или облигации, чтобы получить новые средства и инвестиции. Не имея адекватного документального оформления, их активы обращаются в мертвый капитал.

Населяющие эти страны бедняки — пять шестых всего человечества — владеют вещами, но ущербное оформление собственности не позволяет обратить их в капитал. У них есть жилища, но нет оформленных прав собственности на них; они выращивают урожай, но не имеют документов на него; они создают предприятия, но те не зарегистрированы. Именно отсутствие правового оформления объясняет, почему народы, освоившие практически все, что было изобретено на Западе — от канцелярских скрепок до ядерных реакторов, не в состоянии произвести капитал, который сделал бы их отечественный капитализм работоспособным.

Это и есть загадка капитала. Чтобы ее решить, нужно понимание того, каким образом на Западе надлежащее оформление прав собственности превращает активы в источник капитала. Труднее всего оперировать тем, чего нельзя увидеть и пощупать. Время, к примеру, реально, но управлять им можно

только с помощью часов и календарей. В ходе своей истории человечество создало несколько систем для фиксации нематериальных событий — письмо, нотную грамоту, двойную бухгалтерию. Точно так же великие деятели капитализма — от создателей всеохватывающей системы прав собственности и корпоративных акций до Майкла Милкена* — обладали способностью обнаруживать и извлекать капитал там, где остальные видели лишь бесполезный хлам. И все это только благодаря умению надежным и ощутимым образом фиксировать невидимый потенциал накопленного нами имущества.

* Американский делец, наживший многомиллионное состояние, фактически создав в 1980-х гг. рынок так называемых «мусорных облигаций» (облигаций компаний, находящихся в крайне стесненном финансовом положении, а потому готовых платить высокие проценты по своим ненадежным облигациям).

Современный человек окружен невидимыми радиоволнами, источником которых является бразильское, китайское или украинское телевидение. Но точно так же мы окружены вещами, незримо таящими в себе капитал. Нам не дано непосредственно ощущать радиоволны, но с помощью телеприемника, декодирующего сигнал, можно получать звучащую картинку. Так и капитал может быть выделен из содержащих его активов. В настоящее время только Запад владеет процессом преобразований, позволяющим сделать невидимое видимым. Именно *это* неравенство объясняет, почему страны Запада способны создавать капитал, а страны третьего мира и бывшего соцлагеря — нет.

Отсутствие соответствующих процессов и процедур в беднейших районах мира, в которых обитает две трети всего населения Земли, не является результатом заговора западного монополизма. Просто жители западных стран настолько привыкли к этому механизму, что даже не представляют себе его отсутствие. Этот механизм грандиозен, но при этом он действует незаметно для всех, включая тех самых американцев, европейцев и японцев, все богатство которых создано умением его использовать. Речь идет о правовой инфраструктуре, лежащей в основании системы собственности, представляющей собой только верхушку айсберга. Остальная часть айсберга — замысловатое дело рук человеческих, преобразующее вещи и труд в капитал. Этот процесс не является чьим-либо изобретением, и он не описан ни в какой рекламной брошюре. Его источники темны и схоронены в глубине экономического подсознания капиталистических народов Запада.

Каким образом нечто столь значительное может ускользать от внимания? Ведь мы привыкли использовать вещи, совершенно не понимая, каким образом они действуют. Моряки использовали магнитные компасы задолго до появления теории магнетизма. Животноводы умели выводить новые породы задолго до того, как Грегор Мендель* объяснил законы генетики. Процветание Запада объясняется избытком капитала, но понимают ли люди на самом деле, откуда он берется? Если не понимают, есть опасность, что Запад может разрушить источник собственной силы. Отчетливое понимание природы капитала даст Западу силы защитить богатства свои и других стран мира от ударов неизбежного впереди кризиса. Тогда опять прозвучит вопрос, непременно встающий в периоды международных кризисов: на чьи деньги мы будем решать проблему?

До настоящего момента страны Запада принимали свою систему порождения капитала за данность и пренебрегали фиксацией ее истории. Эту историю необходимо восстановить, и настоящая книга представляет собой попытку исследовать источники капитала, чтобы помочь бедным странам выбраться из нищеты. Их экономические провалы не имеют никакого отношения к культурной или генетической неполноценности. Можем ли мы предположить наличие «культурного» родства между русскими и латиноамериканцами? Но в 1990-х гг., когда в обоих регионах приступили к не обеспеченному капиталом строительству капитализма, они страдали от одинаковых экономических, политических и социальных проблем: кричащего неравенства, теневой экономики, вездесущей мафии, политической нестабильности, бегства капитала, чудовищного пренебрежения к закону. Источники этих бед не сыскать в православных монастырях или на дорогах, проложенных инками.

Подобные проблемы известны не только в странах третьего мира и бывшего соцлагеря. Они пышно цвели в США в 1783 г., когда президент Джордж Вашингтон жаловался на «бандитов... присваивающих в обход многих самые лакомые кусочки страны». Этими «бандитами» были скваттеры* и незаконные мелкие предприниматели, занимавшие не принадлежавшие им земли. В следующие сто лет по всей территории страны скваттеры и горностаратели сражались за узаконение права на эти земельные участки, потому что в каждом городе и в каждом поселке старателей действовали свои законы о собственности. В молодых Соединенных Штатах защита прав собственности породила такую обстановку социальной напряженности и враждебности, что Джоузеф Стори, председатель Верховного суда США, задавался в 1820 г. вопросом, сумеют ли юристы когда-либо утрясти эти проблемы.

* Австрийский естествоиспытатель XIX в., заложивший основы научной теории наследственности.

** Фермеры, самовольно захватывавшие пустующие земли на Северо-Западе США.

Бандиты, незаконные поселенцы, чудовищное пренебрежение законами — все это вам ничего не напоминает? Американцы и европейцы советуют остальным странам мира: «Следует действовать, как мы». Но эти страны и так очень похожи на США, какими они были сто с небольшим лет назад, когда это была еще только развивающаяся страна. В прошлом западным политикам приходилось решать тяжелейшие

проблемы, с которыми сегодня столкнулись руководители развивающихся и бывших социалистических стран. Но их преемники забыли о тех днях, когда пионеры, осваивавшие американский Запад, страдали от недостатка капитала, потому что не имели надежных прав собственности на свои участки земли и другое имущество, когда Адам Смит* совершал свои покупки на черном рынке, когда лондонские мальчишки ныряли с причалов за монетками, которые туристы швыряли для потехи в вонючую Темзу, когда чиновничье правительство Жан-Батиста Кольбера** отправило на каторгу 16 тыс. мелких французских предпринимателей, единственное преступление которых заключалось в том, что они, в нарушение французского промышленного кодекса, производили и импортировали хлопчатобумажные ткани.

Именно таково настоящее многих народов. Западные страны настолько успешно интегрировали своих бедняков в общехозяйственный процесс, что давно забыли, как это было сделано, как начиналась когда-то эпоха создания капитала, о которой американский историк Гордон Вуд написал: «В обществе и культуре происходило что-то крайне важное, небывалым образом высвобождавшее энергию и предприимчивость рядовых граждан»¹. Этим «крайне важным» было то, что американцы и европейцы начали устанавливать единые формализованные законы о собственности и приступили к нащупыванию механизма, позволяющего преобразовывать эту собственность в капитал. Именно в тот период Запад пересек демаркационную линию и вступил на территорию полноценного капитализма, превратившегося из закрытого клуба для избранных в основу массовой культуры.

* Виднейший экономист конца XVIII в., создатель английской классической школы политической экономии.

** Французский государственный деятель XVII в., сосредоточивший в своих руках при Людовике XIV почти все гражданские сферы управления.

Именно тогда отвратительные «бандиты», о которых писал Джордж Вашингтон, преобразились в доблестных пионеров, которыми американцы гордятся до сих пор.

* * *

Парадокс ясный, но тревожащий: капитал, самый значимый компонент экономического процветания Запада, оказался полностью лишённым внимания историков. И это пренебрежение породило тайну, а точнее — пять загадок капитала.

Загадка недостающей информации

Благотворительные организации так много говорили о нищете и беспомощности бедных районов мира, что никто и не попытался надежно измерить способность этих районов накапливать активы. В последние пять лет я и сотня моих коллег из шести разных стран закрыли свои книги и открыли глаза, чтобы увидеть улицы и поля четырех континентов и подсчитать, сколько же всего скопило беднейшее население Земли. Суммы оказались грандиозными. Но большей частью все эти активы представляют собой мертвый капитал.

Загадка капитала

Это главная загадка, решению которой посвящена вся книга. В последние три столетия вопрос о капитале будоражил умы мыслителей. Маркс говорил, что следует выйти за границы видимостей, чтобы пощупать «курицу, несущую золотые яйца». Адам Смит чувствовал, что следует проложить «своего рода воздушную колею», чтобы добраться до той же курицы. Но никто так и не объяснил, где же эта птица скрывается. Что такое капитал? Как он создается и как соотносится с деньгами?

Загадка политической неосведомленности

Если в мире так много лежащего мертвым грузом капитала, принадлежащего миллиардам бедняков, как же правительства не попытались добраться до этого потенциального богатства? Только потому, что убедительные для них факты стали доступны

лишь в последние 40 лет, когда миллиарды людей по всему миру перебрались из деревень в города. Это переселение в города стало причиной грандиозной промышленно-торговой революции, пережившей жизнь беднейших стран мира, но при этом — невероятно! — практически никем не замеченной.

Забывтые уроки истории США

То, что происходит сегодня в странах третьего мира и бывшего соцлагеря, уже было в Европе и Северной Америке. Мы, к сожалению, были настолько загипнотизированы неспособностью столь многих народов совершить переход к капитализму, что забыли, как его проделали ныне процветающие страны. Я уже многие годы время от времени встречаюсь с технократами и политиками различных развитых стран, от Аляски до Токио, но никто из них не знал об этом. Это оставалось загадкой. Потом я нашел ответ — в истории их собственных стран, и прежде всего в истории США.

Загадка правового бессилия: почему законы о собственности не работают за пределами Запада?

Начиная с XIX в. многие страны мира пытаются копировать законы западных стран, чтобы дать своим гражданам правовые условия для накопления богатства. Копирование законов продолжается и поныне, и очевидно, что это не работает. Большинство граждан так и не получили возможность, опираясь на закон, обратить свои накопления в капитал. Почему это так и что следует сделать, чтобы законы заработали, остается загадкой.

Решению каждой из пяти загадок посвящена отдельная глава этой книги.

* * *

Пришла пора найти ответ на вопрос, почему капитализм столь эффективен на Западе и практически не работает во всех остальных местах. Поскольку все альтернативы капитализму окончательно дискредитированы, самое время заняться тщательным и беспристрастным изучением капитала.

Глава 2

Загадка недостающей информации

С годами экономическая теория делалась все более абстрактной и теряла связь с событиями реального мира. Экономисты, по большей части, перестали изучать работу конкретных экономических систем. Они ограничиваются теоретизированием. По словам английского экономиста Эли Девонса, «если бы экономисты задумали изучать лошадь, им и в голову бы не пришло отправиться куда-нибудь, где можно посмотреть на лошадей. Они бы остались в своих кабинетах и занялись ответом на вопрос: "Как бы я себя повел, если бы был лошадью?"
Роналд Г. Коуз. «Задача общества» *

Вообразите себе страну, в которой невозможно определить, что кому принадлежит; где трудно удостовериться в правильности адреса; где людей невозможно принудить к уплате долгов; ресур-

Коуз Роналд — англо-американский экономист, лауреат премии памяти А. Нобеля по экономике (правильное название премии, чаще называемой Нобелевской премией по экономике; учреждена Шведским банком в 1968 г. в ознаменование 300-летней годовщины своего основания).

сы трудно обратить в деньги, собственность — разделить на долевые паи или акции; где описание активов не стандартизировано, и потому их трудно сравнивать, а законы о собственности различны не только в разных районах, но даже на разных улицах. Представили? Тем самым вы окунулись в жизнь развивающейся или бывшей социалистической страны. Точнее говоря, вы прикоснулись к образу жизни 80% ее населения, который отличается от жизни вестернизированных элит такой страны не менее резко, чем еще недавно, при режиме апартеида, отличалась жизнь черных и белых в Южно-Африканской Республике.

На Западе принято считать, что эти 80% населения живут в крайней нищете, но это неверно. При всей их несомненной бедности даже наиболее беднейшие имеют гораздо больше собственности, чем можно себе представить при взгляде с Запада. Но эта собственность не такова, чтобы из нее можно было извлечь дополнительную ценность. Когда вы выходите за двери высящегося на берегу Нила отеля Hilton, вы не покидаете пределов высокотехнологичного мира факсовых аппаратов, телевидения, мороженого и антибиотиков. Жители Каира могут наслаждаться всеми этими вещами.

Вы всего лишь оказываетесь за пределами мира, в котором сделки с правами собственности защищены законом. Закладные, дающие доступ к наращиванию богатства, недоступны даже тем жителям Каира, которые могли бы показаться вам вполне состоятельными. На окраинах Каира беднейшие из бедных живут в районе старых склепов, называемом «город мертвых». Но почти весь Каир представляет собой «город мертвых» — город мертвого капитала и неиспользуемых активов. Здесь отсутствуют правовые установления, дающие жизнь капиталу, позволяющие гарантировать интересы третьих сторон работой и имуществом.

Чтобы понять, как это возможно, стоит обратиться к истории Соединенных Штатов XIX в., к периоду, когда это общество освобождалось от пут собственной дикости. США унаследовали от Британии не только ее фантастически сложную систему земельного права, но также умопомрачительное переплетение актов об отводе земли. Один и тот же гектар мог принадлежать человеку, получившему его в надел от Британской короны, и тому, кто купил его у индейского племени, а также еще третьему человеку, который получил его в качестве платы за услуги, оказанные законодательному собранию штата, — и никто из этих троих мог никогда и в глаза этого клочка земли не видеть. Тем временем страну наполняли потоки иммигрантов, которые размежевывали землю, вспахивали целину, строили дома, продавали участки и получали под них кредит задолго до того, как правительства штатов хоть как-то узаконили их права на совершение всех этих операций. Это была эпоха пионеров и «Дикого Запада». Одной из причин его «дикости» было как раз то, что эти пионеры, первопоселенцы и первопроходцы «настаивали на том, что только их труд, а не формальные бумаги на право владения или произвольно проведенные границы придают земле ценность и узаконивают собственность»¹. Они были убеждены, что если они первыми заняли землю, построили на ней дома и создали пашню, она принадлежит им. Федеральное правительство и власти штатов считали иначе. Власти посылали войска, чтобы жечь фермы и разрушать жилища. Поселенцы отчаянно оборонялись. А когда солдаты уходили, они отстраивали свои фермы и продолжали борьбу за жизнь. Вот такое прошлое до сих пор является настоящим для стран третьего мира.

Поразительная революция

До 1950 г. большинство стран третьего мира представляли собой сельскохозяйственные общества, организованные таким образом, что всякий европеец из XVIII в. почувствовал бы себя там как дома. Большинство людей работали на земле, которая принадлежала очень небольшому числу крупнейших землевладельцев, некоторые из них являлись наследственными туземными олигархами, а другие — колониальными плантаторами. Города были невелики и исполняли роль рынков и портов, а не промышленных центров. Здесь властвовала малочисленная верхушка купечества, защищавшая свои интересы с помощью плотного заслона правил и установлений.

После 1950 г. в третьем мире началась экономическая революция, сходная с социальными и экономическими взрывами в Европе 1800-х гг. Новые машины сокращали спрос на труд сельскохозяйственных рабочих, а новые лекарства и новые методы здравоохранения обеспечили падение уровня детской смертности и рост продолжительности жизни. Вскоре сотни тысяч людей двинулись по новехоньким шоссе в города, столь привлекательные, судя по новым радиопрограммам.

Население городов начало быстро расти. Только в Китае после 1979 г. из деревень в города переселились более 100 млн человек. Население столицы Гаити Порт-о-Пренса выросло в 1950—1988 гг. со 140 до 1550 тыс. человек. К 1998 г. число жителей здесь достигло 2 млн. Почти две трети новых горожан живут в трущобных районах. Уже в 1973 г., задолго до крупнейшей волны миграции, экспертов приводил в отчаяние ускоренный рост населения городов. «Все идет так, как если бы город начал разваливаться на части, — писал один автор. — Неконтролируемое строительство — что попало и где попало. Канализация, не справляющаяся с потоками дождевой воды и нечистот, ежедневно переполняется. Население сконцентрировано в определенных районах, не обеспеченных системой канализации вообще... Тротуары авеню Дессалинь в буквальном смысле слова оккупированы ларечниками и лоточниками... Город стал непригоден для жизни».

Мало кто предвидел эти грандиозные изменения в стиле жизни и организации труда. Модные в то время теории «развития» стремились перестроить деревенскую жизнь на современный лад. Никто не предполагал, что в поисках XX в. крестьяне ринутся в города. Однако десятки миллионов, пренебрегая растущей враждебностью горожан, именно так и поступили. Их встретил неприступный вал правил и законов, отрезавший их от легальных форм социальной и экономической деятельности. Приобретение законного жилья, нахождение законных рабочих мест и доступ к нормальному бизнесу — все это давалось новым горожанам с чудовищными усилиями.

Препятствия на пути к легализации

Чтобы представить, насколько тяжела жизнь новых горожан, я с группой исследователей решил открыть, точнее, зарегистрировать небольшую швейную мастерскую на окраине Лимы (столица Перу). Мы задались целью зарегистрировать новое и совершенно легальное предприятие. Для получения необходимых согласований и разрешений люди из нашей группы принялись заполнять документы, стоять в очередях и мотаться на автобусах в центр города, в мэрию. Они тратили на это по шесть часов в день, и им удалось зарегистрировать нашу швейную мастерскую за 289 дней. Хотя в заявке на регистрацию указывалось, что в мастерской будет работать только одна швея, нам пришлось выложить 1231 дол. — в 30 раз больше ставки минимальной месячной заработной платы. Чтобы получить разрешение на строительство частного жилого дома на земле, принадлежащей государству, потребовалось шесть лет и одиннадцать месяцев. Нам пришлось побывать в 52 канцеляриях разного рода и пройти 207 административных этапов. Для получения законного права на использование этого участка земли пришлось пройти 728 административных этапов. Мы также обнаружили, что водителю частного автобуса или такси для получения официального права на обслуживание своего маршрута требуется затратить на прохождение административных процедур 26 месяцев.

Моя исследовательская группа провела, опираясь на поддержку местных людей, подобные эксперименты еще в ряде стран. Препятствия на пути к легализации бизнеса оказались не меньшими, чем в Перу, а кое-где еще более тяжкими. На Филиппинах для регистрации жилого дома, уже возведенного в городе на государственной или частной земле, необходимо образовать товарищество жильцов и добиться включения в государственную программу финансирования жилищного строительства. Для достижения успеха приходится пройти 168 административных этапов в 53 агентствах и управлениях, на что требуется от 13 до 25 лет. Успеха можно достичь только в том случае, если у государственной программы жилищного строительства в данный момент есть необходимые фонды. А если дом возведен на земле, которая считается сельскохозяйственной, застройщику придется для изменения ее статуса пройти еще 45 бюрократических процедур в 13 административных управлениях, на что нужно затратить еще два года жизни.

В Египте человек, желающий законным образом приобрести в собственность участок пустыни, должен продрагаться по меньшей мере через 77 административных процедур в 31 ведомстве. На этот подвиг может потребоваться от 5 до 14 лет. Чтобы получить разрешение на строительство жилого дома на земле, выведенной из сельскохозяйственного назначения, нужно от 6 до 11 лет. Именно поэтому 4,7 млн египтян предпочли строить свои жилища внезаконным образом*. Если после завершения строительства законопослушный египтянин решит узаконить свое жилище, он рискует тем, что дом будет разрушен, а ему самому придется уплатить изрядный штраф и провести в тюрьме до 10 лет.

На Гаити рядовому гражданину для легального приобретения участка государственной земли нужно сначала взять ее у государства в аренду на 5 лет, и только после этого он получает право на ее покупку.

Чтобы взять в аренду участок земли, нужно пройти 65 бюрократических процедур и затратить на это почти 2 года — и все ради пятилетней аренды. Чтобы по прошествии 5 лет выкупить эту землю, нужно пройти еще 111 процедур и затратить еще 12 лет. Чтобы стать законным владельцем земли на Гаити, нужно затратить 19 лет, но даже это не гарантирует покупателю, что его собственность будет признана законной, то есть станет юридически полноценной.

В каждой из обследованных нами стран мы обнаружили, что *сохранить* состояние легальности почти так же трудно, как *обрести* его. Совершенно очевидно, что не столько новые горожане нарушают закон, сколько последний разрушает их жизнь, так что им остается только уход за пределы легальной правовой системы. В 1976 г. две трети тех, кто был занят в народном хозяйстве Венесуэлы, работали на законно созданных предприятиях; сегодня их — менее половины. Тридцать лет назад более двух третей новых жилых домов строились для сдачи в аренду. Сегодня лишь 3% новых жилищ официально предназначено для сдачи в аренду. Куда же делся этот рынок? В те районы бразильских городов, которые называют *фавелами* и которые существуют за пределами легальной экономики и подчиняются исключительно силам спроса и предложения. В фавелах не действуют законы о предельной величине арендной платы; здесь за аренду платят долларами США, а неплательщиков быстренько выставляют вон.

Когда новые горожане уходят в теневой сектор, они превращаются во внелегалов. У них нет иного выхода, как жить и работать, используя находящиеся за пределами легальной правовой системы соглашения для защиты и мобилизации своих активов. Такие соглашения представляют собой смесь законов, позаимствованных в государственной правовой системе, обычаев, привезенных в город из родного села, и сымпровизированных правил. Действительность этих соглашений является основой общественного договора и гарантируется общинами внелегальных горожан, подчиняющихся выбираемым ими властям. Этот вне-легальный общественный договор стал фундаментом для весьма энергичного, хотя и недокапитализированного сектора хозяйства, образующего центр мира бедняков.

Недокапитализированный сектор хозяйства

Хотя новые горожане пребывают в состоянии бегства от закона, их убежищем не является праздность. Во всех странах третьего мира и бывшего соцлагеря недокапитализированные секторы хозяйства кипят от упорного и изобретательного труда. Вдоль всех тротуаров разместились кустари, изготавливающие что угодно — от одежды и обуви до подделок под часы Cartier и сумки Vuitton. В местных мастерских собирают и ремонтируют что угодно — от автомобилей до автобусов. Новая городская беднота создала целые отрасли хозяйства и поселения, жизнедеятельность которых зависит от потаенных каналов снабжения электроэнергией и водой. Там работают даже дантисты, которые безо всяких лицензий выдирают и пломбируют зубы.

Эта история вовсе не о том, как бедняки обслуживают бедняков. Эти новые предприниматели заполняют и бреши в легально работающей экономике. Во многих развивающихся странах значительную часть городских перевозок осуществляют нелегальные автобусы и такси. В других районах третьего мира продавцы из трущоб, торгующие с грузовых платформ, размещаемых прямо на улицах, или из самодельных ларьков, поставляют для стола горожан большую часть продуктов питания.

По оценке Мексиканской торговой палаты, в 1993 г. на улицах Мехико вели торговлю примерно 150 тыс. ларечников, а в 43 других городах Мексики их было еще 293 тыс. Средняя ширина такого ларька всего 1,5 м. Если вытянуть все ларьки г. Мехико вдоль одной улицы, так чтобы между ними не было ни малейшего просвета, а длина этой улицы составит 210 км. Во внелегальном секторе работают сотни и сотни тысяч людей — на улицах, в своих домах, в не зарегистрированных должным образом мастерских и конторах. В 1994 г. Институт национальной статистики Мексики сделал попытку оценить число внелегалов, занятых в «микробизнесе», и получил 2,65 млн человек.

Таковы реальные примеры из жизни недокапитализированного сектора хозяйства стран третьего мира. В странах бывшего соцлагеря можно встретить еще более экзотические формы вне-легальной деятельности — от сборки компьютеров и написания компьютерных программ до производства реактивных истребителей на экспорт.

История России, естественно, решительно не схожа с историей таких стран третьего мира, как Гаити или Филиппины. Но после падения социализма бывшие советские республики соскользнули к таким же моделям внелегальных прав собственности. По сообщению «Business Week», в 1995 г., через четыре года после отказа от социализма, в России только «280 тыс. крестьян из примерно 10 млн имели права собственности на землю». Другой репортаж рисует картину, знакомую по странам третьего мира: «[В бывшем Советском Союзе] право на частное владение, использование и продажу земли не отличается четкостью и не обеспечивается защитой закона... Принятые в странах с рыночным хозяйством механизмы защиты прав собственности на землю совершенно не развиты... Государство продолжает ограничивать использование прав собственности на не принадлежащую ему землю»³. В соответствии с оценками потребления электроэнергии, в 1989—1994 гг. внелегальная хозяйственная деятельность в бывших советских республиках выросла с 12 до 37% общего объема производства. По другим оценкам, рост был еще более значительным.

Все это никак не может изумить человека, привыкшего к жизни вне стран западной культуры. Стоит только выйти на улицу или проехать в такси от аэропорта до своего отеля, и вы увидите теснящиеся домишки на окраине, армии мелких торговцев, навязывающих свой товар прямо на улицах, таинственную

суету кустарей, мастеров, что-то за приоткрытыми воротами гаражей, и поднимающие тучи пыли раздолбанные автобусы. Некоторые воспринимают внезаконность как разновидность «маргинального» поведения, как нечто схожее с черными рынками развитых стран, с нищетой или безработицей. Внезаконный мир обычно рассматривают как место, где бродят вооруженные бандиты и обитают ничтожные и злокозненные людишки, представляющие интерес только для полиции, антропологов и миссионеров.

На самом деле здесь экзотична и маргинальна легальная деятельность, а внезаконность стала нормой жизни для большинства населения. Бедняки уже взяли под свой контроль обширные жилые районы и целые отрасли национального хозяйства. Консультанты международных агентств, устраивающие в сияющих стеклом элегантных башнях современных отелей совещания с участием представителей местного «частного сектора», имеют дело только с крошечной частью предпринимательского мира. В странах третьего мира и бывшего соцлагеря растет экономическая мощь таких секторов, как уборка мусора, производство предметов домашнего обихода и нелегальное строительство, основные заказчики которого обитают на окраинах и в пригородах больших городов. Правительства этих стран стоят перед реальным выбором — либо открыть для этих людей возможность продуктивно действовать в рамках закона и порядка, либо оставить их в состоянии анархии.

Насколько омертвлен капитал?

За последние 10 лет наша группа с помощью местных экспертов исследовала пять крупных городов стран третьего мира — Каир, Лиму, Манилу, Мехико и Порт-о-Пренс, чтобы оценить суммарную стоимость имущества тех слоев общества, которые в результате действия дискриминационных законов оказались вне допускающей капитализацию сектора экономики. Для надежности оценок мы сосредоточились на недвижимости, которую легче фиксировать и оценивать.

В отличие от производства и сбыта продуктов питания или обуви, изготовления поддельных часов Cartier и ремонта автомобилей, то есть деятельности, объем которой трудно измерить и оценить, строительство трудно спрятать. Чтобы оценить стоимость здания, достаточно взять цены на строительные материалы и рыночные цены на аналогичные дома. Мы потратили тысячи человеко-дней на пересчитывание домов — квартал за кварталом. Если правительство страны не возражало, мы публиковали полученные данные, чтобы сделать их доступными для обсуждения и критики. С помощью местных экспертов мы осуществляли проверку и перепроверку наших методов и результатов.

Мы обнаружили, что в недокапитализированном секторе столько же форм строительства, сколько существует законных препятствий для этой деятельности. Самая наглядная форма — хижинки и лачуги, возводимые на государственной или муниципальной земле. Но наши исследователи выявили куда более изощренные методы обхода законов о недвижимости. В Перу, например, люди создают сельскохозяйственные кооперативы, чтобы выкупить землю у прежних собственников и обратить ее в зону жилищного и промышленного строительства. Поскольку нельзя легальным путем изменить статус земель сельскохозяйственного назначения, фермеры из принадлежащих государству кооперативов нелегально дробят землю на небольшие участки и продают их застройщикам. В итоге мало кто имеет законное право собственности на землю. В Порт-о-Пренсе даже довольно дорогие дома переходят из рук в руки без регистрации в реестре недвижимости. В Маниле активное жилищное строительство идет в зонах, предназначенных исключительно для промышленной застройки. В Каире жители старого четырехэтажного дома незаконным образом надстраивают еще три этажа и продают эти квартиры своим родственникам и знакомым. В том же Каире, где арендная плата была заморожена в начале 1950-х гг. и теперь в старых домах составляет менее одного доллара в год, законные квартиросъемщики дробят свои квартиры на несколько небольших и сдают их в аренду по рыночной цене.

Некоторые дома внезаконны с самого первого дня, поскольку были построены с нарушением всех и всяческих законов. Другие — в Порт-о-Пренсе, Каире — первоначально были совершенно легальны, но позднее оказалось, что оставаться в рамках закона — дело слишком сложное и накладное (как в случае контроля арендной платы в Каире). Так или иначе, но почти каждое из обследованных нами в этих городах жилищ оказалось за пределами требований законов, причем тех самых законов, которые и должны помогать владельцам жилья обращать его в капитал. Где-то какая-то информация о сделках с этой недвижимостью, может быть, и хранится, но только не в официальном регистре недвижимости, записи в котором безнадежно устарели.

В результате большая доля находящегося в частной собственности ресурсов является с финансовой и коммерческой точек зрения не существующей или недействительной. Никому не известно, что, где и кому принадлежит, кто несет ответственность за выполнение обязательств, кто отвечает за убытки и мошенничество, каким образом можно принудить к оплате поставленных товаров и услуг. Следовательно, в этих странах большая часть потенциала активов пребывает в тени, не используется; объем доступного капитала незначителен, а хозяйственная деятельность отличается вялостью.

Подобный образ недокапитализированного сектора разительно отличается от традиционных для ученых мудрецов представлений о странах третьего мира. Но именно в такой ситуации живет большинство населения Земли. В этом мире трудно подтвердить или опровергнуть наличие прав собственности, поскольку законные правила отсутствуют или не действуют; здесь потенциально полезные экономические свойства активов не описаны и не организованы; их невозможно использовать для производства

добавочного дохода посредством сложной цепи операций, поскольку их неопределенность и незафиксированность открывают слишком большой простор для путаницы, нечестности и признания операций недействительными. Иными словами, здесь большая часть активов представляет собой омертвленный капитал.

Какова стоимость омертвленного капитала?

Мертвый капитал в гигантских количествах стоит буквально стеной вдоль улиц всех развивающихся и бывших социалистических стран. По нашим оценкам, на Филиппинах 57% горожан и 67% сельских жителей обитают в жилищах, представляющих собой омертвленный капитал. В Перу 53% горожан и 81% сельских жителей обитают в домах, не имеющих легального статуса.

Для Египта и Гаити аналогичные показатели еще поразительнее. По нашим оценкам, на Гаити 68% горожан и 97% сельских жителей обитают в домах, не имеющих никакого легального статуса. Для Египта соответствующие показатели составляют 92 (город) и 83% (село).

Многие из этих жилищ по западным меркам почти ничего не стоят. Лачуга в Порт-о-Пренсе стоит не дороже 500 дол., в Маниле хибара на берегу вонючего канала — всего 2700 дол., в окрестностях Каира довольно солидный дом стоит около 5000 дол., а приличный дом на холмах, окружающих Лиму, с гаражом и венецианскими окнами — всего 20 тыс. дол. Но такого рода жилищ очень много, и их суммарная стоимость намного превышает суммарную стоимость активов, принадлежащих богачам.

На Гаити совокупная стоимость не имеющей законного статуса недвижимости в городах и в деревнях составляет примерно 5,2 млрд дол. Много ли это? Это в 4 раза больше, чем совокупные активы всех компаний, легально действующих на Гаити, в 9 раз больше активов, принадлежащих правительству этой страны, и в 158 раз больше стоимости всех прямых иностранных инвестиций за период с открытия страны Колумбом до 1995 г. Может быть, Гаити — это всего лишь исключение? Часть оказавшейся у берегов Америки франкоязычной Африки? Страна, в которой из-за режима Дювалье не возникла упорядоченная правовая система? Возможно.

Но обратимся к Перу, к стране с испанскими и индо-американскими корнями и культурными традициями, имеющей совершенно иной этнический состав. Здесь суммарная стоимость вне-легальной недвижимости в городах и селах составляет примерно 7,4 млрд дол. Это впятеро больше, чем совокупный объем ценных бумаг, обращавшихся на фондовом рынке Лимы до краха 1998 г.; в 11 раз больше, чем стоимость допускающих приватизацию государственных предприятий; и в 14 раз больше, чем стоимость прямых иностранных инвестиций за всю историю страны. Может быть, есть желающие доказать, что развитие легального сектора хозяйства в Перу было подорвано наследием древней империи инков, коррумпирующими традициями испанского колониализма и недавней гражданской войной с маоистскими партизанами из движения «Сверкающий путь» (Sendero Luminoso)?

Отлично, тогда обратимся к Филиппинам, к бывшему протекторату США в Юго-Восточной Азии. Стоимость не оформленной в законном порядке недвижимости составляет 133 млрд дол., то есть в 4 раза больше, чем суммарная капитализация 216 отечественных компаний, зарегистрированных на филиппинском фондовом рынке, в 7 раз больше суммы депозитов на счетах коммерческих банков страны, в 9 раз больше совокупного капитала государственных предприятий и в 14 раз больше суммы прямых иностранных инвестиций.

Возможно, и Филиппины представляют собой аномалию — коррумпированный плод католичества, насажденного испанцами в своих колониях. В Египте стоимость капитала, омертвленного во вне-легальной недвижимости, по оценкам, сделанным нами с помощью египетских коллег, составляет примерно 240 млрд дол. Это в 40 раз больше стоимости всех акций, имеющих хождение на фондовой бирже Каира, и, как я уже отметил, в 55 раз больше стоимости всех прямых иностранных инвестиций в этой стране.

В каждой обследованной нами стране предприимчивость и изобретательность бедноты создали громадные богатства, образующие потенциально самый большой источник капитала, необходимого для развития этих стран. Эти бедняцкие активы не только многократно превышают собственность правительства, местных фондовых рынков и прямых иностранных инвестиций; они многократно превышают объем помощи и кредитов, предоставляемых развитыми странами, Международным валютным фондом и Мировым банком.

Когда мы взяли данные по четырем изученным нами странам и спроецировали их на все страны третьего мира и бывшего соцлагеря, то получили еще более поразительные результаты. По нашим оценкам, в этих странах правовой статус примерно 85% городской земли и 40—53% сельскохозяйственной земли таков, что она не может быть использована для создания капитала. Наша оценка стоимости всех этих активов не может не быть крайне грубой и приблизительной. Но мы стремились к предельной аккуратности и осторожности оценок.

По нашим расчетам, совокупная стоимость недвижимости, используемой бедняками стран третьего мира и бывшего соцлагеря и не являющейся их легальной собственностью, составляет не менее 9,3 трлн дол. (см. табл. 2.1.)

Над этой величиной стоит поразмыслить: 9,3 трлн дол. — это примерно вдвое больше, чем сумма циркулирующих в хозяйственном обороте всего мира долларов США. Она примерно равна совокупной стоимости всех компаний, акции которых имеют хождение на 20 крупнейших фондовых рынках мира: биржах Нью-Йорка, Токио, Лондона, Франкфурта, Торонто, Парижа, Милана, в системе NASDAQ* и др. Она

более чем в 20 раз превышает сумму прямых иностранных инвестиций в страны третьего мира и бывшего соцлагеря за период 1989—1999 гг., в 46 раз — сумму кредитов Мирового банка за три последних десятилетия, и в 93 раза — сумму экономической помощи, предоставленной развитыми странами третьему миру за тот же период времени.

Таблица 2.1 – Стоимость капитала, омертвленного в городской и сельской недвижимости

Город	Всего населения, (млн. чел.)	Городское население, %	Городское население (млн. чел.)	Число жилищ в городах (млн. чел.)	Число внезаконных жилищ в городах (млн. чел.)	Стоимость внезаконных жилищ в городах (млн долл. США)
Азия	1747	29	503	101	85	1,75
Африка	525	32	167	33	28	0,58
Средний Восток и Северная Африка	371	57	211	42	36	0,74
Южная Америка	328	78	256	51	44	0,89
Мексика, Центральная Америка и страны Карибского бассейна	161	64	103	21	18	0,36
Китай, страны Восточной Европы и бывшего СССР	1611	38	619	124	105	2,16
Итого	4743		1859	372	316	6,48
Другие развивающиеся страны	191	39	75	15	13	0,26
Всего	4934		1934	387	329	6,74
Село	Площадь сельско-хозяйственных земель, (тыс. га)	Имеют незаконный статус (%)	Имеют незаконный статус (тыс. га)	В том числе пахотные земли (тыс. га)	В том числе пастбища (тыс. га)	Стоимость земель, не имеющих законного статуса частной собственности
Азия	489586	44	215164	147798	67365	0,59
Африка	738639	50	368792	88166	280626	0,39
Средний Восток и Северная Африка	444665	40	177866	59660	118206	0,25
Южная Америка	607407	49	297895	51006	246889	0,24
Мексика, Центральная Америка и страны Карибского бассейна	134541	53	71025	20813	50212	0,09
Китай, страны Восточной Европы и бывшего СССР	1151280	47	540142	188721	351421	0,80
Итого	3566118		1670884	556164	1114719	2,36
Другие развивающиеся страны	359926	47	169165	56308	112857	0,24
Всего	3926044		1840049	612472	1227576	2,60
Всего частной недвижимости, не имеющей законного статуса			9,34 трлн. долл. США			

¹ 179 развивающихся и бывших социалистических стран.

² По нашим оценкам, в городах 85% недвижимости не имеет легального статуса, поскольку дома либо (1) построены в нарушение закона; либо (2) землеотвод не оформлен надлежащим образом; либо (3) первоначально дома имели вполне легальный статус, но потом его утратили; либо (4) построены государственной организацией с нарушением норм и требований закона.

³ Мы исходили из цены 3973 дол. США за гектар пахотных и 138 дол. США за гектар пастбищных угодий.

лагеря, то получили еще более поразительные результаты. По нашим оценкам, в этих странах правовой статус примерно 85% городской земли и 40—53% сельскохозяйственной земли таков, что она не может быть использована для создания капитала. Наша оценка стоимости всех этих активов не может не быть крайне грубой и приблизительной. Но мы стремились к предельной аккуратности и осторожности оценок.

По нашим расчетам, совокупная стоимость недвижимости, используемой бедняками стран третьего мира и бывшего соцлагеря и не являющейся их легальной собственностью, составляет не менее 9,3 трлн дол. (см. табл. 2.1.)

Над этой величиной стоит поразмыслить: 9,3 трлн дол. — это примерно вдвое больше, чем сумма циркулирующих в хозяйственном обороте всего мира долларов США. Она примерно равна совокупной стоимости всех компаний, акции которых имеют хождение на 20 крупнейших фондовых рынках мира: биржах Нью-Йорка, Токио, Лондона, Франкфурта, Торонто, Парижа, Милана, в системе NASDAQ* и др. Она более чем в 20 раз превышает сумму прямых иностранных инвестиций в страны третьего мира и бывшего соцлагеря за период 1989—1999 гг., в 46 раз — сумму кредитов Мирового банка за три последних десятилетия, и в 93 раза — сумму экономической помощи, предоставленной развитыми странами третьему миру за тот же период времени.

Гектары алмазов

Слова «международная нищета» мгновенно приводят на ум образы нищих, спящих на тротуарах Калькутты, и распухших от голода африканских детей. Эти образы, несомненно, реальны, и миллионы людей по всему миру нуждаются в помощи. Но эти предельно зловещие представления о жизни третьего мира не вполне точны. Хуже того, они отвлекают внимание от великолепных достижений миллионов мелких предпринимателей, которым удалось преодолеть все мыслимые и немыслимые препятствия и создать большую часть национальных богатств. На более реалистичной картинке следовало бы изобразить мужчину и женщину, которые проявили невероятное усердие, чтобы скопить средства на строительство жилища для себя и своих детей, которые создают предприятия там, где, по общему мнению, ничего подобного сделать было нельзя. Меня возмущают заявления, что эти героические предприниматели усугубляют проблемы мировой нищеты.

Они не являются проблемой. Они — ее решение.

Вскоре после окончания Гражданской войны из конца в конец Соединенных Штатов разъезжал с лекциями некто Расселл Конвелл, сумевший взбудоражить миллионы людей. Он рассказывал об индийском купце, которому пророк предсказал, что тот наверняка разбогатеет сверх всякой меры, но только при условии, что будет неустанно искать заветное сокровище. Купец объездил весь мир и, утратив надежду, вернулся домой старым и больным. Войдя в дом, он почувствовал жажду, но оказалось, что старый колодец за эти годы заилился. Уставший, он разыскал лопату, начал рыть новый колодец и мгновенно наткнулся на Голконду — крупнейшее в мире месторождение алмазов.

Эта история очень поучительна. Лидерам стран третьего мира и бывшего соцлагеря нет нужды обивать пороги министерств иностранных дел и международных финансовых организаций в поисках помощи. В беднейших районах этих стран, прямо в трущобах таятся если не гектары алмазов, то триллионы долларов. Эти гигантские деньги готовы к использованию, стоит только распутать загадку превращения частной недвижимости в производительный капитал.

*NASDAQ (National Association of Securities Dealers Automated Quotation — Национальная ассоциация дилеров по ценным бумагам с автоматизированной базой оценки) создана в США в 1983 г. как организационная структура внебиржевого фондового рынка.

Глава 3

Загадка капитала

Смысл мира должен пребывать за пределами мира. В мире все так, как оно есть, и все идет, как идет. В нем нет ничего ценного, а если бы и появилось, то не содержало бы в себе ничего ценного.

Если бы была ценность, обладающая хоть какой-то ценностью, она должна была бы пребывать за пределами того, что происходит и что есть. Потому что все, что происходит и что есть, является несущественным.

То, что делает существующее существенным, не может пребывать в пределах мира, потому что иначе оно все равно оказалось бы несущественным.

Пройдите по дорогам стран Среднего Востока, Латинской Америки или бывших советских республик, и вы много чего увидите: люди строят дома, пашут и засевают землю, собирают урожай, покупают и продают. В странах третьего мира и бывшего соцлагеря активы используются преимущественно для удовлетворения хозяйственных нужд. На Западе точно такие же активы ведут двойную жизнь. Они расходуются не только непосредственно на хозяйственные нужды, но являются и источником капитала. Они

* Витгенштейн Людвиг — австрийский, впоследствии английский философ первой половины XX в.

могут служить для приведения в движение более длинных производственных циклов, поскольку пригодны для обеспечения интересов других сторон, например в качестве залога при ипотеке и по другим видам кредитования.

Почему в других частях света здания и земля не могут вести такую же параллельную жизнь? Почему грандиозные ресурсы, о которых мы говорили в главе 2 — 9,3 трлн дол., — не могут приносить никакой пользы за пределами прямого хозяйственного употребления? Я утверждаю, что капитал в неразвитых странах омертвляется потому, что мы забыли (а может быть, никогда и не осознавали), что обращение материальных активов в производительный капитал (взять деньги под залог своего дома, чтобы вложить, скажем, в некое предприятие) — это очень сложный процесс. В нем есть что-то общее с процессами, открытыми Эйнштейном, позволяющими, грубо говоря, из любого кирпича высвободить грандиозную энергию атомного взрыва. Капитал возникает в результате раскрытия и высвобождения потенциальной энергии, заключенной в триллионах кирпичей, из которых сложены стены бедняцких жилищ.

Впрочем, между высвобождением энергии атома и высвобождением капитала из кирпичных стен есть существенная разница. Человечество (по крайней мере, большая группа ученых), научилось получать энергию из материи, но мы все вместе умудрились забыть процесс, позволяющий получать капитал из недвижимости. В итоге 80% населения мира страдают от нехватки капитала; люди не в состоянии высвободить экономическую энергию, скованную в их жилищах или других активах, чтобы обратить ее в капитал. Еще хуже то, что развитые народы не в силах передать им свои знания и умения. Остается загадкой, почему на Западе активы способны порождать капитал в изобилии, а в остальных частях света остаются практически бесплодными.

Подсказки из прошлого (от Смита до Маркса)

Чтобы раскрыть тайну капитала, следует вернуться к исходному значению этого слова. В средневековой латыни слово «capital» означало голову крупного или мелкого домашнего скота, то есть важнейший источник и измеритель богатства в тогдашнем обществе. Скотина не требует особых забот, а в случае опасности ее легко перегнуть в укрытие. Количество скота допускает счет и оценку. Что еще важнее, скот является источником дополнительного богатства или прироста ценности: он приносит, помимо мяса, молоко, шкуры, шерсть, топливо. Скотина размножается и воспроизводит самою себя. В силу этого термин «капитал» обретает двойное значение: стадо, а также дополнительные блага, источником которых является домашний скот. От гумна недалеко до письменных столов изобретателей экономической теории, которые определяли «капитал» как составную часть активов страны, способную порождать дополнительную продукцию и повышать производительность.

Великие экономисты прошлого Адам Смит и Карл Маркс считали капитал двигателем рыночного хозяйства. Их интересовал вопрос, что представляет собой капитал, как он возникает и накапливается. Можно соглашаться или не соглашаться с классиками экономической науки, можно счесть их работы несущественными (Смит, кажется, даже не подозревал, что живет в эпоху промышленной революции, а Марксова трудовая теория стоимости никогда не имела практического смысла), но не может быть сомнения, что эти мыслители создали отдельную отрасль науки, с позиций которой мы можем пытаться ответить на вопросы, что такое капитал, что его порождает и почему за пределами Запада народы так скудно им обеспечены.

С точки зрения Смита, производственная специализация — система разделения труда и последующего обмена продуктами труда на рынке — была источником роста производительности и, в силу этого, «богатства народов». И производственная специализация, и обмен стали возможны благодаря капиталу, который Смит определял как совокупность имущества (активов), накопленного для производственных целей. Предприниматели могут использовать накопленные ресурсы для поддержки специализированных предприятий ровно до тех пор, пока имеют возможность обменивать произведенную продукцию на то, что им нужно. Чем больше накопленный капитал, тем шире возможности специализации и выше производительность общественного труда. Маркс был согласен с этим; для него производимое капитализмом богатство представляло гору всякого добра.

Смит считал, что феномен капитала возник в результате естественного прогресса человечества от общества охотников, пастухов и земледельцев к обществу торговому, где, благодаря росту взаимозависимости, специализации труда и торговле, происходит беспрецедентный рост

производительности. Капитал должен был являться волшебным средством, повышающим продуктивность хозяйства и создающим добавочную стоимость. «Количество полезного труда в стране, — писал Смит, — не только возрастает с увеличением запаса, применяющего его, но и то же самое количество труда вследствие такого увеличения производит гораздо большее количество работы»¹.

Смит подчеркивает один момент, образующий самую сердцевину загадки, которую мы пытаемся решить: чтобы накопленные активы обратились в активный капитал и послужили расширению производства, они должны *получить определенную форму и воплотиться в определенном предмете*, «который существует, по крайней мере, некоторое время после того, как закончен труд. Некоторое количество труда как будто откладывается про запас и накапливается, чтобы быть затраченным, если понадобится, при каком-либо другом случае»². Смит предупреждал, что труд, вложенный в производство активов, должен не исчезать без следа, а закрепляться надлежащим образом в ценности.

Можно спорить о том, что на самом деле имел в виду Смит. Для меня здесь важно то, что капитал представляет собой не накопленный запас активов, а *потенциал* развертывания нового производства. Этот потенциал, естественно, абстракция. Его можно реализовать только после соответствующей обработки и придания ему адекватной формы — так же как в случае с таящейся в материи потенциальной энергией ядерного взрыва. Без процесса преобразования, высвобождающего потенциальную внутриядерную энергию, материя так и останется обычным, скажем, кирпичом. Создание капитала также предполагает процесс преобразования.

Эта идея, что капитал сначала существует только как абстрактное понятие и может стать действенным, только получив определенную осязаемую форму, была известна и другим экономистам-классикам. Симонд де Сисмонди, швейцарский экономист XIX в., писал, что капитал представляет собой «постоянную ценность, которая не расточается, а приумножается... Когда эта ценность отщепляется от создающего ее продукта, она обращается в метафизическую и нематериальную величину, всегда принадлежащую тому, кто ее создал, и по его желанию может быть воплощена в различных формах»³. Великий французский экономист Жан Батист Сей полагал, что «капитал по своей природе всегда нематериален, поскольку производит капитал не материя, а ценность, заключенная в ней. А в ценности самой по себе нет ничего материального»⁴. Маркс был согласен с этим. Он писал, что сделанный из дерева стол «остаётся деревом, но как только он делается товаром, он обращается в чувственно-сверхчувственную вещь. Он не только стоит на земле на своих ногах, но становится перед лицом всех других товаров на голову, и эта его деревянная башка порождает причуды, в которых гораздо более удивительного, чем если бы стол пустился по собственному почину танцевать»⁵.

Такое принципиальное понимание капитала оказалось утраченным. Сегодня капитал путают с деньгами, которые представляют собой лишь одну из форм его движения. Трудные для понимания концепции легче воспринимаются в максимально наглядной форме. Понятие «деньги» доступнее для ума, чем понятие «капитал». Но мнение, что деньги являются предельной и конечной формой капитала, совершенно ошибочно. Как указывал еще Адам Смит, деньги — это «великие колеса обращения», но *не сам капитал*, потому что ценность не может порождаться этими металлическими монетами»⁶. Иными словами, деньги облегчают проведение сделок купли-продажи, но не являются источником и причиной дополнительного производства. Смит настаивал, что «золотые и серебряные деньги, находящиеся в обращении страны, можно с полным правом сравнить с шоссейной дорогой, которая, содействуя передвижению и доставке на рынок всего сена и хлеба страны, сама по себе на производит ни одного снопа или вязанки»⁷.

Стоит отказать от мысли, что «капитал» — это синоним «накопленных и вложенных в дело денег», и тайна раскрывается. Причиной распространенного и неверного представления, что

деньги это и есть капитал, является то, что в наше время величину капитала измеряют в деньгах. И на самом деле, невозможно оценить совокупную величину столь разнообразных активов, как машины, строения и земля, если не выражать их ценность в деньгах. В конце концов, именно для этого деньги и придуманы — для сопоставимого измерения ценности чего угодно, что облегчает обмен разнородными активами. Но при всей своей полезности деньги сами по себе не обладают полезными свойствами ни одного из активов, которые необходимы для создания капитала. Страны третьего мира и бывшего соцлагеря позорно знамениты склонностью накачивать свои хозяйственные системы пустыми деньгами, что обеспечивает скорее расточение капитала, чем его прирост.

Потенциальная энергия активов

Что может выступать в роли носителя потенциальной способности актива запускать движение производства? Как выделить ценность простого дома и закрепить ее, чтобы она обрела свойства капитала?

Вернемся к нашей аналогии с энергией. Представьте себе горное озеро. Оно может быть использовано по своему «природному» назначению — для купания, ловли рыбы, катания на лодке. Но инженер-энергетик может увидеть в этом озере потенциальный источник энергии. Инженерная задача состоит в организации *процесса* трансформации потенциальной энергии запасов воды, поднятой высоко над уровнем моря, в форму электроэнергии, делающей возможным полезное использование этого потенциала. Иными словами, нужна гидроэлектростанция, чтобы извлечь электричество из высвобождаемой энергии падающего потока. Потенциальная энергия воды безмятежного горного озера

принимает форму электроэнергии, которую можно по проводам доставить в любое место для разворачивания новой производственной деятельности.

Теперь энергия воды используется для освещения жилья и приведения в движение фабрик и заводов. Чтобы достичь этого, человечеству пришлось научиться определять потенциальную энергию падающей воды и освоить методы ее преобразования в форму электроэнергии, которая допускает производственное применение. Извлекаемая из озера польза не была заключена в озере самом по себе (вроде золота, извлекаемого из золотоносной породы). Она есть результат придуманного человеком процесса, *внешнего* по отношению к озеру. Именно этот процесс обращает воды озера, традиционно бывшие только местом для развлечений и ловли рыбы, в источник электроэнергии.

Подобно энергии, капитал представляет собой скрытую ценность. Чтобы научиться видеть этот потенциал, нужно отвлечься от *поверхности* вещей и подумать о *возможном применении* имеющихся активов. Нужно изобрести процесс придания экономическому потенциалу активов такой формы, которая бы допускала его использование для организации дополнительного производства.

В отличие от хорошо известного процесса преобразования потенциальной энергии воды в электрическую энергию, процесс извлечения экономической энергии активов неизвестен. Иными словами, мы знаем, что такое турбинный водовод, турбины, генераторы, трансформаторы и прочие элементы энергосистемы, нужные для извлечения потенциальной энергии из воды горного озера, но мы не знаем ключевого процесса преобразования экономического потенциала, скрытого в рядовом жилище, в капитал.

А все дело в том, что ключевой процесс был продуман, прежде всего, не для создания капитала, а для более приземленных целей — для защиты прав собственности на имущество. По мере становления системы собственности в странах Запада постепенно развилось множество механизмов, сделавших возможным производство капитала в невиданных прежде количествах. Мы постоянно обращаемся к использованию этих инструментов, не отдавая при этом себе отчета в том, что они служат порождению капитала. Причиной этого непонимания является то, что мы знаем их как часть системы защиты собственности, а не как элементы взаимосвязанного механизма придания экономическому потенциалу активов такой формы, которая бы позволяла конвертацию его в капитал. Иными словами, в странах Запада капитал возникает благодаря скрытым процессам, происходящим в лабиринтах официально признанной системы собственности.

Скрытый процесс порождения капитала

Такое истолкование может показаться слишком примитивным или, наоборот, чрезмерно сложным. Но попробуйте представить, можно ли продуктивно использовать активы, которые никому не принадлежат? Как можно было бы удостовериться в существовании этих активов, в реальности и законности операций, преобразующих их и поднимающих их продуктивность, если бы не официально оформленная система прав собственности? Где можно было бы зафиксировать экономические особенности активов, если бы в рамках этой системы не велись юридические документы о правах на владение и собственность? Чем можно было бы руководствоваться в ходе принятия решений об использовании и передаче активов, если бы не формальная система собственности? Именно официально признанные, формальные отношения собственности определяют процесс, формы и правила, позволяющие превратить активы в элемент активного капитала.

На Западе преобразование активов в капитал начинается с того, что создается описание наиболее полезных в социальном и экономическом отношении свойств активов, а затем эта информация фиксируется в виде записей в главных бухгалтерских книгах или на компьютерных дисках и тогда воплощается в документ о праве частной собственности. Этот процесс направляют детально и точно проработанные правовые нормы. Записи, фиксирующие право частной собственности, отражают общее представление о том, что является экономически важным и значимым в наших активах. Они сводят воедино и организуют всю информацию, потенциально необходимую для оценки активов, что позволяет нам управлять ими. Сфера отношений собственности — это и есть то самое пространство, в котором мы определяем и используем активы, составляем из них всевозможные комбинации и устанавливаем связи с другими активами. В этом пространстве и возникает капитал.

Любой актив, экономические и социальные свойства которого не зафиксированы в формальной системе собственности, крайне трудно предъявить рынку. Каким образом можно было бы контролировать масштабные рыночные операции с переходящими из рук в руки активами, если бы не система частной собственности? Не будь ее, любая сделка, скажем, с недвижимостью потребовала бы чрезвычайных усилий только для того, чтобы определить основные параметры операции:

- на самом ли деле продавец является владельцем этой земли и имеет право ее продать?
- не обременена ли эта земля долгами?
- признают ли власти, обеспечивающие охрану недвижимости, права нового владельца земли?
- как исключить претензии других претендентов на землю?

На эти вопросы трудно ответить, ведя операции в развивающихся и бывших социалистических странах. Для большей части активов не существует единого центра, фиксирующего соответствующую информацию. Вот почему покупка или аренда дома может потребовать долгой и обременительной процедуры консультаций и согласования сделки со всеми соседями. Зачастую нет иного способа удостовериться, что продавец действительно является владельцем здания и что на него нет других

претендентов. По этой же самой причине за пределами Запада операции с недвижимостью осуществляются преимущественно в замкнутых кругах торговых партнеров.

В предыдущей главе мы уже показали, что проблема этих стран заключается вовсе не в недостатке предприимчивости: за минувшие 40 лет бедняки стали владельцами недвижимости на триллионы долларов. Им не хватает легкого доступа к механизмам, которые могли бы законным образом зафиксировать экономический потенциал их активов, что дало бы возможность пустить их в прибыльный оборот. На Западе каждый актив — каждый участок земли, каждый дом и каждый элемент движимого имущества — имеет формальное отражение в своевременно обновляемых записях, совершаемых в соответствии с правилами, предписанными системой частной собственности. Каждый прирост производственных мощностей, каждое новое здание или сооружение, всякая коммерчески ценная вещь кому-либо законным образом принадлежит. Даже если активы являются собственностью корпорации, косвенным образом — через право собственности на саму корпорацию, определяемую акциями, — их владельцами являются некие физические лица, «акционеры».

Возникновение капитала невозможно при отсутствии ключевого механизма, дающего активам определенную форму. Так же как для извлечения энергии из горного озера нужна гидроэлектростанция, для извлечения дополнительной ценности из активов нужна формализованная система частной собственности. Без такой системы, делающей возможным выявление экономического потенциала активов и преобразование его в форму, облегчающую контроль и движение, активы стран третьего мира и бывшего соцлагеря останутся чем-то вроде высокогорного озера в Андах — бесполезным запасом потенциальной энергии.

Почему процесс порождения капитала оказался настолько таинственным? Почему богатые страны, столь щедрые на совет, не объяснили, что при отсутствии четко формализованной системы частной собственности процесс создания капитала будет буксовать? А все дело в том, что механизм, который в недрах системы частной собственности осуществляет превращение активов в капитал, крайне трудно сделать видимым. Он скрыт в тысячах законодательных актов, в правилах, соглашениях, нормах и установлениях, направляющих функционирование системы частной собственности. Находясь внутри этой системы, человек буквально погружен в океан правовых норм и отношений, он не в силах даже дать себе отчет в том, как этот механизм работает. Увидеть его можно только извне, пребывая в недрах внезаконного сектора, то есть именно там, где работаю я со своими коллегами.

Чтобы лучше понять, как закон действует и что он порождает, я уже довольно давно пытаюсь увидеть его с позиций человека из внезаконного сектора экономики. Может показаться, что это весьма экстравагантный подход, но это не так. Как утверждал французский философ Мишель Фуко*, значение многих вещей легче понять, отталкиваясь от противоположности. «Чтобы понять, что в нашем обществе считают здравым рассудком, — пишет Фуко, — полезнее всего посмотреть, как определяют безумие. Ключ к пониманию закона лучше всего, пожалуй, искать в сфере беззакония»⁸. Более того, как и энергия, собственность — это концепция, которая не дается нам в непосредственном восприятии. Никто никогда не видел и не ощущал чистой энергии.

* Выдающийся историк культуры и философ второй половины XX в.

Никому не дано увидеть собственность. Нам дано только наблюдать проявления того и другого — собственности и энергии.

Встав на позицию обитателя внезаконного сектора экономики, я увидел шесть проявлений западной системы частной собственности, позволяющих гражданам создавать капитал. Причиной невозможности разворачивать капитал в странах третьего мира и бывшего соцлагеря является тот факт, что большинство их граждан не имеют возможности опереться на эти проявления или эффекты системы частной собственности.

Эффект частной собственности № 1: фиксация экономического потенциала активов

Потенциальная ценность дома может быть выявлена и обращена в активный капитал точно таким же образом, каким выявляют и преобразуют в полезную форму потенциальную энергию горного озера. В обеих ситуациях для перехода из одного состояния в другое требуется процесс, перемещающий материальный объект в созданное человеком пространство символических отображений, где можно освободить ресурс от обременительных материальных ограничений и выявить его потенциал в чистом виде.

Капитал возникает благодаря его отражению в записях о праве собственности, о залоге, в тексте контрактов и в прочих подобного рода бумагах, фиксирующих социально и экономически наиболее полезные характеристики *отношений* активов в противоположность зримым качествам самих вещей. Именно на этой стадии происходит описание и регистрация потенциальной ценности активов. В тот момент, когда вы останавливаете свое внимание на праве собственности на дом, а не на самом доме, вы автоматически совершаете переход из материального мира в концептуальное пространство, в котором живет капитал. Вы читаете регистрационную запись, которая привлекает ваше внимание к экономическому потенциалу дома, отсекая все отвлекающие и не существенные для дела подробности, относящиеся к его физическим свойствам и окружению. В рамках системы частной собственности в центре внимания

оказывается дом как экономическое и социальное понятие. Тем самым нас приглашают перестать видеть в доме простое убежище, а значит, и омертвленный актив, и увидеть в нем живой капитал.

Легко убедиться в том, что собственность — это именно понятие, когда дом переходит из рук в руки: в материальном мире ничего не меняется. Глядя на дом, не узнаешь, кому он принадлежит. *Ваш* дом выглядит сегодня точно так же, как вчера, когда он был *моим* домом. И он останется таким же после того, как я его продам или сдам в аренду. Собственность — это не сам дом, а экономическая концепция *относительно* дома, воплощенная в юридических документах. Отсюда следует, что правовая форма, устанавливающая право собственности, есть нечто отдельное от самого актива.

Каким же образом записи о формальных отношениях собственности могут создавать новые экономические ресурсы? Разве они не представляют собой чисто формальное отображение активов? Нет. Повторяю: запись, например, о праве собственности на дом отображает не дом, как рисунок или фотография, а имеющуюся у нас экономическую концепцию дома. Точнее говоря, она отображает нематериальные качества дома, потенциально способные произвести ценность. Это не физические свойства самого дома, а его социально и экономически значимые свойства, которые мы за ним закрепили (скажем, способность быть полезным в операциях обеспечения кредита, возмещать требования кредиторов, быть носителем права прохода или совершения работ на окружающей территории и в прочих сделках).

В развитых странах система документального отображения активов служит для обеспечения интересов другой стороны сделок и гарантирует ответственность, поскольку именно этим целям служат содержащаяся в ней информация, правила, нормы и механизмы, предотвращающие нарушение этих норм и правил. На Западе, к примеру, большая часть объектов недвижимости может быть с легкостью использована как дополнительное обеспечение кредита, как источник инвестиционных средств, как адрес сбора долгов, процентов и налогов, как адрес, позволяющий идентифицировать человека для коммерческих, юридических или гражданских надобностей, как терминал коммунальных сетей, пользующийся услугами энергосистемы, водоснабжения, канализации, телефонной связи или кабельного телевидения. Дома в развитых странах выполняют свое первичное предназначение — в них живут и работают, но благодаря системе частной собственности они ведут и параллельное существование, гарантируя интересы других сторон.

Система частной собственности дала Западу инструменты для производства добавочных ценностей сверх имеющихся материальных активов. Граждане западных стран имеют возможность видеть в своем имуществе не только источник непосредственных материальных благ, но и латентные экономические и социальные возможности. Намеренно или нет, но система частной собственности стала лестницей, по которой эти народы поднимаются из мира материальных активов в концептуальный мир капитала, где активы раскрывают свой производительный потенциал во всей полноте.

Для народов развитых стран система частной собственности оказалась ключом к современному развитию; их граждане имеют все средства, чтобы выявлять, причем легко, потенциально наиболее производительные свойства своих ресурсов. Как показал еще Аристотель 2300 лет тому назад, возможности что-либо делать с вещами бесконечно возрастают, когда наше мышление концентрируется на их скрытых возможностях. Научившись с помощью регистрационных записей фиксировать экономический потенциал своих активов, западные люди создали возможности для быстрого выявления их наиболее производительных качеств. Система частной собственности создала лестницу в мир идей, где может быть вскрыт экономический смысл вещей и где, собственно, и возникает капитал.

Эффект частной собственности № 2: интеграция разрозненной информации

Как было показано в предыдущей главе, большинству граждан развивающихся и бывших социалистических стран закрыт, как бы они ни стремились, доступ к легальной частной собственности. Поскольку они не в состоянии легализовать свою частную собственность, им приходится владеть ею внезаконно. Процветание капитализма на Западе и прозябание в других районах мира объясняется просто: большая часть имущества, принадлежащего гражданам западных стран, включена в систему законных процедур регистрации частной собственности.

Такое положение возникло далеко не случайно. В XIX в. политики, законодатели и судьи десятилетиями трудились над тем, чтобы собрать и интегрировать в единую систему разрозненные факты и правила, определяющие отношения собственности в городах и селах, на фабриках и фермах. В результате этого «собираания воедино» информации о собственности и об отношениях по поводу собственности, которое явилось поистине революционным преобразованием в хозяйственной и социальной жизни народов западных стран, вся соответствующая информация, правила и нормы оказались сведены в единую базу знаний. До этого момента информация о собственности была не столь уж доступна. В каждом земельном хозяйстве или поселке записи об активах и относящихся к ним нормам и правилам фиксировались в рудиментарных регистрационных книгах или были достоянием изустного предания. При этом информация оказывалась разрозненной, и для ее сбора требовались время и усилия. Сегодня каждому понятно, что изобилие фактов далеко не свидетельствует об изобилии информации. Чтобы сделать знание функциональным, развитым странам пришлось все несвязанные и разрозненные данные о собственности свести в единую всеохватывающую систему.

Этот процесс обошел стороной развивающиеся и бывшие социалистические страны. Ни в одной из обследованных нами стран я не нашел единой правовой системы регистрации недвижимости. Повсюду этим занимались десятки или даже сотни разного рода организаций, часть из них действовала на законных основаниях, другие являлись внезаконными; среди них были небольшие предпринимательские объединения и громадные системы жилищно-коммунального хозяйства. В силу этого возможности владельцев недвижимости в этих странах ограничены воображением и связями собственника. В странах Запада, где информация о недвижимости стандартизирована и легкодоступна, возможности собственников расширены благодаря коллективной изобретательности множества участников системы.

Западного читателя может удивить тот факт, что в большинстве стран мира внезаконные соглашения о собственности еще не интегрированы в рамки единой законно установленной системы. Западные люди привыкли к тому, что закон для всех един. Но такое положение вещей утвердилось не более 200 лет назад. В большинстве стран западной культуры интегрированные системы регистрации недвижимости появились не более 100, а, скажем, в Японии чуть больше 50 лет тому назад. Ниже мы детально покажем, что пестрота норм и правил, направляющих отношения собственности, была некогда обычной для всех стран. В странах континентальной Европы правовой плюрализм был нормой до XIV в., когда было заново открыто римское право и правительства осуществили кодификацию законов*.

В Калифорнии наследием золотой лихорадки 1849 г. явилось наличие примерно 800 обособленных территорий, каждая со своей юрисдикцией собственности, системой регистрации недвижимости, со своими нормами и правилами. Вообще по всем Соединенным Штатам, от Калифорнии до Флориды, ассоциации претендентов на недвижимость принимали собственные нормы и правила и создавали свои службы с соответствующим персоналом. Потребовалось более 100 лет, чтобы к концу XIX в. правительство США приняло особые положения, внесшие единообразие и формализацию в систему регистрации и совершения операций с активами. Приняв более 35 законодательных актов, определяющих преимущественное право на покупку государственной земли и разработку недр, Конгресс постепенно упорядочил в единую систему не имевшие законного статуса положения о собственности, созданные в результате самодеятельности миллионов иммигрантов и первопоселенцев. В результате возник единый рынок недвижимости, ставший базой стремительного хозяйственного роста страны.

Трудность изучения и анализа истории интеграции разнородных систем управления недвижимостью в том, что этот процесс растянулся на очень долгое время. В Германии, например, первая система регистрации операций с недвижимостью появилась еще в XII в., а окончательная интеграция была достигнута только

* Сложившееся в Древнем Риме так называемое римское право содержало детальную разработку правоотношений имущественного оборота в условиях частной собственности. Усвоение римского права в странах Западной Европы (рецепция римского права) началось в XII в. и достигло кульминации в XV—XVI вв.

ко в 1896 г., когда в масштабе всей страны начала действовать система *Grundbuch**, унифицировавшая и стандартизовавшая процедуры регистрации сделок с недвижимостью. В Японии общенациональное движение за унификацию земельных отношений началось еще в конце XIX в., но достигло успеха только в конце 1940-х гг. В Швейцарии усилия по унификации несопоставимых систем регистрации операций с недвижимостью, начатые еще в начале XX столетия, не изучены как следует даже самими швейцарцами.

Благодаря унификации и интеграции систем регистрации, гражданам развитых стран не нужно выезжать на место, чтобы получить адекватное описание экономических и социальных характеристик любого объекта недвижимости. Более нет нужды колесить по стране, чтобы встретиться с каждым владельцем и его соседями. Законная унифицированная система информации содержит сведения о наличных активах и об их потенциальной прибыльности. Это облегчает оценку объектов недвижимости и операции с ними, создает выгодные условия для порождения капитала.

Эффект частной собственности № 3: ответственность собственников

Интеграция и унификация систем регистрации недвижимости вывела отношения собственности из юрисдикции отдельных районов и местных властей и поместила их в рамки общего закона. Высвобождение собственников из-под сковывающего действия местных норм и установлений и предоставление им возможности действовать в рамках единой правовой системы повышает степень их ответственности.

В результате фиксации отношений частной собственности, вменения связанных с владением недвижимостью прав и обязательств выделились индивидуумы — носители прав и обязанностей. Исчезли и зависимость от отношений с соседями, и необходимость местных соглашений для защиты своих прав собственности. Освобождение от примитивных экономических забот и

* *Grundbuch* (нем.) — Земельная книга.

от обременительных местных ограничений развязало людям руки для деятельности, направленной на повышение ценности и доходности их активов. Но за новые возможности пришлось платить: в рамках легальной системы частной собственности владельцы утратили анонимность. Получив выгоды неразрывно

связанных с недвижимостью четких прав и обязанностей, информация о которых доступна всем и каждому, люди заплатили за это невозможностью прятаться за спины толпы. На Западе такого рода анонимность практически исчезла, а личная ответственность существенно возросла. Тех, кто не платит должным образом за потребляемые блага и услуги, несложно выявить, обложить штрафами, изъять их имущество. Их репутацию и доверие к ним нетрудно разрушить. Властям легко получить информацию о нарушениях закона и невыполнении соглашений; в ответ они могут приостановить предоставление услуг, наложить арест на имущество и отменить все или часть прав, связанных с владением недвижимостью.

В западном мире уважение к собственности и принятым обязательствам вряд ли закодировано в ДНК граждан. Эти свойства являются результатом четкости и надежности отношений собственности. Законы, защищающие не только права собственности, но и выполнение договоров, воспитывают в гражданах западных стран уважение к собственности, к договорам и готовность подчиняться закону. Система безошибочно фиксирует факт бесчестного поведения человека, что тут же сказывается на его репутации в глазах соседей, служб коммунального хозяйства, банков, телефонных компаний, страховых фирм и всех остальных участников сети, образуемой отношениями собственности.

В общем, системы частной собственности оказались для людей Запада двусмысленным благом. Сотни миллионов людей получили долю в игре, называемой капиталистическим хозяйством, остроту которой придает то, что каждый может утратить свое место за игорным столом. Значительная часть потенциальной ценности частной собственности определяется возможностью ее изъятия. Полезность системы, соответственно, в значительной мере кроется в соединении прав и ответственности, в налагаемых ограничениях, в порождаемых правилах игры и в совокупности возможных санкций. Открыв возможность для оценки экономического и социального потенциала активов, система частной собственности изменила в развитых странах не только понимание возможных выгод от владения недвижимостью, но и обострила понимание связанных с этим рисков. Узаконенность отношений собственности повысила уровень обязательности в поведении.

Таким образом, отсутствие частной собственности объясняет, почему граждане стран третьего мира и бывшего соцлагеря не имеют возможности заключать прибыльные соглашения с иностранцами, почему они не имеют доступа к кредиту, страхованию и другим полезным услугам. У них нет собственности, которой можно лишиться. Поскольку они не рискуют утратить собственность, в качестве участников соглашений их могут серьезно воспринять только родня и хорошие знакомые. Люди, если им нечего терять, оказываются в грязной западне докапиталистического существования.

Соответственно, граждане развитых стран могут вступать практически в любые соглашения, но платой за это является принятие обязательств. А надежность обязательств обеспечивается недвижимостью, которая может быть взята в залог, конфискована и т.п., которая, иными словами, может гарантировать законные интересы другой стороны.

Эффект частной собственности № 4: повышение ликвидности активов

Одним из самых важных последствий системы частной собственности является повышение ликвидности активов, благодаря чему они могут выполнять дополнительную работу. В отличие от самих объектов недвижимости, права собственности на них легко комбинировать, делить, мобилизовывать, использовать для стимулирования экономических операций. Отщепив от косных материальных активов их экономический смысл, система регистрации прав собственности наделила недвижимость свойством «ликвидности» — способности выступать в форме, удовлетворяющей требованиям практически любых трансакций.

Стандартизовав описание активов, мы, скажем, получили возможность сравнить два различных в архитектурном отношении сооружения, если они предназначены для сходных целей. Это позволяет быстро и дешево различать сходные и несовпадающие свойства активов, обращаться с ними как со взаимозаменяемыми объектами.

На Западе стандартизация описаний облегчает комбинирование объектов недвижимости. Унифицированные правила описания дают возможность подчеркнуть как уникальные свойства каждого объекта, так и их сходство, что способствует поиску возможных комбинаций. Зная, в какой зоне расположен объект, можно определить, кто с ним соседствует, чем занимается, сколько квадратных метров в зданиях, можно ли их соединить, как с наибольшей прибылью эксплуатировать — в качестве ли конторского помещения, гостиницы, книжного магазина или комплекса для игры в теннис.

Стандартные описания разрешают делить активы. В реальном мире актив, например завод, неделим, но в концептуальном мире отношений частной собственности его можно разделить на любое число частей. Граждане развитых стран имеют возможность дробить свою недвижимость на части или паи, и каждый пай может быть в собственности другого человека. Благодаря системе частной собственности единая фабрика может быть в собственности множества инвесторов, причем любой из них может продать свою долю собственности, и это не затронет целостности и функциональной пригодности предприятия.

Точно так же в развитых странах сын фермера, решивший пойти по стопам отца, может выкупить доли других наследников и сохранить целостность фермы. Во многих развивающихся странах у фермеров нет такой возможности, так что в каждом поколении ферма дробится на все более мелкие, не способные никого прокормить части, пока наследники не столкнутся с грустной перспективой — голодать или воровать.

Описание объектов недвижимости можно использовать для моделирования гипотетических ситуаций примерно так же, как офицеры на карте отрабатывают различные варианты сражений. Стоит только задуматься об этом, и вы поймете, что именно достоверные стандартные описания дают предпринимателям возможность моделировать хозяйственные стратегии в поисках наилучших вариантов наращивания капитала компании.

Кроме того, сопровождающие каждый объект недвижимости документы организованы так, чтобы облегчить измерение его характеристик. При отсутствии таких описаний любой, пожелавший купить, взять в аренду или дать кредит под залог конкретного актива был бы принужден затратить массу времени и денег на то, чтобы оценить и сопоставить его с другими, также не имеющими стандартного описания активами. Стандартизация позволила странам Запада существенно снизить транзакционные издержки на организацию оборота и использование активов.

Правильно организованная система частной собственности открывает перед владельцами исключительные возможности для расщепления, соединения и комбинирования активов. Жители стран Запада имеют возможность приспособливать свою собственность к любым изменениям экономической ситуации, тогда как граждане стран третьего мира остаются в ловушке косных, неликвидных форм и отношений.

Эффект частной собственности № 5: развитие общественных связей

Система частной собственности, дающая возможность установить историю активов и их собственников, их соотносимость с конкретными собственниками, создающая юридически действенные адреса и условия для выполнения контрактов, образует из граждан западных стран сеть легко идентифицируемых и лично ответственных агентов бизнеса. Благодаря функционированию системы частной собственности возникла целая инфраструктура связей, которые, подобно железнодорожным сортировочным станциям, делают возможным беспрепятственное движение активов (поездов) между людьми (станциями). В системе частной собственности защита объектов недвижимости не главное: колонии первопоселенцев, жилищные кооперативы, банды и даже примитивные племена достаточно эффективно защищают собственность своих людей. Главное экономическое преимущество системы частной собственности заключается в том, что она радикально улучшила возможности коммуникаций по поводу активов, их потенциала и использования. Одновременно поднялся статус владельцев недвижимости, поскольку они обратились в агентов хозяйственной деятельности, способных придавать своим активам практически любую форму.

Это объясняет, каким образом легальная система частной собственности открывает для поставщиков электроэнергии, воды и т.п. возможность инвестировать в развитие сети производства и снабжения. В соответствии с законом здания, являющиеся терминалами сетей коммунального хозяйства, закреплены за своими владельцами, потребляющими эти услуги и оплачивающими их, и это сокращает риск разворовывания ресурсов. Когда известно, где живут люди, проще добиваться оплаты счетов за услуги. Когда известно, где и кто живет и чем занимается, можно с большей легкостью и точностью рассчитать районные потребности в электроэнергии. Не зная, кто и на что имеет право, и без опоры на правовую систему, обеспечивающую соблюдение договоров, службам коммунального хозяйства было бы трудно вести свой бизнес с прибылью. А на что еще можно было бы опереться при развитии сети коммунальных услуг, при доведении ее до каждого дома и участка земли? Каким иным образом можно было бы наладить систему рассылки счетов за услуги, измерения объема потребления и сбора платы, контроля за потерями? Как при отсутствии всех этих механизмов можно было бы бороться с хищениями в сетях коммунального хозяйства?

Любое здание — это терминал сетей коммунального хозяйства. *Ответственность и подотчетность* этих терминалов обеспечивается легальностью частной собственности. Сомневающимся стоит обратить внимание на ситуацию с системами коммунального хозяйства за пределами Запада, где убытки коммунальных компаний от воровства и неадекватной оплаты составляют от 30 до 50% всего объема предоставляемых услуг.

Развернутая на Западе система частной собственности обеспечивает мир бизнеса информацией об активах и их собственниках, о ценности их недвижимости и о достоверном адресе, и все это служит фундаментом системы кредита. Единообразие законов и наличие достаточной информации открывают возможности для управления риском с помощью разных систем страхования.

Мало кто обратил внимание на то, что в развитых странах легальные системы частной собственности образуют центр сложной сети коммуникаций, позволяющих рядовым гражданам устанавливать связи с частным и государственным секторами и благодаря этому получать дополнительные блага и услуги. Без инструментов, опирающихся на институт частной собственности, невозможно использовать активы столь многообразно, как на Западе. Каким иным способом финансовые организации могли бы определять кредитоспособность миллионов заемщиков? Как иначе можно было бы использовать, скажем, строевой лес, растущий в Орегоне, для обеспечения инвестиций в промышленное предприятие в Чикаго? Как могли бы страховые компании выявлять надежных клиентов? Как еще можно было бы наладить службу эффективной и дешевой инспекции и верификации услуг? Как иначе могла бы работать система сбора налогов?

Все это делается возможным благодаря институту частной собственности, с помощью которого удается извлекать из недвижимости потенциальную энергию капитала и не ограничиваться использованием зданий исключительно по прямому назначению — для укрытия от непогоды. В развивающихся странах система собственности на недвижимость зачастую не в силах стать инструментом созидания капитала, потому что нет понимания того, что собственность имеет отношение к чему-либо, кроме владения недвижимостью. Функции таких систем сводятся исключительно к регистрации сделок, территории и поэтажных планов зданий, но не предусматривают дополнительных механизмов установления связей, позволяющих активам вести параллельную жизнь в качестве капитала. Не следует отождествлять формализацию частной собственности с английской «Книгой Страшного суда»* и с процедурами регистрации багажа в международных аэропортах. Правильно организованная система частной собственности вырабатывает связи, позволяющие людям создавать на базе своих активов более ценные и доходные комбинации.

* Domesday Book — свод всеобщей поземельной переписи в Англии, проведенной в 1086 г. Свод отражал данные о пахотных землях, плуговых упряжках, пастбищах, лесах, мельницах, годовых доходах вотчин и другие сведения.

Эффект частной собственности № 6: паспортизация сделок

Важной особенностью западных систем частной собственности, позволяющей им служить основанием сети связей, является то, что все регистрационные записи (свидетельства о собственности, документальное оформление операций, ценные бумаги и контракты, то есть все документы, описывающие экономически значимые особенности активов) надежно защищены от потери и подделок. Важнейшим звеном этой цепи хранения документов о собственности являются государственные архивы, которые ведут досье на все значимые объекты собственности (участки земли, здания, движимое имущество, суда, самолеты, рудники, заводы и т.п.), содержащие описание всех важных экономических характеристик этих объектов. Эти досье хранят всю информацию о факторах, ограничивающих или повышающих ценность активов — о наличии закладных, дополнительных прав (на проход или проезд, на прокладку коммуникаций и т.п.), о договорах аренды, об отягощенности долгами. Архивы гарантируют точность и своевременное обновление информации, имеющейся в досье, простоту и легкость доступа к этой информации.

Помимо системы государственных архивов действует целая сеть частных организаций, обеспечивающих регистрацию и движение важной экономической информации, которая дает участникам бизнеса возможность повышать ценность активов. Эта сеть частных фирм, обслуживающих функционирование системы частной собственности, включает нотариусов; организации, принимающие на хранение документы, вступающие в силу лишь при наступлении обусловленных обстоятельств или при завершении сделок; фирмы, страхующие точность выполнения сделок; брокеров по закладным; трастовые компании и частные хранилища документов. В Соединенных Штатах страховые компании берут на себя защиту участников операций от разнообразных рисков, в том числе от недостоверности документов на права собственности, непригодности этих прав для продажи и невозможности реализовать закладные. В соответствии с законом все эти организации обязаны следовать жестким нормам и правилам, регулирующим физическое хранение и движение документов, а также связанные с этим вопросы персонала.

В принципе, эти организации должны защищать права собственности и гарантировать выполнение заключенных соглашений. Очевидно, что в западных странах последнее является главным. Именно возможность гарантировать выполнение заключенных соглашений подталкивает людей к приданию их активам второй жизни в виде капитала.

В большинстве развивающихся стран, напротив, закон и государственные органы пребывают в плену раннего колониального и римского права, которые тяготели к первой функции — к защите прав собственности. Они превратились в хранителей мертвых традиций. Это объясняет, почему на Западе обращение собственности в капитал осуществляется с такой легкостью, а в развивающихся и в бывших социалистических странах большая часть активов ради повышения мобильности ушла за пределы законной правовой системы в область внезаконного оборота.

На Западе забота о надежности сделок обеспечивает значительную экономию транзакционных издержек. Как еще объяснить тот факт, что в развивающихся и бывших социалистических странах крестьяне до сих пор сами вывозят выращенных свиней на рынок и там поштучно их продают, как это делалось тысячу лет назад? Западные же фермеры в один прием сбывают стада свиней покупателям, которые этих стад и в глаза не видели. На Чикагской товарной бирже, например, в торговле обходятся предъявлением сертификатов, которые дают более полную информацию о продаваемых свиньях, чем можно было бы получить в результате детального обследования каждого животного. У них есть возможность осуществлять оптовые сделки, не беспокоясь о надежности операций.

Капитал и деньги

Шесть эффектов, создаваемых системой частной собственности, делают так, что дома больше не являются простыми жилищами, всего лишь укрытиями от дождя и холода. Система защиты прав

собственности и сделок позволяет этим домам вести параллельную жизнь, создавая экономические эффекты, невозможные в прошлом. Хорошо организованная система частной собственности,

в сущности, обеспечивает две вещи. Во-первых, точная и полная регистрация резко снижает расходы на получение информации об экономических характеристиках активов. Во-вторых, она облегчает достижение согласия по вопросу о том, как использовать активы для дальнейшего наращивания производства и углубления системы разделения труда. Гений Запада сказался в создании системы, позволяющей людям видеть и манипулировать невидимыми и неосознаваемыми ценностями.

Несколько столетий назад ученые высказали предположение, что мы используем слово *capital* (от лат. «голова»), потому что голова — вместительница всех инструментов, с помощью которых мы создаем капитал. Можно предположить, что причина таинственности, всегда окутывавшей капитал, в том, что он, подобно энергии, является продуктом человеческого ума. Осознание капитала может придать только система частной собственности, документирующая его экономические характеристики и свойства, привязывающая его к конкретным собственникам и месту в пространстве.

Но собственность — это не просто бумажный документ, а передаточное устройство, которое отражает и хранит большую часть информации, обеспечивающей движение рыночной экономики. Частная собственность оплодотворяет всю систему, поскольку делает людей ответственными, а активы ликвидными, фиксирует сделки и обеспечивает действенность всех необходимых для работы механизмов, начиная с денежной и банковской систем до производственной и инвестиционной сфер. Именно институт частной собственности образует связь между капиталом и денежным обращением.

В современной экономике именно фиксация прав собственности и сделок снабжает денежные власти информацией о том, что необходимо эмитировать дополнительную порцию законных платежных средств. Об этом писали в 1976 г. экономисты Джордж А. Миллер и Филипп Н. Джонсон-Лэрд: «Предшественниками бумажных денег были долговые расписки или векселя. [Можно считать], что деньги... предполагают институт частной собственности»⁹. Именно наличие экономических характеристик активов в свидетельствах о праве собственности делает возможным использование последних в коммерческих и финансовых операциях и создает ориентиры для эмиссии денег центральными банками. Возникновению кредита и инвестиций препятствует нехватка не самих материальных активов, а их отражений в системе частной собственности — в виде свидетельств о собственности или акций, которые регулировались бы законами, обязательными на всей территории страны. Деньги не возникают из денег. Чтобы делать деньги, нужно для начала иметь право собственности. Даже если вам дадут денег взаймы, для получения прибыли вам придется их инвестировать или отдать в долг под обеспечение документа о собственности, который зафиксирует ваши права на возврат основной суммы с процентами. Повторяю: собственность всегда предшествует деньгам.

Видные германские экономисты Гуннар Хейнсон и Отто Стайгер сформулировали это так: «С позиций собственности, которая должна всегда существовать еще до того, как появляются деньги, деньги не возникают из ничего»¹⁰. Заметив, что мы работаем в довольно близких направлениях, они обратили мое внимание на свою неопубликованную статью, в которой утверждается, что «процент и деньги не могут быть поняты вне института частной собственности»¹¹. Пониманию этой зависимости, утверждают они, мешает общее ошибочное представление, что центральные банки эмитируют деньги и поддерживают платежеспособность коммерческих банков. С точки зрения Хейнсона и Стайгера, от внимания ускользает тот факт, что «в здоровой банковской системе все кредиты выдаются под обеспечение»¹² или, в моих терминах, под законные свидетельства о наличии прав собственности. Они согласны с точкой зрения Гаролда Демсеца*, считавшего самоочевидным, что именно система частной собственности образует фундамент капитализма, и Йозефа Шумпетера**, склонявшегося к тому, что права собственности являются основанием эмиссии денег. Как верно отмечает в своей замечательной книге Том Беффелл, «многие благие свойства и последствия системы частной собственности никогда не подвергались должному анализу»¹³.

* Американский экономист второй половины XX в., один из создателей экономической теории прав собственности.

** Выдающийся австрийский, впоследствии американский экономист и социолог первой половины XX в.

Капитал, как я уже показывал выше, не может быть порождением денег. Его создают люди, которые, опираясь на свою собственность, вступают в сотрудничество с себе подобными, ищут возможности на основе уже накопленных активов расширить и развернуть производство. В последние два столетия быстрое наращивание капитала на Западе было следствием постепенного совершенствования системы частной собственности, что позволило экономически активному населению выявлять и реализовывать потенциальную ценность своих активов, превратить их в фундамент неинфляционных систем денежного обращения, которые сделали возможным финансирование расширения производства.

Благодаря этому мы превосходим белок, запасавших еду на зиму (образец «отложенного потребления»). Мы умеем использовать институт частной собственности таким образом, чтобы давать накопленным нами вещам параллельное существование. Когда народы развитых стран сумели слить воедино всю связанную с активами и их движением информацию, все нормы и правила, они получили интегрированный институциональный процесс, на котором строится создание капитала. Если бы

капитализм был наделен сознанием, оно разместилось бы в системе частной собственности. Но современный капитализм, как и многое, имеющее отношение к сознанию, оперирует на бессознательном уровне.

Почему классики экономической теории, понимавшие, что капитал — это абстракция, нуждающаяся в материализации, не установили связей между капиталом и собственностью? Возможно, дело в том, что во времена Адама Смита да, пожалуй, и Карла Маркса система собственности была еще относительно ограниченной и неразвитой и роль отношений собственности было трудно оценить. А может, важнее было то, что битва за будущее капитализма вышла за пределы теоретических дискуссий и охватила широкие круги предпринимателей, финансистов, политиков и юристов. Дельцы, изменяющие общество день за днем и год за годом, вытеснили теоретиков из центра общественного внимания.

Когда гигантская машина капитализма оказалась вполне собранной и ее машинисты деловито занялись созданием богатства, вопрос о том, как, собственно, все это работает, потерял остроту. Защитникам капитализма, подобно жителям дельты большой плодородной реки, нет нужды искать истоки своего процветания в верховьях. Чего ради этим заниматься? Но с концом холодной войны капитализм оказался единственным серьезным направлением развития. Весь мир обратился к Западу в поисках помощи и совета — как воспроизвести образ жизни обитателей дельты? Как обеспечить стабильность валюты, открытость рынков и гарантии частной собственности? Иными словами, как достичь целей структурных реформ и макроэкономической политики? Все позабыли, что источником богатства жителей дельты являются неисследованные верховья. Надежно функционирующий институт частной собственности, который обеспечивает процветание современного капитализма, — это плодородный ил, принесенный из верховьев.

Вот в чем одна из главных причин того, почему не работают макроэкономические реформы. Можно имитировать формы капиталистического хозяйства, импортируя забегаловки Макдоналдс и блокбастеры, но это не обеспечит процветания. Необходим капитал, а его не получить без сложной и дееспособной системы частной собственности, которая никогда ни на кого с неба не сваливается.

Фернан Бродель о стеклянном колпаке

Причиной прогрессирующего обнищания бедняков в развивающихся и бывших социалистических странах является, прежде всего, их отрезанность от шести положительных эффектов, создаваемых системой частной собственности. Проблема этих стран не в том, смогут ли они напечатать дополнительные деньги или получить их займы. Им необходимы правовые институты и политическая воля, которые позволили бы создать систему частной собственности, доступную для бедных слоев населения. Французский историк Фернан Бродель считал великой тайной то, что на заре своего развития капитализм на Западе, как и сегодня в некоторых районах мира, служил интересам только привилегированного меньшинства.

Главное понять, почему в прошлом тот сектор общества, который я не колеблясь называю капиталистическим, жил как под стеклянным колпаком? Почему ему не достало сил для экспансии и покорения общества в целом?.. [По какой причине] значительный рост капитала оказался возможным только в некоторых секторах, но не во всей системе рыночного хозяйства своего времени?.. Дразнящим парадоксом является факт, что если в тот период что-то и было дефицитом, то уж во всяком случае не деньги... в ту эпоху подряд скупались тощие земли, возводились великолепные загородные резиденции, воздвигались величественные монументы и не жалели денег на всевозможную роскошь... [Как] разрешить явное противоречие между вялостью хозяйственного климата и блеском Флоренции времен Лоренцо Великолепного?¹⁴

Я убежден, что ответом на заданный Броделем вопрос является ограниченность доступа как стран Запада в прошлом, так и развивающихся и бывших социалистических стран в настоящем к легальной частной собственности. У местных и иностранных инвесторов есть капитал. Их активы более или менее интегрированы, ликвидны, взаимосвязаны и защищены законами. Но это лишь малая часть населения, те, кто может оплатить услуги опытных юристов, связи в крупных государственных и финансовых организациях и кому хватает терпения лавировать в мутных водах бюрократического мира. Подавляющее большинство населения, все, не имеющие доступа к системе частной собственности, живут вне броделевского стеклянного колпака.

Этот колпак обращает капитализм в частный клуб, открытый только для привилегированных, вне которого остаются миллиарды разъяренных пролетариев. Эта система капиталистического апартеида будет сохраняться до тех пор, пока мы не сумеем ликвидировать роковые изъяны в правовой и политической системах многих стран, в силу которых большинство населения Земли остается за пределами легальной частной собственности.

Пришло время выяснить, почему в большинстве стран не сумели создать открытую систему частной собственности. Сегодня, когда страны третьего мира и бывшего соцлагеря предпринимают отчаянную попытку перейти к капитализму, пришло время поднять стеклянный колпак, отгораживающий от них Запад.

Но прежде нужно понять, почему правительства не замечают этого колпака?

Глава 4 Загадка политического непонимания

Слякоть, мрак, за рядом ряд
В город нищие спешат.
Кто в рванье, а кто в обносках,
Кто в помаде и шелках.
Английский детский стишок

В развивающихся странах в последние 40 лет, а в бывших социалистических с начала 1990-х гг. происходят серьезные изменения в структуре населения. С тех пор как в 1979 г. Дэн Сяопин начал экономические реформы, 100 млн китайцев покинули места официальной прописки и двинулись в города в поисках внезаконных рабочих мест. Три миллиона нелегально заполонивших Пекин выходцев из села создали на окраинах города целые кварталы крошечных заводов и мастерских. Население Порт-о-Пренса выросло в 15 раз, Гуаякиля - в 11, а Каира - в 4 раза. Сегодня внезаконный сектор хозяйства создает 50% ВВП в России и на Украине и поражающие воображение 62% — в Грузии. По сообщениям Международной организации труда, с начала 1990-х гг. 85% новых рабочих мест в Латинской Америке и на Карибских островах возникли во внезаконном секторе хозяйства. В Замбии только 10% рабочей силы работают в легальном секторе хозяйства.

И что же делают в ответ все эти страны? Много всего. Их правительства засучили рукава и принялись решать эти проблемы — одну за другой, каждую в отдельности. В августе 1999 г., например, власти Бангладеш снесли 50 тыс. лачуг в столичном городе Дакка. Там, где снести трущобы оказалось невозможным, власти строили школы и тротуары для миллионов самозванных переселенцев, наводнивших частные и казенные земли. Одновременно правительства осуществляли программы помощи кустарным мастерским и заводикам, которые во многих крупных городах способствуют постепенному преобразованию жилых зон в промышленные. Власти заботились об улучшении внешнего вида торговых ларьков, загромождающих улицы и тротуары; убирали с улиц и площадей больших городов орды нищих и бродяг и заводили вместо этого газоны и цветники; ужесточали нормы и требования в строительстве, чтобы предотвратить массовое разрушение жилых домов, как это случилось в Турции в 1999 г. во время землетрясения. Правительства хлопочут, чтобы переполняющие дороги драндулеты, выполняющие роль такси и маршрутных автобусов, отвечали минимальным требованиям безопасности; они сражаются с воровством и потерями в сетях водо- и электроснабжения и пытаются добиться соблюдения требований патентного права и уважения к авторским правам. Они арестовывают и судят целые полки гангстеров и наркodelьцов (по крайней мере, самых знаменитых) и отправляют их в тюрьмы (хотя бы на время). Органы тайной полиции ужесточают контроль за деятельностью экстремистских политических движений, приобретающих влияние среди лишенных корней и потерявших жизненные ориентиры масс кочующего населения.

Изучением каждой из этих проблем занимаются специалисты, и для решения каждой из них есть отдельная политическая и административная программа. Мало кто отдает себе отчет, что перед нами гигантская волна захлестнувшей весь мир промышленной революции; грандиозный по масштабам переход от сельской цивилизации к городской. К добру или к беде, люди за пределами Запада тучами снимаются с места, покидая самодостаточные изолированные сельские общины в поисках более обеспеченной, разнообразной и независимой жизни в городах.

Слишком немногие понимают, что сегодня страны третьего мира и бывшего соцлагеря переживают почти такую же промышленную революцию, как та, что прокатилась по странам Запада более двух столетий назад. Разница лишь в том, что современная революция развивается намного быстрее и преобразует жизнь куда больших масс населения. Когда Британия 250 лет назад начала ускоряющееся движение от ферм к персональным компьютерам, ее население составляло 8 млн человек. Индонезия же с 200 млн человек совершила аналогичный переход всего за 40 лет. Ничего удивительного, что ее институты и установления не успели адаптироваться к новой ситуации. Но они непременно должны адаптироваться. Люди ушли от замкнутой жизни в селах и на хуторах, чтобы принять участие в расширяющемся процессе экономического и интеллектуального обмена. Именно этот процесс превратил Джакарту, Мехико, Сан-Паулу, Найроби, Бомбей, Шанхай и Манилу в мегагорода с населением 10, 20, 30 млн человек и практически неработающими политическими и правовыми институтами.

Поскольку правовые институты не поспевают за этим поразительным социальным и экономическим переворотом, новые городские поселенцы вынуждены изобретать внезаконные правила, суррогат законного права. Если в развитых странах большинство сделок имеет безличностный характер, то в развивающихся большинство новых горожан могут вступать в деловые отношения только с теми, кого знают и кому доверяют. Такой стиль бизнеса дает не очень надежные результаты. Как указывал Адам Смит, чем шире рынок, тем детальнее система разделения труда и эффективнее хозяйство, быстрее рост

капитала и заработной платы. Слабость правовых институтов не позволяет предприимчивым людям договариваться с чужаками, а это сковывает прогресс в разделении труда и замыкает потенциальных предпринимателей в тисках узкой специализации и малой производительности.

Процветание предпринимательства на Западе объясняется тем, что правовые институты объединили всех в рамках единой системы законов о собственности, снабдив каждого средствами для сотрудничества и расширения производства товаров и услуг, поглощаемых интегрированными национальными рынками. Экономический рост Запада, в том числе наблюдаемый сегодня экспоненциальный рост электронных и телекоммуникационных технологий, стал возможным только благодаря гарантированности и определенности прав собственности, упрочившихся до этого развития и сделавших его возможным. Единая система частной собственности разрушала стремившиеся к замкнутости и самодостаточности анклав экономической деятельности и открывала возможности для расширения рынков и наращивания капитала. В этом смысле собственность подчиняется закону Меткалфа, названному так в честь Боба Меткалфа — изобретателя стандарта организации локальных компьютерных сетей Ethernet. Закон гласит:

Ценность сети, измеряемая ее полезностью для населения, примерно пропорциональна квадрату числа пользователей. Примером является телефонная сеть. Один телефонный аппарат бесполезен — кому звонить? Два телефона — уже лучше, но не намного. Потенциальные возможности сети полностью реализуются, только когда телефон есть у большинства населения¹.

Локальные компьютерные сети существовали годами, прежде чем возникла идея связать их между собой. Точно так же системы собственности, когда их связывают в рамках большей системы, открывают перед обществом громадные преимущества. Только после этого потенциальные возможности конкретного права собственности перерастают изобретательность и ловкость владельца, его соседей и знакомых; теперь в разработке перспектив участвует куда более широкая сеть знаний и изобретательности. Только после этого люди принимают на себя обязательство соблюдать закон, потому что начинают понимать, что без этого они закрывают себе путь к процветанию. Только после этого правительство оставляет героические попытки решить бесчисленное множество проблем и обращается к заботам о развитии хозяйства. Без законной системы частной собственности ни современные правительства, ни рыночное хозяйство нежизнеспособны. Сегодня многие из проблем развивающихся рынков порождаются главным образом фрагментарностью отношений собственности и отсутствием стандартных норм, без которых не может быть продуктивного взаимодействия активов и агентов хозяйственной деятельности, а правительства не в состоянии править, опираясь на силу закона.

Когда граждане развивающихся и бывших социалистических стран эмигрируют в страны Запада, развитые правовые и социальные институты достаточно оперативно помогают им включиться в систему частнособственнических отношений, открывающую им возможности для производительного труда. Но подобные им люди, мигрирующие в границах своих собственных стран, не получают такой помощи, по крайней мере оперативно. В бедных странах мира отсутствуют институты, обеспечивающие интеграцию мигрантов в легальный сектор хозяйства, которые помогали бы им придать ликвидность своим активам, превратили бы владельцев активов в ответственных агентов хозяйственной жизни, создали условия для производительного труда и наращивания законного капитала. Поэтому мигранты, в ущерб законному порядку, изобретают внезаконные формы ведения бизнеса, подменяющие законный правовой порядок.

Таким образом, политическая слепота заключается в неспособности осознать, что причиной расширения внезаконного сектора и разрушения правового порядка является массовый исход людей в города. Руководителям государств не хватает понимания того, что люди будут и впредь спонтанно самоорганизовываться, создавая отдельные внезаконные группы, до тех пор пока правительства не откроют им достойного доступа в законную систему частной собственности.

Фундаментальной проблемой незападных стран является не то, что люди переселяются в города, что городское хозяйство не справляется с вывозом мусора, что инфраструктура недостаточна, а деревни пустеют. Подобные вещи уже происходили в прошлом развитых стран. Сам по себе рост городов не является проблемой. В XX в. Лос-Анджелес рос быстрее, чем Калькутта, а Токио теперь втрое больше Дели. Первостепенной проблемой является задержка с осознанием того, что сумятица и хаос, царящие в развивающихся странах, представляют собой, скорее, обещание перспектив, а не разрушительных проблем. Когда удастся пустить в дело энергию революционных перемен, охватывающих эти страны, проблемы слабеют. Развивающиеся и бывшие социалистические страны должны сделать выбор: либо создать системы, которые позволят правительствам адаптироваться к непрерывным изменениям в структуре разделения труда, либо и дальше пребывать в состоянии внезаконного хаоса — возможности для выбора не столь уж велики.

Почему остается непонятой реальная проблема? Есть два поля невидимости*, ускользающих от нашего зрения. Прежде всего, большинство из нас не замечает того, что взрывной рост внезаконного населения в последние 40 лет породил новый класс предпринимателей, действующих в собственном правовом пространстве. Правительства видят только устрашающе быстрый рост городского населения и теневой экономики, сопровождающийся ростом преступности и болезней. Но пока министерство жилищного строительства решает свои задачи, а министерства здравоохранения и внутренних дел борются со своими проблемами, никто не отдает себе отчет, что реальной причиной беспорядков является не рост городского населения и даже не расширение бедных слоев населения, а устаревшая легальная система частной собственности.

Мы подобны шести слепцам, облепившим слона. Один уцепился за хобот и воображал, что держит в руках змею. Другой поймал хвост и думал, что это — веревка. Третьего восхитило ухо, напоминающее парус, а остальные обхватили ноги и уверены, что перед ними дерево. Ни один из них не может представить себе целого слона, а потому они и не могут понять, что же им делать в этой ситуации. Мы уже убедились, что бедняки из развивающихся и бывших социалистических стран составляют две трети населения планеты, и у них нет выбора — они обречены на жизнь вне закона. Мы также видели, что бедняки владеют довольно значительным имуществом, но их права собственности не определены законом. Миллионы предприимчивых людей, заполняющих 85% новых рабочих мест в Латинской Америке, 3 млн китайцев, вкалывающих от зари до зари на внезаконных заводиках

* Термин военной топографии здесь используется как метафора.

** Поле невидимости — участок местности, не просматриваемый наблюдателем из-за особенностей рельефа.

в окрестностях Пекина, граждане России, в теневой экономике создающие половину ВВП, — все они живут и работают в рамках внезаконного сектора хозяйства. Отношения собственности в этом секторе чаще всего открыто противоречат установлениям легального права. Это и есть слон, вокруг которого все мы топчемся.

Я не верю в то, что появление небольших анклавов экономического процветания в окружении обширных секторов нищеты или внезаконной деятельности означает конец нелегкого, хотя и неизбежного перехода к капитализму. Существование зон процветания в море нищеты скорее маскирует чудовищную неспособность государства создавать, поддерживать и уважать законные права собственности большинства своих граждан.

Второе поле невидимости создается тем, что мало кто осознает, что наши проблемы далеко не новы. Страны Запада в период собственной промышленной революции уже пережили наплыв людей в города и разгул внезаконности. Они тоже пытались решать отдельные проблемы — одну за другой. Усвоенный Западом урок заключается в том, что паллиативными методами не решить проблемы бедности. Уровень жизни начал расти, как только правительства изменили законы и систему собственности таким образом, чтобы способствовать углублению разделения труда. Получив возможность использовать потенциал интегрированной системы собственности для наращивания производительности, люди пошли по пути специализации труда на расширяющихся рынках и ускоренного накопления капитала.

Поле невидимости I: сегодняшняя жизнь за пределами стеклянного колпака

Почему мы не распознали приход новой промышленной революции? В 1980-х гг., когда я и мои коллеги только приступали к исследованию этих проблем в Перу, большинство чиновников и политиков были убеждены, что наша часть мира пребывает, по большей части, под контролем закона. В Латинской Америке существовала длительная, тщательно разработанная и уважаемая

правовая традиция. Были, разумеется, бедняки, чьи рабочие места и собственность оказывались за пределами сферы правового регулирования, но этот внезаконный сектор считался сравнительно небольшим и не создавал серьезных проблем. В каждой развитой стране существовали бедность, безработица и черные рынки. Были они и у нас. Занимались всем этим преимущественно полиция или небольшие группы университетских социологов, которые делали ученую карьеру на описании экзотических форм социальной жизни. В лучшем случае материал о бедняках мог украсить очередной номер журнала «National Geographic».

Но точных данных ни у кого не было. Никто даже не представлял себе, каким образом узнать, чем, собственно, зарабатывают бедные себе на жизнь и какова их собственность. Поэтому я и мои коллеги решили отложить наши книги и научные журналы, забыть об официальной статистике и обратиться к экспертам по этому вопросу, то есть к самим беднякам. Выйдя на улицы, чтобы осмотреться и прислушаться, мы начали наткаться на поразительные факты. Например, строительная промышленность в Перу пребывала в состоянии кризиса: объем строительства падал, рабочих увольняли. Но при этом там, где торговали стройматериалами, кассовые аппараты работали без остановки. Продажа цемента росла. Немного потолкавшись в этих кругах, мы обнаружили, что покупателями цемента являются бедняки, которым он понадобился для строительства домов, подсобных пристроек и производственных сооружений, нигде и никем не регистрировавшихся, а потому не находивших отражения в компьютерах правительственных экономистов и статистиков. Мы почувствовали вибрации независимой, ускользающей от официального глаза внезаконной экономики, дающей жизнь городам развивающихся стран. В Бразилии, к примеру, строительная промышленность в 1995 г. сообщила о росте всего на 0,1%, тогда как продажи цемента в первой половине 1996 г. подскочили аж на 20%. Причина этой явной аномалии, согласно анализу, проведенному германской компанией Morgan Grenfell, в том, что 60—70% строительных работ в этой стране не находят отражения в статистике².

Мы осознали, что внезаконная экономика — это не мелочь. Это *грандиозная* структура.

Рост городов

В 1960-х гг. миграция в города охватила большинство развивающихся стран, а в 1980-х захлестнула и Китай. По самым разным причинам всюду происходило одно и то же: самодостаточные сельские общины снимались с места, чтобы попытаться счастья в городской жизни. С 1980-х гг. миллионы китайских крестьян начали, вопреки запретам властей, селиться в городах и пригородах. В этой связи газета «Beijing Youth Daily» даже объявила, что «миграционные потоки стали неуправляемыми»³.

Примерно то же самое происходило в средиземноморских странах. Согласно Генри Болдрику, после Второй мировой войны уходящие в города турецкие крестьяне начали селиться на казенных землях. В таких самочинно возникших городских районах, получивших название *gecekondu*, сегодня обитает не менее половины городского населения Турции. Некоторые из *gecekondu* с тех пор частично легализовались и получили доступ к услугам городских коммунальных служб, но большинство их до сих пор не имеют легального статуса⁴.

«Business World» призвала филиппинское правительство «остановить прилив населения, которое опасно переполняет наши города... Глядя на эти лачуги, построенные из кусков бетона и обломков кирпича, нельзя не задаться вопросом, что делает правительство для решения проблем бездомности, для прекращения самовольного строительства, уродующего наши города?»⁵

В Южной Африке некоторые наблюдатели (включая и меня самого) пришли к выводу, что предстоит вторая гигантская волна самозахвата городских земель и внезаконного строительства. В 1998 г. журнал «Newsweek» сообщил, что «все новые толпы [южноафриканских черных] заполняют лагерь поселенцев и трущобные районы, кольцом окружающие каждый крупный город Южной Африки. Существовавшая при режиме апартеида паспортная система мешала черным перемещаться из деревень в города. Теперь они передвигаются безо всяких помех, хотя и безо всякого комфорта»⁶. Журнал «Economist» подтвердил эту тенденцию: «Хотя до настоящей войны между черными и белыми дело так и не дошло, конец расовой сегрегации открыл для черных бедняков доступ в богатые белые районы»⁷.

Египетские интеллектуалы и технократы довольно давно осознали существование этих проблем. Согласно недавним оценкам, в период с 1947 по 1989 г. «городское население Египта... выросло... с 6,2 млн до 23,4 млн человек»⁸.

По недавним подсчетам Жерара Бартелеми, население Порт-о-Пренса с пригородами (Гаити) выросло со 140 тыс. человек в 1950 г. до 1550 тыс. в 1988 г., а к концу века приблизилось к 2 млн человек. По оценкам Бартелеми, примерно две трети этих людей живут в трущобных районах или, как их называют гаитяне, в *бидонвиллях* (*bidonvilles*)⁹.

В Мексике исследователи осознают наличие проблемы и включаются в изучение внезаконных форм бизнеса. Согласно отчету:

Проведенное в 1987 г. Центром изучения частного сектора исследование показало, что внезаконный сектор хозяйства производит от 28 до 39% ВВП Мексики, а по данным исследования 1993 г. «...в не попадающем в официальную статистику теневом секторе» трудятся 8 из 23 млн, занятых в народном хозяйстве страны... «На каждое зарегистрированное предприятие у нас есть два незарегистрированных», — говорит Антонио Монтельер Гуерреро, президент управления по малому бизнесу Торговой палаты Мехико, в которой зарегистрированы 167 тыс. малых предприятий города. «В федеральном округе Мехико с населением около 8 млн человек действуют примерно 350 тыс. малых незарегистрированных предприятий». Что это означает для всей метрополии Мехико с населением около 20 млн человек, не знает никто, особенно если учесть разрастающиеся трущобные районы, кольцом охватывающие город¹⁰.

В развивающихся странах внезаконные зоны, занимающие окраины городов, отличаются скученностью небольших домишек (среди них прячутся множество мастерских, гаражей и заводиков), армиями уличных разносчиков и бесчисленными маршрутными такси. Все это возникло как из-под земли. Постоянный приток мелких ремесленников, которые носят все свои инструменты с собой, умножил городское производство и расширил его ассортимент. Изобретательность этих людей сказалась в росте производства основных благ и услуг, разительно преобразила некоторые отрасли хозяйства, розничную торговлю, строительство и городской транспорт. Некогда пустовавшие окраины го-

родов третьего мира превратились в бурно развивающиеся пригороды, а сами города, пытавшиеся когда-то выглядеть по-европейски, сдались под натиском шумного провинциального стиля, представляющего собой тусклое подобие коммерческих зон, характерных для пригородов американских городов.

Сам размер большинства этих городов создает немалые возможности. Возник новый тип собственников и дельцов, отличающихся от своих предшественников чрезвычайно скромным происхождением. Возросла вертикальная мобильность. Элегантная роскошь, свойственная прежнему «хорошему» обществу городов, сменилась более демократичным и простодушным стилем.

Исход в города

Нет спора, миграция — это ключевой фактор роста городов в большинстве развивающихся и бывших социалистических стран. Но указать причины этого трудно. В каждой стране комментаторы дают собственные объяснения: война, программа аграрных реформ, отсутствие аграрных реформ, международное эмбарго в области внешней торговли, бурный рост внешней торговли, терроризм и партизанские войны, падение общественных нравов, кризис капиталистического развития, кризис

социалистического развития и даже дурной вкус (жизнь в деревне настолько достойней и лучше, чем в городе, чего же они не остаются там?).

Однако со временем из этого многообразия объяснений выкристаллизовалось кое-что первостепенное. Самой очевидной причиной очередной волны миграции в города являются хорошие дороги. Появление хороших дорог и мостов, связавших между собой прежде оторванные друг от друга районы, заронило в души деревенских жителей желание путешествовать, и они начали переезжать в города. Дополнительным стимулом явились новые коммуникационные каналы. Радио, в частности, возбудило мечты о более сытой и обеспеченной жизни. В самой глубинке, за тысячи миль от столиц, радиопередачи зародили желание прикоснуться к возможностям, прелестям и комфорту городской жизни. Современная жизнь стала доступной для каждого, имеющего мужество ринуться по дороге вдогонку за ней.

Сегодня многие согласны и в том, что еще одним решающим фактором стал сельскохозяйственный кризис, накрывший многие страны. После окончания Второй мировой войны совершенствование сельскохозяйственных технологий и падение спроса на ряд традиционных культур привели к массовому сокращению занятости в сельском хозяйстве и создали людской потенциал, готовый двинуться в поисках новых перспектив куда угодно.

В сельском хозяйстве существовала также проблема прав собственности. Традиционные трудности приобретения земель для создания фермы резко возросли в результате сложного и длительного процесса аграрных реформ. Отчаявшись найти работу или землю, многие отправились искать счастье в городе.

Важным привлекательным фактором был низкий уровень детской смертности в большинстве главных городов третьего мира. После Второй мировой войны качество медицинского обслуживания в городах повышалось и разрыв между уровнями детской смертности в городах и на селе непрерывно рос. Еще одним стимулом была более высокая заработная плата в городах. В Латинской Америке, например, в 1970 г. человек, переехавший в столицу и нашедший там полуквалифицированную работу, повышал свой месячный доход в 2 или 3 раза. Доход служащих мог при таком перемещении повыситься в 4 раза, а доход инженеров, медиков или юристов мог увеличиться в 6 раз. Более высокая оплата перевешивала риск безработицы. Новый столичный житель мог год потратить на поиски работы, а потом в два с половиной месяца возместить все «потери». Городская жизнь не только казалась более привлекательной. Она и на самом деле была лучше.

Даже умножение численности и могущества правительственной бюрократии стало стимулом для миграции в города. Централизация власти в руках чиновничества означала, что правительственные канцелярии компетентны дать совет или разрешение, ответить на запрос или помочь с работой. И все это повышало привлекательность городской жизни. Каждый новый горожанин, мечтавший о лучшем будущем для своих детей, точно знал, что в городах куда больше возможностей получить образование. Для полубезработных крестьян, чуть ли не единственным ресурсом которых была собственная изобретательность, образование являлось ценным и привлекательным вложением

сил и средств. В крупных городах жили большинство выпускников средних школ, а также учащиеся профессиональных училищ, абитуриенты и студенты институтов и университетов.

Так что вряд ли можно считать миграцию в города актом иррационального поведения. Она имеет мало общего со «стадным инстинктом» и является результатом рассчитанной, рациональной оценки и сопоставления возможностей дома и в городе. Верно или нет, но все эти люди верили, что приближение к более обширным рынкам пойдет им на пользу. Однако переселение в город — это далеко не легкая затея.

Бедняки отправляются домой

Город встречал новичков враждебно. Он быстро давал понять каждому, что хотя горожане имеют романтическое, даже сентиментальное представление о фермерах и всегда готовы признать равное право всех граждан на счастье, они предпочитают, чтобы добрые фермеры добивались своего счастья у себя дома. Никто и не мечтал, что крестьяне для встречи с современностью явятся в города. В этом смысле практически во всех развивающихся и бывших социалистических странах политика была нацелена на то, чтобы привести современность прямо в села.

Наибольшей враждебностью к мигрантам отличалась правовая система. На первых порах города с легкостью поглощали вчерашнюю деревенщину, потому что это были малые группы, не способные нарушить status quo. Но когда число пришельцев выросло настолько, что их нельзя было больше игнорировать, перед ними наглухо закрылись возможности законной социальной и экономической деятельности. Обзавестись жильем, найти работу в легальном секторе или открыть в нем собственное дело было чудовищно трудно. Правовые институты большинства стран третьего мира годами шлифовали умение служить интересам и нуждам некоторых групп городского населения; обращение с сельским населением было совершенно иным. Пока крестьяне оставались у себя дома, правовая дискриминация была не заметна. Но стоило им переселиться в город, они попадали в систему апартеида, образуемого правовыми институтами общества. Стеклоканный колпак неожиданно сделался видимым.

Некоторые бывшие республики Советского Союза также страдают от хаоса и неупорядоченности институтов собственности, и часть элиты отдает себе отчет в том, что их необходимо устранить. В одном репортаже 1996 г. говорилось:

В России... механизмы защиты прав собственности на землю еще совершенно не развиты... Во многих регионах для регистрации прав на землю действуют особые учреждения, не те, в которых регистрируют постройки. Более того, надежность создаваемой регистрацией правовой защиты довольно

сомнительна... Процедуры защиты прав частной собственности на землю предстоит создавать буквально с нуля... Земля, пожалуй, — это самый ценный ресурс России, который может послужить фундаментом для всей экономической и социальной жизни демократического общества¹¹.

Мы обнаружили, что во всех странах третьего мира в ответ на репрессивные меры правовой системы, разрушающей надежды «недопущенных в хорошее общество», происходит взрыв внезаконной активности. Как мы видели в главе 2, многие страны защитили доступ к законной системе частной собственности настолько устрашающими и труднопреодолимыми препятствиями, что мало кому из новых горожан удается преодолеть эти бюрократические баррикады — 14 лет и 77 бюрократических процедур в 31 частном и государственном учреждении в Египте и 19 лет и 176 бюрократических процедур для легализации уже купленного участка земли на Гаити.

Если за право жить в согласии с законом приходится платить, то и пребывание вне рамок правовой системы не может быть бесплатным. Мы обнаружили, что внезаконные рабочие места и внезаконное предпринимательство обходятся поразительно дорого. В Перу, например, внезаконному бизнесмену приходится 10—15% своего годового дохода отдавать в виде взяток и комиссионных представителям власти. Если добавить к этим взяткам платежи полиции, дополнительные расходы на проведение денежных операций в обход банковских каналов, расходы, возникающие из-за пространственной распыленности, раздробленности производства по мелким участкам, и невозможность кредита, то жизнь теневого предпринимателя оказывается намного более дорогостоящей и трудной, чем у дельцов, работающих под крышей закона.

Не исключено, что наибольшими потерями оборачивается вынужденный отказ от рыночной специализации. Мы обнаружили, что те, кто не могут действовать в рамках закона, в силу этого не имеют возможности эффективно распоряжаться своей собственностью и легальными методами обеспечивать выполнение контрактов; для них недоступен статус предпринимательства с ограниченной ответственностью, что поднимает цену рыночных рисков; они не могут обратиться к услугам страховых компаний или создавать акционерные компании для привлечения дополнительного капитала и распределения риска. Из-за отсутствия возможностей для привлечения инвестиций они не могут обеспечить экономию на масштабах операций и не способны защитить свои изобретения с помощью патентов или лицензий.

Будучи лишены доступа к привилегиям жизни под сенью закона, бедняки оказываются отрезанными от механизмов института собственности, необходимых для создания капитала. Пагубные экономические последствия этого правового апартеида особенно наглядно проявляются в сфере недвижимости. Во всех обследованных нами странах мы обнаружили, что примерно 80% сельскохозяйственных угодий не защищены своевременной и должным образом оформленной регистрацией и, таким образом, не имеют надлежащим образом узаконенных владельцев. В силу этого любые операции с этими участками земли (купля-продажа, залог) неизбежно ограничены узким кругом соседей и торговых партнеров, что препятствует доступу внезаконных земельных собственников к единому общенациональному рынку недвижимости.

Внезаконные собственники активов лишены доступа к кредиту, обеспечивающему расширение оборота, а в развитых странах это — важнейший инструмент организации нового дела или расширения уже существующего. В Соединенных Штатах, например, до 70% кредита на организацию нового дела обеспечены залогом права собственности на объекты недвижимости. Отсутствие законных гарантий права собственности уничтожает стимулы для инвестирования.

Лишенные защиты закона, мигранты могут рассчитывать только на собственные руки. Им приходится конкурировать не только с другими людьми, но и противостоять враждебности государства. Поскольку законы собственной страны относятся к ним как к пасынкам, им приходится создавать альтернативные системы внезаконного права. По-моему, эти внезаконные правовые системы представляют собой мощное восстание против status quo, сложившегося в развивающихся странах со времен обретения независимости, а в бывших социалистических — после крушения коммунистических режимов.

Рост внезаконности

За последние четыре десятилетия население большинства крупных городов в странах третьего мира выросло не менее чем в 4 раза. К 2015 г. более 50 городов в развивающихся странах будут насчитывать 5 и более млн человек¹², причем большая часть этих людей будет жить и работать во внезаконном секторе. В развивающихся и бывших социалистических странах внезаконный сектор вездесущ. Вновь возникшие формы деятельности постепенно вытесняют традиционные. Пройдите по большинству улиц, и вы непременно наткнетесь на внезаконные магазины, пункты валютного обмена, транспортные и другие услуги. Даже значительная часть продаваемых книг издана внезаконно.

Целые районы приобретены, освоены и застроены в обход или в прямое нарушение требований закона. В Перу из каждой сотни построенных домов только 30 имеют все законные документы; 70 построены внезаконно. Мы столкнулись с тем, что во всех странах Латинской Америки не менее шести из восьми строений построены в недокапитализированном секторе и 80% всех объектов недвижимости существуют вне законных прав собственности. Согласно большинству оценок, в развивающихся странах 50—75% всех рабочих мест принадлежит внезаконному сектору, который создает от одной пятой до более двух третей совокупного объема товаров и услуг в третьем мире.

Возьмите Бразилию: 30 лет назад более двух третей вновь строящихся домов предназначались для сдачи в аренду, а сегодня — лишь жалкие 3%. Большая часть рынков переехала в неформальные районы бразильских городов — в *фавелы (favelas)*. Доналд Стюарт указывал:

Люди не представляют себе размаха экономической активности в фавелах. Эти внезаконные производства созданы предпринимательским духом крестьян из северо-восточных штатов Бразилии, которых притянули к себе дразнящие возможности городских центров. Они действуют, подчиняясь исключительно требованиям спроса и предложения, и вся их деятельность протекает за пределами чрезмерно зарегулированного законного сектора хозяйства. Несмотря на явный недостаток ресурсов, эти внезаконные предприятия действуют весьма эффективно. В фавелах нет потолка арендной платы, ее взимают в долларах США, а неаккуратные плательщики быстро вылетают на улицу. Прибыльность инвестиций достаточно высока, а поэтому возможности выбора для покупателей и арендаторов очень широки¹³.

В 1997 г. «Wall Street Journal» сообщила, что, по данным Друзей Земли*, только 10% эксплуатируемых участков в джунглях Амазонки защищены правами собственности¹⁴. В других странах незаконность находится на подъеме.

В отличие от ситуации в развитых странах, где «деклассированные» — это незначительное меньшинство населения, живущее на задворках общества, в некоторых странах незаконны всегда являлись большинством. Например, в большей части обследованных нами стран совокупная стоимость только объектов незаконной недвижимости многократно превосходит сумму сбережений и срочных вкладов в коммерческих банках, стоимость компаний, зарегистрированных на местных фондовых рынках, сумму всех прямых иностранных инвестиций, и совокупную стоимость всех приватизированных и подлежащих приватизации государственных предприятий. Так что если поразмыслить, нет ничего удивительного, что в развитых странах недвижимость составляет примерно половину национального богатства, а в развивающихся этот показатель доходит до трех четвертых. В развивающихся и бывших социалистических странах незаконные поселения зачастую оказываются единственной возможностью для инвестирования, а в силу этого служат важнейшей частью процесса накопления и формирования капитала. Более того, растущая доля городского хозяйства в ВВП свидетельствует о том, что накопление капитала и технологических ноу-хау происходит преимущественно в зоне городов.

* Friends of the Earth (*англ.*) — общественная природоохранная организация в США.

Внезаконники пришли навсегда

Взрыв незаконной активности в третьем мире, самочинный захват городских земель и разрастание незаконно застраиваемых городских районов — *pueblos jóvenes* в Перу, *favelas* в Бразилии, *ranchos* в Венесуэле, *barrios marginales* в Мексике и *bidonvilles* в бывших французских колониях, так же как трущобы в бывших британских, — все это нечто неизмеримо большее, чем просто результат демографического взрыва, бедности или даже незаконности. Эти волны сокрушительного натиска незаконников на оазисы привилегий, имеющих легальную крышу, могут принудить власти принять требования разворачивающейся промышленной и коммерческой революции.

Правительства большинства стран мира не в силах конкурировать с мощью незаконных образований. Внезаконный сектор уже вытеснил правительство из сферы обеспечения жильем мигрантов и бедняков. В Перу, например, в конце 1980-х гг. доля государственных вложений в строительство дешевого жилья составляла примерно 2% от объема инвестиций во внезаконное строительство. Если учесть строительство домов для среднего класса, доля государства в жилищном строительстве поднимется всего до 10% от незаконных инвестиций. На Гаити в 1995 г. стоимость незаконной недвижимости почти в 10 раз превышала всю собственность правительства страны.

Внезаконный сектор — это теневая область жизни, имеющая длиннейшую границу с миром, живущим под сенью закона, это место, где находят убежище люди, которым не по карману жизнь в рамках закона. Мигранты становятся незаконниками, чтобы выжить: им не позволили разместиться на территории, защищаемой законом, и они были вынуждены уйти за его пределы. Они вынуждены действовать незаконно, чтобы жить, производить, торговать, пользоваться транспортом и даже потреблять.

Лишенные лоска, сооруженные на скорую руку незаконные правовые установления представляют собой точно сформулированные обязательства определенных членов общества, касающиеся взаимной защиты собственности и гарантий деятельности. Это комбинация правил, выборочно заимствованных из легальной системы права, импровизированных установлений и обыча-

ев, привезенных мигрантами оттуда, где они родились и выросли. Такая правовая конструкция скрепляется общественным договором, поддерживаемым авторитетом незаконных сообществ и властью избираемых руководителей этих сообществ. Недостатком незаконных правовых структур является то, что они отделены от легальной системы частной собственности, в результате чего сама собственность оказывается ущербной, то есть недостаточно ликвидной, и не может участвовать в большинстве транзакций, в потоке финансовой и инвестиционной деятельности, а дельцы — неподотчетны властям за пределами своих незаконных сообществ.

Внезаконные установления реализуются через деятельность множества разнообразных организаций, среди которых ассоциации развития городов, фермерские конвенции, ассоциации мелких

торговцев, объединения малого бизнеса, микропредпринимательские сообщества, федерации транспортников, объединения разработчиков недр на своих участках земли, организации содействия аграрным реформам, жилищные кооперативы, организации урегулирования претензий, советы жителей, районные комитеты населения, сообщества туземного населения, ассоциации мелких фермеров и деревенские организации. Эти организации также занимаются застройкой пустующих и сельскохозяйственных земель, контролируют застройку старых городских центров, реконструкцию муниципального жилого фонда, согласовывают споры по частным и казенным подрядам, по условиям субаренды, урегулируют ситуации с муниципальным жилым фондом, при отсутствии полной документации, и внезаконными контрактами об аренде жилья, предъявленными нотариусу, но не зарегистрированными, улаживают дела с перемещением застройщиков и пр.

Внезаконность редко имеет антисоциальную направленность. «Преступления» внезаконников представляют собой акты нормальной человеческой деятельности: они строят дома, предоставляют услуги, производят товары. Система внезаконного права — единственный для них способ вносить порядок в отношения с другими, и уж во всяком случае она не вносит в жизнь хаос и бесчинство. Никакие иные установления не могут в большей степени соответствовать формам труда и жизни новой городской бедноты. Хотя их «законы» не являются частью общегосударственного кодекса, они наиболее удобны для этих людей. Это общественный договор, в соответствии с которым новые горожане живут и работают.

Заселенные мигрантами внезаконные городские районы порой выглядят как трущобы, но это далеко не то же самое, что внутригородские трущобы больших городов в развитых странах. Последние застроены некогда приличными домами, пришедшими в упадок из-за бедности и небрежения жителей. В развивающихся странах хижины бедняков с течением времени достраиваются, укрепляются, украшаются. Если дома в трущобных районах со временем теряют ценность, жилища бедняков, расположенные во внезаконных районах городов третьего мира, со временем растут в цене, а спустя десятилетия начинают походить на стандартные дома в рабочих поселках западных стран.

Вопреки распространенным представлениям, внезаконные горожане разделяют общее для всех добрых граждан стремление вести мирную, плодотворную жизнь. В красноречивом эпилоге своей книги об экономике Гаити Саймон Фасе написал:

Эти обычные люди исключительны только в одном отношении. Их доходы крайне низки, настолько мизерны, что любое недостаточно расчетливое или ошибочное решение может создать угрозу для целостности семьи, а иногда даже поставить под вопрос выживание ее членов. Их исключительность не столько в бедности как таковой, сколько в способности этих людей выживать, несмотря ни на что... Вся их жизнь и деятельность сведены к заботе о выживании и развитии, и если приходится приобретать какие-либо простые вещи, отбор жестко подчинен логике выживания семьи¹⁵.

По мере расширения и диверсификации своей хозяйственной деятельности внезаконные организации принимают на себя некоторые властные полномочия. Они в той или иной степени берут ответственность за такие объекты инфраструктуры города, как дороги, водоснабжение, канализация, электроснабжение, строительство рынков, предоставление транспортных услуг, и даже вершат правосудие и поддерживают порядок.

По мере наступления внезаконников правительства отступают. Они предпочитают считать каждую очередную уступку делом временным — «до истечения кризиса». Но на самом деле такая

стратегия только оттягивает неизбежность поражения. В некоторых случаях правительства делают исключение для отдельных внезаконных предприятий. Для них образуют правовые анклавов, в которых исходно внезаконные предприятия могут работать, не опасаясь преследования со стороны властей, хотя и не имея при этом полноценной защиты и всех выгод, предоставляемых принадлежностью к легальной системе правопорядка. Создаваемые при этом условия позволяют избежать открытой конфронтации и могут рассматриваться как своего рода промежуточный договор о мире в области правовых отношений. В Египте, например, эксперты уже говорят о «полузаконном жилом фонде»:

Такого рода жилища не только увеличивают жилой фонд страны и обеспечивают горожан сравнительно дешевым жильем, но и предоставляют для значительной части городского населения возможность инвестировать и накапливать средства. Дома такого рода до известной степени внезаконны. Планировка и конструкция этих домов не прошли законных процедур согласования и утверждения, а строители не имели соответствующих лицензий. Обычно их возводят на сельскохозяйственных землях, которые были выкуплены, разбиты на мелкие участки и проданы частным застройщикам...

Обычно к процессу приобретения земли для полузаконной застройки причастны городские власти. В обследованных зонах полузаконной застройки именно муниципальные организации бывали инициаторами использования отдельных участков сельскохозяйственных земель для жилищного строительства, и уж только потом в эту деятельность включались частные лица, активно скупавшие землю для перепродажи ее мелкими участками. При неявном содействии городских властей статус земельных участков менялся и они включались в состав городских земель. Обитатели таких районов обычно получают свои участки в результате незаконных коммерческих сделок и дробления первоначальных владений. Отличными примерами таких районов в Александрии являются Хагер эль-Маватайях, Эксбет Абу Солиман и Эзбет Нади эль-Сайд¹⁶.

Есть признаки того, что даже те правительства, от которых такого меньше всего можно было ожидать, осознают, что правовые установления устарели и не отвечают требованиям современного хозяйства. В

1992 г. агентство Reuters News Service сообщило, что ливийский лидер полковник Муамар Каддафи сжег национальный земельный кадастр. «Все записи и документы в

старом земельном кадастре, показывавшие, что земля принадлежит тому или этому клану, сожжены, — сообщил Каддафи своему министру юстиции. — Они были сожжены потому, что все это было эксплуатацией, подлогом и мародерством»¹⁷.

В некоторых странах внезаконный сектор превратился в основу общественного благосостояния. Люди из города Таиба (Сенегал), которых можно встретить продающими товары вразнос и в ларьках на улицах Нью-Йорка и других крупных американских городов, зачастую входят в афро-исламистскую лжесекту, занимающуюся переправкой миллионов долларов прибыли в свои родные места. Журнал «Newsweek» следующим образом описывает Таиба:

Государство в государстве, преимущественно не подчиняющийся законам Сенегала... и самый быстрорастущий город страны. Люди переселяются сюда целыми деревнями и живут в жестяных хибарах, размещаемых между каменными оградами богатых вилл... Свободный от таможенных пошлин, этот город представляет собой центр транспорта и операций с недвижимостью. Здесь процветают внезаконные торговля и производства, здесь — центр торговли арахисом и главный источник иностранной валюты для всей страны¹⁸.

В других частях мира внезаконники, опасаясь утратить свою собственность, могут вступать с властью в открытый конфликт. Примером является Индонезия, проблемы которой в последние годы часто были в центре новостей мировых информационных агентств. Еще в 1994 г. журнал «Economist» предупреждал:

Бедняки раздражены тем, что их лишают собственности, потому что урбанизация и индустриализация создают спрос на землю, а вопрос о собственности на землю в этой стране — один из самых муторных и безвыходных. Только 7% земли на островах Малайского архипелага имеют определенных владельцев.

Результатом стала активная торговля настоящими и поддельными сертификатами на право собственности на землю. Те, кто пытается купить участок земли, иногда обнаруживают, что у нее уже есть ряд несомненных владельцев. И банки с большой осторожностью принимают землю в обеспечение кредитов¹⁹.

Внезаконность повсеместно соседствует с нищетой: «В Бомбее... две трети из 10 млн населения города либо теснятся в крайне перенаселенных лачугах, либо живут прямо на обочинах улиц»²⁰. Но в некоторых странах достаток внезаконников растет. Согласно оценкам перуанской Организации технических оценок (Сьерро Тесничо де Тасационес дел Перу), цена земли в легальном секторе Лимы в среднем составляет 50 дол. за 1 кв. м, тогда как в районе Гамарры, где расположена значительная часть внезаконных промышленных предприятий Перу, цена 1 кв. м доходит до 3000 дол. США. В Авиасьоне, еще одном центре внезаконной промышленности столичного города Лима, цена земли составляет 1000 дол. за 1 кв. м, а в Химу — 400 дол. США. Для сравнения: в Мирафлоре и Сан-Исидро, в самых престижных районах Лимы, цены участков, имеющих легальные, надежно документированные права собственности, колеблются от 500 до 1000 дол. США за 1 кв. м²¹.

Это старая история

Как только правительство осознает, что числящиеся неимущими уже установили контроль над значительной частью недвижимости и производства, станет ясно, что многие проблемы являются результатом того, что легальное, писаное право не соответствует тому, как живет и работает страна. Ну а если писаное право противоречит законам, которым подчиняется большинство граждан, можно быть уверенным, что недовольство, коррупция, нищета и насилие сохранятся и впредь.

Остается единственный вопрос — сколько времени потребуется правительству, чтобы приступить к легитимации внезаконной собственности, к введению ее в рамки последовательного и ясного правового порядка. Альтернативой является сохранение правовой анархии, поддержание конкуренции между легальной и внезаконными системами прав собственности. Чтобы прийти к единству правовой системы, система легального права в этих странах должна адаптироваться к тому, что внезаконники требуют расширения системы прав собственности.

Благой вестью является то, что перед реформаторами правовых систем нет никаких неизведанных пропастей. Стоящие перед ними проблемы очень серьезны и велики, но в других странах аналогичные задачи уже решены. Развивающиеся и бывшие социалистические страны стоят перед тем же, с чем уже имели

дело развитые страны в период между XVIII в. и началом Второй мировой войны. Массовая внезаконность отнюдь не является чем-то новым. Она возникала в прошлом всякий раз, когда правительства запаздывали с приведением права в соответствие с требованиями реальной жизни.

Когда в Европе началась промышленная революция, правительствам также пришлось сражаться с неуправляемой миграцией населения, ростом внезаконного сектора, городской нищетой и социальными беспорядками. Сначала они также пытались решать все эти проблемы по отдельности.

Поле невидимости II: прошлая жизнь за пределами стеклянного колпака

Миграция в города

Большинство ученых связывают начало промышленной и торговой революции в Европе с массовой миграцией населения в города, ослаблением эпидемий, что послужило причиной роста населения, и с увеличением разрыва между доходами сельских жителей и горожан²². В семнадцатом и восемнадцатом столетиях заработки наемных рабочих в городах стали выше, чем на селе. Совершенно естественно, что самые энергичные люди в надежде на увеличение дохода переселялись в города.

В Англии первая волна миграции отмечена в конце шестнадцатого столетия. Власти, недовольные притоком населения в города и создаваемыми этим беспорядками, пытались поддерживать мир с помощью разных паллиативных мер, таких, например, как раздача беднякам продуктов питания. Предпринимались настойчивые попытки выдворить людей из городов. В 1662, 1685 и 1693 г. были приняты законы, требовавшие, чтобы горожане, желающие получать продовольственную помощь, вернулись к месту рождения или постоянного жительства. Целью этих законов было ослабить стремление людей переселяться в города в поисках занятости. В 1697 г. был принят закон, разрешавший покидать свое место и перемещаться по стране только при наличии письменного обещания властей принять поселенца на новом месте. Эти законы мешали уходить из деревень многодетным семьям и старикам, но молодые, сильные и неженатые мужчины изыскивали лазейки, чтобы отправиться в города. Именно такого рода люди становились удачливыми предпринимателями или яростными бунтовщиками.

Большинство мигрантов не находили той работы, ради которой двигались в города. Существовавшие законы, и прежде всего необходимость получить разрешение на расширение или диверсификацию бизнеса, ограничивали возможность легально работавших предпринимателей создавать новые рабочие места. Некоторым мигрантам удавалось найти временную работу или место слуги²³. Многие были принуждены — в ожидании того, когда их примут в гильдию* или они найдут место в легальном предприятии, — временно размещаться на окраинах больших европейских городов, в «пригородах», то есть во внелегальных поселениях того времени.

Социальные волнения были неизбежны. Миграция в города набрала силу, только когда политические институты того времени серьезно отстали от быстро менявшейся действительности. Негибкость меркантилистских** законов и таможенных правил не позволяла новым горожанам полностью реализовать свой экономический потенциал. Обострению социальных конфликтов способствовали перенаселенность городов, болезни и неизбежные проблемы адаптации вчерашних крестьян к реалиям городской жизни. Д.К. Коулмен*** замечает, что уже в шестнадцатом столетии в парламенте Англии раздавались жалобы на «толпы попрошайек» и невиданный прежде в городах рост числа «воров, бродяг и мошенников»²⁴.

Вместо того чтобы приспособиться к новым требованиям городской жизни, правительства в попытке изменить реальность штамповали новые законы. Новые законы порождали новые пре-

* В средневековой Англии гильдиями именовались объединения ремесленников.

** Меркантилизм — популярная в XV—XVII вв. политика государственного регулирования хозяйства, ориентированная на ограничение импорта и контроль над экспортом в целях притока золота и серебра в страну.

*** Современный американский историк экономической мысли и экономики.

ступления, и вскоре потребовались законы для наказания тех, кто нарушал прежде принятые законы. Судебные преследования множилось; распространенными явлениями стали контрабанда и чеканка фальшивых денег. Власти ужесточали уголовные наказания.

Подъем внелегальности

Новые горожане, не найдя законных источников дохода, начали открывать в своих домах нелегальные мастерские. При этом они обходились «почти безо всякого оборудования, одними ручными инструментами»²⁵. Потомственные горожане презирали вещи, изготовленные за пределами ремесленных гильдий и легальной системы производства.

Мигрантам, естественно, было не до разборчивости: внелегальная работа была для них единственным источником дохода, и внелегальный сектор хозяйства вступил в период буйного процветания. Эли Хекшер* цитирует Оливера Голдсмита**, заметившего в 1762 г.: «Мало найдется англичан, которые бы ежедневно в течение всей жизни не нарушали безнаказанно каких-либо законов... и только развращенные и продажные пытались добиться их исполнения»²⁶. Два французских декрета (1687 и 1693 г.), также цитируемых Хекшером, признают, что одной из причин невыполнения технических требований к производству была полнейшая неграмотность работников, куда худшая, чем сегодня в развивающихся странах. Ткачи были не в состоянии выполнить даже простейшее требование закона о том, что производители тканей должны помещать свое имя в начале каждого рулона. Но хотя большинство рабочих не умели ни читать, ни писать, они работали эффективно. Адам Смит писал: «Если вы хотите, чтобы ваша работа была выполнена пристойно, ее следует заказывать на окраинах, где работники, не имея исключительных привилегий, могут полагаться только на свой характер, а затем вы должны контрабандой доставить готовую работу в город»²⁷.

* Известный шведский экономист и историк экономической мысли.

** Английский писатель, обличавший нравы эпохи крушения патриархального общества.

В отличие от Адама Смита, власти и законные производители не были в восторге от эффективности конкурентов. В Англии в десятилетия, последовавшие за восстановлением монархии в 1660 г., ревнители традиций жаловались на засилье коробейников и лоточников, на помехи легально торгующим магазинам и на открытие новых магазинов во множестве малых городов. В Париже судебные тяжбы между портными и продавцами поношенной одежды продолжались более трех столетий. Конец им положила Французская революция.

В преамбулах к законам и указам этого периода часто встречаются ссылки на неисполнение прежде изданных законов. Согласно Хекшеру, чтобы защитить производителей шерсти, в Англии в 1700 г. был принят закон, запрещающий импорт ситцев из Индии. Предприимчивые английские производители, умело используя лазейки в законе, сами наладили изготовление набивных ситцев. Один из путей обойти запрет на производство ситца состоял в использовании бумагеи — английского ситца на льняной основе. В Испании тенивики также подвергались преследованиям и наказаниям. В 1549 г. император Карл I издал 25 указов, направленных против внезаконных производителей. Одна из мер предусматривала обрезание у готовой ткани кромки со штампом производителя, чтобы покупатели знали, что приобретают незаконно изготовленный товар. Такое обхождение должно было поставить торговцев в униженное положение.

Давление государства на внезаконных производителей было многообразным, грубым, а во Франции — убийственным в прямом значении этого слова. В середине XVIII в. по французским законам, запрещавшим производство, импорт или продажу набивных ситцев, диапазон наказаний простирался от тяжелого принудительного труда и заключения в тюрьму до смертной казни. Однако внезаконных производителей это не останавливало. По оценкам Хекшера, всего за одно десятилетие XVIII в. более 16 тыс. контрабандистов и внезаконных производителей были казнены французскими властями по закону, запрещавшему производство или импорт набивных ситцев. Гораздо большее число людей были сосланы на галеры или наказаны другими способами. В одном только городе Валансьене 77 внезаконных предпринимателей были приговорены к повешению, 58 — к колесованию, 631 — к ссылке на галеры, и только один теневой промышленник был помилован.

Как считают Роберт Эклунд и Роберт Толлисон*, столь жестокое преследование внезаконных производителей объяснялось не только стремлением защитить существующие производства, но и тем, что новая технология производства многоцветных ситцев затрудняла сбор налогов²⁸. Выявить производителей одноцветных тканей и проверить, насколько аккуратно они платят налоги, было весьма просто, а новая технология нанесения рисунка позволяла варьировать краски, что затрудняло поиск производителя.

В борьбе с нарушителями закона государство пыталось опереться на гильдии, главной функцией которых был контроль за доступом к легальному рынку. Но вместо того чтобы скорректировать законы и легализовать тенивиков, власти ужесточали законы, из-за чего желавшие включиться в производство вынуждены были мигрировать в пригороды — внезаконные поселения того времени. Когда в 1563 г. Английский свод законов о мастерах и подмастерьях определил величину заработной платы, подлежащую ежегодному пересмотру с учетом цен на предметы первой необходимости, многие тенивики двинулись в провинциальные города или принялись создавать новые пригородные поселения, где государственный контроль был не столь строг или просто отсутствовал. Исход в пригороды позволял также уйти из-под надзирающего взора гильдий, чья юрисдикция охватывала только города.

Со временем внезаконная конкуренция ужесточилась настолько, что у легальных производителей не осталось иного выхода, как передавать по субконтрактам часть производства в пригородные мастерские, что вело к сужению налоговой базы и, соответственно, к росту налогов. Возник порочный круг: растущие налоги вызывали безработицу и волнения, что подталкивало людей к переезду в пригороды и к расширению практики субконтрактных договоров с внезаконными производителями. Некоторые тенивики действовали столь успешно, что при помощи политического давления и взяток постепенно добились легального статуса.

* Современные американские исследователи истории экономической мысли.

Гильдии предприняли контрнаступление. При Тюдорах было издано множество законов, запрещавших создание внезаконных мастерских и служб в пригородах. Однако многочисленность тенивиков и их навыки конспирации свели на нет все усилия правительства. В ряду значительных поражений гильдий, зафиксированных историками, можно отметить дело гильдии шляп и одеял в Норвиче (Англия): после длительной и получившей широкую известность тяжбы гильдия так и не смогла отстоять свое исключительное право на производство этих товаров²⁹. Конкуренция истощала гильдии. Коулмен связывает их упадок с «притоком рабочей силы, изменением структуры спроса и расширением торговли, а также с развитием новых отраслей и распространением деревенской промышленности, где целые районы вырабатывали заказную продукцию из давальческого сырья»³⁰.

Крушение старого порядка

Европейские правительства были принуждены постепенно отступать под натиском внезаконных производителей — точно так же, как это сегодня делают правительства развивающихся и бывших социалистических стран. В Швеции, власти которой не могли остановить процесс создания внезаконных поселений, королю Густаву Адольфу пришлось посетить каждый такой поселок, чтобы благословить его и таким образом создать

видимость правительственного контроля. В Англии государство вынуждено было смириться с тем, что новые производства развивались преимущественно там, где не существовало гильдий или правовых ограничений. Внелегалы и на самом деле создавали свои пригороды и небольшие города в местах, где был затруднен или вовсе невозможен контроль со стороны гильдий и государства. Более того, внелегальная промышленность отличалась большей прибыльностью. Современники отлично понимали, что причиной бума в хлопчатобумажной промышленности было более *либеральное* регулирование, чем в производстве шерстяных тканей. Люди быстро подметили, что внелегальные поселения производят товары и услуги лучшего качества, чем их привилегированные конкуренты, работающие под крышей закона. В 1588 г. в докладе лорду Сесилу, министру королевы Елизаветы I, жители Галифакса, одного из новых внелегальных поселений, были охарактеризованы следующим образом:

Они превосходят остальных в благоразумии и усердии, в умении торговать и возделывать землю, и на фоне грубости и заносчивости, царящих в их диком краю, они выделяются просвещенностью и зажиточностью. Они отказываются от старых порядков, если узнают о новых, более удобных; они предпочитают новизну и не держатся за старые обряды... Они отличаются природной страстью к изобретениям, соединенной с несгибаемым усердием³¹.

В те времена внелегалы строили не только новые поселения вблизи городов, но и дома в городах. В Германии, например, для получения права на строительство нужно было пройти испытание. Тем не менее «существовали целые плотно застроенные районы, хотя там нельзя было найти ни одного мастера, имеющего законное разрешение на право возводить дома»³².

Внелегалы подрывали самые основы меркантилистского порядка, поскольку были конкурентоспособны, действовали напористо и добивались успеха. Но всякий успех давался им ценой противоборства с государством, в котором они не могли не видеть своего врага. В тех странах, где государство объявляло внелегалов вне закона и преследовало их, вместо того чтобы дать им законное место в жизни и использовать их предприимчивость, прогресс замедлялся, а недовольство возрастало и находило выход в форме насилия. Наиболее известные примеры — революции во Франции и в России.

Страны, сумевшие быстро приспособиться к новой ситуации, перешли к рыночной экономике сравнительно мирно. Когда власть осознала, что в социальном, политическом и экономическом отношениях выгодней иметь деятельный внелегальный сектор, чем массы безработных в городах, она лишила гильдии исключительной поддержки. В результате в Англии все меньше и меньше людей обращались за разрешением на производство к гильдиям, тем самым облегчая государству решительную перемену политики.

Подобно гильдиям, угасала и бюрократия. Любая система власти, сравнимая по жесткости с той, что предшествовала промышленной революции, обречена на коррумпируемость. В 1692 г. в Англии был опубликован указ, заявлявший, что во многих районах инспекторы обходили мастерские только для сбора заранее согласованных сумм налоговых платежей и взяток, никогда не утруждая себя проверкой того, сколько и чего было произведено. Почти все производственные инспекторы, назначенные гильдиями или государством, постоянно обвинялись в продажности и пренебрежении своими обязанностями, что объясняли в ту пору отсутствием гражданской ответственности и уважения к закону.

Даже члены парламента, который к концу семнадцатого столетия имел право выдавать разрешения на создание предприятий, брали взятки за особую благосклонность. Местные власти вели себя еще хуже. В 1601 г. спикер палаты общин сказал про мировых судей, что «это твари, которые за полдюжины цыплят готовы наплевать на целую дюжину уголовных законов». Тогдашние политики и чиновники искали причины недееспособности законов не в том, что это были плохие законы, а в ненадлежащем их исполнении. В памфлете 1577 г. говорилось: «Я пришел к выводу, что в этих условиях трудно придумать лучшие законы, нужно лишь исполнять имеющиеся». Джоузеф Рейд утверждает, что старый порядок рухнул потому, что все его институты были проедены коррупцией, которая разделила население на тех, кто мог перехитрить систему, и тех, кто этого не умел. Он считает неизбежным, что система власти, подталкивающая одних к нарушению закона, а других вынуждающая страдать от этого, в конце концов теряет уважение тех и других³³. Служившие в пригородах мировые судьи не были особенно заинтересованы в исполнении законов, присылаемых из городов и мало приемлемых для обитателей пригородов. К концу восемнадцатого столетия аппарат власти был повсеместно ослаблен, а в некоторых странах и насквозь коррумпирован.

Поскольку правительство контролировало все, надежды людей целиком возлагались именно на него. В результате сложилась картина, типичная для предкапиталистической эпохи: когда заработки росли быстрее, чем цены на продовольствие, хозяева требовали установить потолок заработной платы; когда цены обгоняли рост заработной платы, работники требовали законов о минимуме заработной платы и потолке цен на продовольствие.

Политическое давление привело к законодательному закреплению цен, доходов и заработной платы, а результатом стал такой упадок промышленного и сельскохозяйственного производства, что ни минимальные, ни максимальные цены не могли решить проблему дефицита, нехватки продуктов питания и безработицы. «Факт состоял в том, — писал Чарлз Вильсон*, — что это был век насилия, и преследование экономических целей требовало опоры на силу»³⁴. Пришло время идеологических и вооруженных схваток в парламентах и на улицах.

Уже в 1680 г. распространилось пессимистическое неверие в возможность существенного роста благосостояния: «Большинство бедных ремесленников считают, что никогда не смогут скопить и десяти

фунтов... и если бы они смогли в три дня зарабатывать достаточно, чтобы вести привычный образ жизни, они никогда не стали бы работать по четыре дня в неделю»³⁵.

В ситуации кризиса и волнений самые сильные и уверенные в себе эмигрировали или примыкали к революционным движениям. В XVII—XVIII вв. сотни тысяч итальянцев, испанцев, французов и других европейцев эмигрировали в другие страны в поисках лучшего будущего. Во Франции преследования гугенотов и теневиков из текстильной промышленности вытолкнули за пределы страны многих предпринимателей и умелых работников — в основном в Англию и Голландию, где они добились процветания для себя и для принявших их народов.

Триста лет спустя

Предпосылками крушения стало то, что легальные формы предпринимательства постепенно задохнулись из-за регламентации, а внезаконники дерзко нарушали закон и открыто возмущались, что их держат на задворках общества. Окостенелость правовых структур сказывалась в плотности внезаконных поселений, окружавших города, в обилии на улицах разносчиков, попрошайек и нищих, в изобилии на рынках контрабандных и подпольно производимых товаров. Гражданское общество было разрушено коррупцией и насилием.

Современный британский историк.

В большинстве западноевропейских стран адаптация правовых установлений к нуждам рядовых граждан, в том числе в отношении прав собственности, происходила на протяжении XIX и в начале XX в. К этому времени европейцы уже пришли к выводу, что второстепенные улучшения не создают возможностей управлять ходом промышленной революции и преодолевать ставшие массовыми внезаконные виды активности. Политики наконец осознали, что дело не в людях, а в законах, которые не позволяли гражданам вести мирную и производительную жизнь.

Хотя в большинстве европейских стран картины докапиталистической жизни и обстоятельства упадка тогдашних обществ довольно похожи, результаты оказались далеко не одинаковыми. Те европейские страны, которые пошли на радикальное изменение своих правовых систем и узаконили бывшее внезаконным предпринимательство, достигли процветания намного быстрее, чем те, которые сопротивлялись переменам. Поощряя взаимозависимость и специализацию, облегчая доступ к собственности и предпринимательству, уменьшая препятствия, создаваемые чрезмерным регулированием, и открывая кодексы государственных законоположений для местных влияний, европейские политики устранили противоречия в правовых и экономических системах и тем самым привели свои нации к новым высотам индустриальной революции.

Прошлое Европы сильно напоминает сегодняшний день развивающихся и бывших социалистических стран. Коренная проблема этих стран заключается не в перенаселенности городов и не в слабости систем коммунального хозяйства, не в том, что повсюду громоздятся кучи мусора, что полубеспризорные дети попрошайничают на улицах, и даже не в том, что все плоды макроэкономических реформ достаются незначительному меньшинству населения. Все это уже было прежде в Европе (и в Соединенных Штатах) и со временем ушло. Реальная проблема заключается в резкой перемене в ожиданиях людей: наплыв мигрантов в городские центры и укрепление общественного договора, имеющего внезаконный статус, ставят вопрос о радикальном перераспределении власти. Когда правительства развивающихся и бывших социалистических стран поймут и примут это, они получат шанс оседлать волну, вместо того чтобы дать ей захлестнуть и погубить себя.

Глава 5

Забывшие уроки истории США

Земля эта благословенна, потому что ей знакома только одна тирания — тирания status quo.
Милтон и Роза Фридмен*

Заинтересовавшись ролью легальных систем частной собственности в экономическом развитии, я отправился по развитым странам мира, расспрашивая экспертов, как бы они осуществляли легализацию внезаконной собственности. Убив на это 13 лет жизни, я проехал тысячи миль, слегка поседел, но зато посетил почти каждое учреждение, связанное с обслуживанием отношений собственности, — от Земельного регистра Ее Величества и Земельного управления Аляски, где у меня были друзья, до японского земельного агентства Токи Бо. Нигде не сумели ответить на мой вопрос. Все опрошенные мною эксперты, все специалисты учреждений и организаций, имеющих дело с многомиллиардной недвижимостью, признали, что подобные вопросы им сроду в голову не приходили.

* Милтон Фридмен — лауреат премии памяти А. Нобеля по экономике; Роза Фридмен — его жена, тоже экономист.

В развитых странах у специалистов и руководителей институтов собственности в принципе иные задачи. Прежде всего их интересует то, что связано с конкретными правами собственности. Но меня-то занимали «мета-права», то есть получение прав на обладание правом собственности. У нас, разумеется,

нашлись общие интересы — как изменить технологию регистрации отношений собственности таким образом, чтобы всю собираемую информацию можно было разместить в единой базе данных, или как перевести в цифровую форму земельные планы. Но эксперты не сумели ответить на мой вопрос, как в рамках законной системы собственности найти место для владельцев внезаконной недвижимости? Как открыть людям доступ к законным правам собственности?

Из моего скромного знакомства с историей Запада я твердо знал, что в определенный момент своей истории каждая из западных стран совершила переход от пестроты и неупорядоченности к единообразию закреплённых законом отношений собственности. Так почему бы за ответом на вопрос о развитии институтов собственности не обратиться именно к истории Запада? Мои собеседники всецело одобрили эту идею, и любители истории из Земельного регистра Ее Величества и Германской ассоциации лицензированных маркшейдеров снабдили меня списком наилучших книжных источников.

Прошли еще годы, я прочитал еще много тысяч страниц и пришел к фундаментальному выводу, что технологии никак не влияют на переход к интегрированной системе прав собственности на недвижимость (хотя, как мы увидим в главе 6, технологии очень важны). Ключевым моментом было приспособление закона к социальным и экономическим нуждам большинства населения. Западные народы постепенно дошли до осознания того, что общественные договоры, возникшие за пределами легальной системы права, представляют собой легитимный источник, и они нашли пути введения этих договоров в общее правовое пространство. Благодаря этому закон стал инструментом массового образования капитала и экономического роста. Именно это дает жизненную силу современным институтам собственности на Западе. Более того, во всех без исключения странах революционные преобразования отношений собственности всегда представляли собой результат *политической* победы. В каждой стране переменам предшествовало появление небольшой группы просвещенных людей, которые приходили к убеждению, что нет смысла в законе, если значительная часть населения принуждена жить вне его.

История собственности в странах Европы, в Японии и Соединенных Штатах полезна для понимания сегодняшних проблем властей и населения в развивающихся и бывших социалистических странах. В прошлом каждой из ныне развитых стран явное беззаконие в вопросах о земле было свидетельством не столько преступности, сколько конфликта между правилами, которым следуют мельчайшие землепользователи, и законами, разрабатываемыми властной верхушкой общества. Революционные преобразования заключались в постепенном слиянии этих двух наборов правил.

К сожалению, в рамках данной книги затруднительно дать детальное изложение истории отношений собственности во всех развитых странах. Поэтому я решил сосредоточиться на истории Соединенных Штатов, которые 150 с небольшим лет назад являлись одной из стран третьего мира. Правительства и судебная система молодых штатов, совсем недавно образовавших союз, пытались противостоять пестроте правовых традиций и хаосу, создаваемому натиском первопроходцев, самочинных захватчиков земли, золотодобытчиков, вооруженных бандитов, внезаконных предпринимателей и всей остальной цветистой толпы людей, чье участие сделало освоение американского запада столь диким и варварским делом, которое лишь в воображении мечтательных потомков просияло яркими красками романтического приключения. Для меня, типичного представителя третьего мира, эта история прошлого *гринго** показалась удивительно знакомой. И мне, и моим коллегам было трудно оценить значение того, что индекс Доу-Джонса выходит на уровень 11 000, но зато мы были как дома среди скваттеров Вирджинии времен Томаса Джефферсона** и в бревенчатых хижинах тех, кто осваивал штат Кентукки во времена Даныэла Буна***.

* Распространенное в латиноамериканских странах прозвище граждан США, в основном англосаксов.

** Третий президент США (1801-1809).

*** Один из прославленных первопроходцев, осваивавших в конце XVIII в. западные земли Североамериканского континента. Был руководителем ополченцев на территории нынешнего штата Кентукки.

Подобно нынешним правительствам стран третьего мира, власти американских штатов также пытались сдержать растущий натиск скваттеров и засилье внезаконных земельных отношений, но американские политики, и здесь нужно воздать им должное, довольно быстро сумели понять, что, по словам одного из членов конгресса США, «система земельной собственности разрушена практически до основания... и вместо того чтобы издавать законы для них, нам следует законодательно оформлять каждый их шаг — на всем пути до Скалистых гор и даже до побережья Тихого океана». По словам Франсиса Филбрика, американские политики в конце концов поняли, что «силы, нетривиальным образом изменяющие закон, лежат вне его»¹. Даже прославленный закон 1862 г. о наделении первооселенцев землей (так называемый Закон о гомстедах*), который бесплатно закреплял за каждым согласившимся освоить и обрабатывать участок до 160 акров незанятой земли, представлял собой не столько акт казенного великодушия, сколько признание свершившегося факта. Американцы десятилетиями заселяли и улучшали земли во внезаконном порядке. Их политики постепенно изменили законы страны таким образом, чтобы ввести реальную практику в рамки легальных отношений земельной собственности, и этим укрепили свои политические позиции. Подправив таким образом свои законы, власти США создали условия для преобразования собственности фермеров и старателей в капитал. Сегодня перед странами третьего мира

и бывшего соцлагеря, как и в Соединенных Штатах в XIX в., стоит задача средствами права наделить своих бедняков капиталом.

Описывая в этой главе эволюцию отношений собственности в США, я и не пытаюсь заново переосмыслить историю Америки; я всего лишь, подобно моему легендарному тезке**, предпринимаю исследование этой страны. При этом я, как убедится далее читатель, нашел множество фактов, роднящих Америку XIX в. с современными развивающимися и бывшими социалистическими странами: массовая миграция населения, взрыв внезаконной

* Homestead (*англ.*) — усадьба. Согласно Закону о гомстедах, земля юридически закреплялась в собственность поселенца через 5 лет после регистрации владения, если поселенец начал обрабатывать участок и возводить на нем строения.

** Вероятно, имеется в виду Фернан (Эрнан) Магеллан.

деятельности, политические волнения и общее недовольство устаревшей правовой системой, противящейся признанию того, что ее доктрины и формулы уже не соответствуют реальному миру. Я также выяснил, каким образом закон США постепенно охватил сферу внезаконных отношений и привел страну к состоянию мира и порядка, подтвердив тем самым мнение члена Верховного суда США Холмса, что только соответствие с «опытом», с тем, как люди организуют свою повседневную жизнь, делает закон жизнеспособным. Чтобы сохранить это качество, закон не должен противоречить реальной жизни общества.

Параллели с историей США

Читая подряд работы по истории США, трудно составить представление о том, сколь важным для страны фактором было давление внезаконных форм жизни и политическая реакция на это. Для большинства политиков-реформаторов и технократов трудно распознать в истории США то, что должно бы представлять для них наибольший интерес, то есть связь между легализацией собственности и созданием капитала. Чтобы извлечь уроки истории, полезные для экономической и социальной политики, нужно сгруппировать исторические материалы и высветить интересующие нас проблемы. Специалисты по отношениям собственности практически не занимались изучением проблем перехода от внезаконных прав к единой системе легальной частной собственности. Это можно объяснить несколькими причинами.

Прежде всего, исторический процесс еще не завершен. Вопреки популярному мнению, системы частной собственности, открытые для всех граждан страны, являются сравнительно новым явлением, которому никак не больше 200 лет, и все следствия этого перехода еще не проявились в полной мере. В большинстве стран Запада главная задача широкомасштабных изменений законов о собственности была завершена только 100, а в Японии — менее 50 лет назад. Поскольку сама единая система собственности возникла не в результате реализации сознательного проекта, а в ходе бессознательной эволюции, ничего удивительного, что гражданам развивающихся стран потребуется время на усвоение уроков процесса возникновения единого института частной собственности.

Во-вторых, анализ отношений собственности традиционно ведется на материале развитых стран. Большая часть современных публикаций по вопросам собственности даже не ставит под сомнение ее западное происхождение.

В-третьих, история создания института собственности ускользает от понимания, потому что ее трудно отследить. На длительный и постепенный процесс включения норм, обычаев и методов внезаконных в схемы законного права налагаются другие исторические события. Предоставление законного права собственности американским скваттерам и первопроходцам, ставшее фундаментом для создания капитала и экономического роста, обычно рассматривают как элемент политической стратегии, нацеленной на реализацию империалистических амбиций США, на помощь пионерам в освоении обширной территории и на разрешение частных конфликтов. То, что эти же самые меры помогли США преодолеть конфликт между системой легального права и внезаконным существованием скваттеров и других пионеров, никогда не ставилось во главу угла специалистами по политической истории США.

Позволю себе еще раз подчеркнуть, что в этой главе я намерен не переписывать историю США, а всего лишь изложить знакомый материал таким образом, чтобы стало понятным, что явный хаос, царящий в развивающихся и бывших социалистических странах, представляет собой поиск нового правового порядка. Давайте же проследим, каким образом внезаконный «закон» покинул поля и леса юных Соединенных Штатов и стал частью его законов.

Выход за пределы устаревшего британского права

В шестнадцатом столетии началась беспрецедентная миграция западноевропейцев на девственные просторы Северной и Южной Америки, то, что историк Бернард Бейлин назвал «одним из величайших событий в истории человечества»². Согласно Хоф-феру*, в британской Северной Америке «группы замерзших, уставших, встревоженных мужчин и женщин... сгруппировались на западном берегу Атлантического океана, вглядываясь в обступившие их дикие леса. Сжимая в одной руке мушкетон, а в другой Библию, многие из них вызывали в памяти образы мира, оставленного позади, на другом берегу океана»³.

Память этих людей хранила знания о том, как строить жилые поселения и поддерживать их жизнеспособность, как улаживать конфликты, приобретать землю и создавать учреждения власти. Правовая система играла видную роль в разрешении неизбежных при этом противоречий. И на самом деле, в начале американской истории закон «был вездесущ», поскольку «первые колониальные правительства опирались на правовые документы — на "уставы"... Функционированием хозяйства колоний управляли законы, регулировавшие цены, заработную плату и качество продукции. Закон давал возможность продавать или завещать свою землю, создавал условия для решения споров по поводу сломанных изгородей и потравы посевов скотом, и даже предписывал, как молиться, как жениться, как воспитывать детей и обходиться со слугами и соседями»⁴.

Первоначально колонисты пытались поддерживать порядок, опираясь на принципы английского права собственности. Но английское обычное право не было рассчитано на общество, быстро порождающее новые формы обретения собственности, не подкрепленные общепринятыми формами титулов собственности. Английское обычное право, например, не знакомо с прецедентами судебных решений для случаев, когда человек купил или унаследовал землю с сомнительным титулом (правом) собственности. В результате «возникла необходимость в проведении открытых процессов в окружных судах (county court). Все заинтересованные стороны имели возможность дать показания, а решение суда оказывалось довольно эффективной формой общественной гарантии [прав собственности] в ситуации, когда никаких других гарантий не существовало»⁵.

Большинство колонистов, однако, мало смыслило в деталях английского права. Многие не знали, да и не хотели знать различий между судебными предписаниями обычного права и права справедливости*, а также других тонкостей. Что еще важнее, английское обычное право собственности зачастую было плохо приспособлено к решению проблем, стоявших перед колонистами. Изобилие земли в британской Северной Америке поставило первопоселенцев перед возможностями, немислимыми в покинутой ими Европе. Прибывая «на континент, где значительная часть земли была от природы или усилиями индейцев расчищена для земледелия, англичане [и другие европейцы] ринулись делить новый источник богатства... В результате многие детали оказались не проработанными должным образом. Небрежность в обмерах земли и проведении границ казалась терпимой, и мало кто заботился о надлежащем документальном оформлении, которое, по мнению властей, должно было последовать со временем»¹. Не вся земля была плодородна, дренирована и не всегда поблизости были удобные пастбища для скота поселенцев⁷. В поисках подходящих земель американские колонисты вели себя довольно причудливо: размечали и возделывали землю, строили жилища, а затем бросали все это в поисках более плодородной земли.

Как результат всего этого, права собственности оказались весьма переменчивыми и внезаконными. В своем анализе изменений закона в колониальном Массачусетсе Дейвид Томас Кониг дает очерк технических и административных проблем, сопровождавших процесс миграции населения и осложнявших его. Отсутствие единообразной системы землемерных работ приводило, например, к расхождениям и ошибкам. По всему Массачусетсу между местными властями часто возникали споры, как нарезать землю. «Не было, например, согласия по вопросу о том, следует ли границы участков проводить по прямой, или стоит учитывать рельеф местности». Один колонист «считал, что его надел в триста акров в Рединге имеет форму прямоугольника, но позднее к своему ужасу обнаружил, что участок его соседа, наре-

* Современный американский историк.

** Две ветви английской правовой системы, базирующейся на прецедентных судебных решениях. В основе обычного права, сложившегося в XIII—XIV вв., лежала деятельность королевского суда, а в основе права справедливости — канцлерского суда, созданного в конце XV в.

занный в соседнем городишке, имеет форму круга, дуга которого залезает на его землю»⁸. Число ошибок и конфликтных ситуаций возрастало из-за несовершенства методики землемерных работ. Кониг отмечает, что из-за разброса в точности расчетов и замеров в Северной Америке границы земельных участков часто наезжали друг на друга, и это продолжалось до 1763 г., когда Джон Уинтроп IV* разработал поправочную таблицу для землемерных работ⁹.

Колониальной администрации приходилось разрешать головоломные конфликты по поводу земельной собственности, не имевшие прецедентов в английском обычном праве. «Суды вынуждены были обращаться к местным обычаям и преобразовывать их в новые статьи закона, дабы внести порядок в операции с землей»¹⁰. При решении широкого круга вопросов — от местного самоуправления до использования и раздачи земель — колонисты были вынуждены отходить от английских законов, решительно не отвечавших реалиям жизни на новых территориях. Питер Чарлз Хоффер подчеркивает: «В теории, колонии являлись личной собственностью короны [и для них были обязательны все соответствующие законы], но факты — упрямая вещь. Находящиеся на громадном расстоянии от Англии, изобилующие природными богатствами, населенные мужчинами и женщинами, твердо помнившими о своих интересах и не упускавшими выгодных сделок, колонии тяготели к самоуправлению»¹¹.

Самочинный захват земель — давняя американская традиция

Хотя первые поселенцы были преимущественно британскими подданными и подчинялись английским законам, стоило им переселиться в Америку, в Новый Свет, их взаимоотношения начинали меняться. В

Англи длительное самовольное использование участка земли было нарушением закона. В Соединенных Штатах при обилии возможностей и полном отсутствии препятствий са-

* Один из первых американских ученых, астроном и математик. Член влиятельной в колониальный период семьи Уинтропов.

мовольное занятие пустующих земель — скваттерство — стало обычной практикой. Скваттерство старше, чем нация и государство. Как пишет Амелия Форд, изучавшая истоки американской системы землепользования, «до появления в Новой Англии компании Massachusetts Bay поселенцы занимали участки вдоль побережья безо всяких законных оснований... В Коннектикуте с точки зрения закона первые поселенцы вторглись на территорию незаконно и могли в оправдание своих прав сослаться только на то, что они занимают землю и купили ее у индейцев»¹². В первые годы существования штата Мэриленд французы и другие поселенцы, не являвшиеся британскими подданными, занимали земли, на которые по закону не имели права. А в 1727 г. законодатели Пенсильвании выразили протест против «тех, кто готов осесть на любом клочке незанятой земли». Ранние американские скваттеры к тому времени уже заселили и благоустроили 100 тыс. акров земли, на которую, по замечанию историка, они не имели «и тени права»¹³.

В Новой Англии владеющие немалой собственностью политики не видели ничего хорошего в деятельности скваттеров, которых они рассматривали всего лишь как незаконных захватчиков чужой земли. Уже в 1634 г. законодательное собрание Массачусетса попыталось ограничить практику незаконного захвата земель, предписав, чтобы «все акты предоставления земельных наделов полноправным гражданам должным образом регистрировались, а копия отсылалась. Землемерные работы в каждом городе должны выполняться констеблем с участием четырех других горожан»¹⁴. Но и это не дало результатов. Поскольку многие поселенцы не подчинились «решениям 1634 и 1635 г., законодательное собрание [в 1637 г.] было вынуждено принять еще одно решение и потребовать "мер, принудивших бы людей регистрировать свои земли, а пренебрегающих этим — штрафовать"»¹⁵.

Но законных средств для улаживания многих тогдашних конфликтов просто не существовало. Посему скваттеры обратились к неправовым методам, открывавшим перспективу легализации захваченных земель. Значительная часть наиболее острых конфликтов возникла из-за преимущественно пустующих территорий, на которых ныне располагаются штаты Мэн и Вермонт. До американской революции и Нью-Йорк, и Нью-Гемпшир претендовали на территорию Вермонта¹⁶. Чтобы сорвать притязания Нью-Йорка, губернатор Нью-Гемпшира Беннинг Уэнтуэрт, «исходя из того, что фактическое владение на 90% предопределяет законное право собственности... начал бесплатно раздавать гражданам земли как в Нью-Гемпшире, так и в Массачусетсе... [В результате между 1764 и 1769 гг.] более чем 6 тыс. групп поселенцев... получили в дар 131 участок земли площадью 6 кв. миль каждый»¹⁷.

Но скваттеры, не ведавшие ни лояльности, ни благодарности, скоро вышли за пределы предоставленных нарезов. «Поселенцы двинулись в Вермонт и селились там, где им заблагорассудится»¹⁸. К этому времени они уже раскусили выгоду коллективных действий и начали «засыпать прошениями сначала власти Нью-Гемпшира, а потом и губернатора Нью-Йорка, настаивая на закреплении за ними уже занятых ими земель»¹⁹. Хотя обе колонии пытались пресечь настырные притязания и неоднократно принимали постановления о выселении с захваченных земель, преобладание скваттеров на этих территориях оказалось настолько полным и бесспорным, что Итан Аллен* и его сподвижники сумели после революции добиться для Вермонта статуса государственности. Главным результатом этого потрясающего триумфа была полная легализация земельной собственности скваттеров.

Захват земель часто провоцировался политиками, владевшими большими наделами земли и мечтавшими об освоении и эксплуатации природных ресурсов. В большинстве колоний политики склонны были считать, что освоить новые территории можно только с помощью иммиграции. Для достижения этой цели колониальные политики раздавали наделы земли отдельным гражданам и организованным группам, связывая получение прав собственности с обработкой и освоением участков. В Вирджинии, согласно Амелии Форд, «для занятия участка земли следовало построить дом, засадить акр пашни и в течение года вести хозяйство; если в течение трех лет ничего этого не было сделано, земля отходила в собственность штата»²⁰. По закону Массачусетса, поселенец был обязан «в течение трех лет хозяйствовать на земле, построить дом определенного размера, обычно 18 или 20 кв. футов, и расчистить от пяти до восьми акров земли под пашню и сенокос»²¹.

В 1670-е гг. в Мэриленде лорд Балтимор использовал скваттеров для «заселения некоторых спорных территорий на побережье залива Делавэр и Восточного берега»²². Чтобы сохранить свои доходы в целостности, Пенны* из Пенсильвании «рассылали инструкции, что человек, поселившийся где-либо, может получить свой участок в собственность по цене, обычной для того момента, когда он облюбовал эту землю, плюс набежавшие с того времени проценты и минус расходы на благоустройство земли; те, кто не в силах сделать этого, обязаны уплатить ренту, пропорциональную цене участка»²³. Но Пенны очень скоро обнаружили, что инструкция практически невыполнима: если скваттеры не хотят платить, их трудно к этому принудить. Фактически «стало ясно, что если не достичь какого-либо соглашения с этими целеустремленными, алчущими земли людьми, которых не удастся никуда выселить, придется забыть о больших доходах. ...Соответственно, земельное управление Пенсильвании смотрело сквозь пальцы или старалось не замечать многих пользователей земли, с которыми оно не могло совладать, и помимо

стандартных прав собственности там возникло множество локальных, частных разновидностей титулов собственности на землю»²⁴.

Используя такую политику освоения территорий для закрепления своих прав собственности на землю, скваттеры часто выясняли, что для них законная система прав собственности чрезмерно сложна и обременительна. Как отмечает та же Амелия Форд, «земельное управление было далеко, дела слишком запутаны, а методы чрезмерно медлительны для практично настроенных скваттеров»²⁵. Британские законы со временем теряли связь с тем, как жили и работали большинство людей.

* Герой Войны за независимость в Северной Америке, руководитель повстанческих отрядов в Вермонте.

** Влиятельная семья, основавшая колонию в Северной Америке, получившую название Пенсильвания. Название дано в честь адмирала Уильяма Пенна (1644-1718), сыну которого английский король Карл II даровал земли на Американском материке.

Новый общественный договор: «права томагавка»

В хаосе неопределенности по поводу законов, земли и прав собственности поселенцы поняли, что главное — жить в мире между собой, а для этого нужен хоть какой-то порядок, пусть даже он будет за рамками легального закона. Скваттеры начали изобретать собственные разновидности прав собственности, известные как «права томагавка», «права хижины» и «права посево». Для закрепления «права томагавка» было достаточно окопаться несколько деревьев у источника и пометить хотя бы один ствол инициалами того, кто провел обустройство. Уже в 1660-х гг. среди скваттеров Мэриленда распространился обычай метить деревья на участке, выбранном для освоения, в ожидании того, когда «главный землемер» колонии даст разрешение на его обмер. К концу американской революции практика закрепления права собственности с помощью помеченных деревьев распространилась настолько, что один армейский чиновник писал министру обороны: «Эти люди на пограничных территориях привыкли занимать лучшие земли, для чего используют "права томагавка или обустройства", как они это называют, и предполагается, что это в достаточной степени закрепляет их право собственности»²⁷.

«Права хижины» и «права посево» означали, что для закрепления земли в собственность достаточно поставить на ней хижину или вырастить урожай зерна. Существенно, что эти внезаконные права покупали, продавали и передавали — все как с официальными правами собственности²⁸. И хотя «права хижины» или «посево» не признавались законом, не приходится сомневаться, что такие внезаконные права собственности помогали избегать вражды, признавались жителями приграничных территорий и спустя годы были конвертированы в легальные права собственности.

Хотя местные политики неявно признавали этот внезаконный способ действий, скваттеры были окружены враждебностью. Занимая земли индейских племен, они постоянно провоцировали конфликты. Кроме того, скваттеры представляли собой угрозу для богатых семей, которые опасались за сохранность своих обширных земельных владений. Вот почему один из видных членов элиты тогдашнего общества, Джордж Вашингтон, сетовал в 1785 г. на «банды, бросающие открытый вызов всем властям, присваивающие в обход многих самые лакомые кусочки страны»²⁹.

Убийство шерифа

Пришельцы заселяли приграничные земли, вспахивали целину, строили дома, торговали землей и использовали кредит задолго до того, как правительство передало им права на все эти операции. Но невзирая на эту предприимчивость, многие представители властей пребывали в уверенности, что эти новые американцы вопиющим образом нарушают законы и заслуживают наказания. Вот только наказать их было не просто. Даже когда Джордж Вашингтон, отец Соединенных Штатов, попытался выселить наглецов, самочинно поселившихся на его земле в Вирджинии, юрист предупредил его, что, «если суд примет его сторону и разрешит выселить захватчиков, они, скорее всего, сожгут его амбары и изгороди»³⁰.

В других штатах отношения со скваттерами также начали портиться. Задолго до революции переселенцы из Массачусетса начали селиться на землях будущего штата Мэн, на которые Массачусетс предъявлял претензии уже в 1691 г. Сначала политики Массачусетса терпимо относились к быстрому росту поселенцев на этих далеких территориях. Но после революции, когда казна штата совершенно опустела, а его деньги обесценились, политики Массачусетса сообразили, что обширные пустующие земли могут стать недурным источником новых доходов³¹. Поселенцы неожиданно превратились в препятствие для продажи больших участков земли. В 1786 г. губернатор выпустил декларацию, запрещающую самовольный захват земли на территории Мэна³².

Чтобы вселить уверенность в потенциальных покупателей, Массачусетс назначил комитет для исследования ситуации и взыскания платежей с незаконных «захватчиков»³³. Но большинство скваттеров просто отказались платить за землю или покинуть ее. Вместо того чтобы найти компромисс и договориться, штат приказал шерифам выполнить законное требование о выселении. Это оказалось искрой на пороховом складе и привело к тому, что один историк обозначил как «нечто вроде открытой войны».

«Самой приметной чертой в характере [скваттеров] является яростная и непримиримая ненависть к закону», — комментировал ситуацию юрист из Мэна в 1800 г. «Шериф округа и его служащие были выбраны ими для жертвоприношения, и ненавистный приговор о выселении перестал их пугать даже в

самой малой степени. Они провозгласили, что с законом пора кончать, что юристов следует истребить, а их конторы обратить в прах»³⁴. И когда шериф, попытавшийся изгнать их из округа, был убит, присяжные отказались вынести приговор обвиненным в убийстве. Отчасти в результате распространения враждебных настроений среди скваттеров Мэна Массачусетс в 1820 г. согласился на предоставление ему статуса государственности³⁵.

Другие колонии также прилагали все усилия для борьбы с незаконным захватом частных и государственных земель. В Пенсильвании поселенцы шотландского и ирландского происхождения начали переселяться на земли индейцев не позже 1730 г., и коренные американцы ответили на этот вызов. Колониальные власти вновь и вновь требовали от поселенцев «прекратить расхищение индейских земель, и в порядке назидания сжигали их хижины»³⁶. В период с 1763 по 1768 г. законодательное собрание Пенсильвании пыталось остановить захват земель «под страхом смертной казни», а солдаты, повинувшись губернатору Уильяму Пенну, изгоняли незаконных поселенцев с занятых ими участков³⁷. Несмотря на все эти меры, число скваттеров удвоилось. В ответ, как пишет исследователь этого периода, «разъяренный губернатор провозгласил, что захватчики индейских земель подлежат судебному преследованию. Но невозможно было найти ни подходящего судью, ни достаточно покладистых присяжных и надежной тюрьмы»³⁸.

Прорыв в области законодательства: «преимущественное право»

В стране, каждый житель которой был либо переселенцем, либо связан с ними, у скваттеров не могло не найтись сочувствующих в рядах колониальной администрации, которые быстро поняли, насколько трудно в большинстве ситуаций руководствоваться английским обычным правом. По английским законам, даже если

кто-то по ошибке поселился на чужой земле и способствовал ее обустройству, он не имел права на возмещение затраченных средств и усилий. Но в колониях, учитывая отсутствие эффективной администрации и надежных данных о размежевании, властям пришлось признать, что работы по обустройству земли, уплаченные налоги и местные обычаи являются приемлемым источником права собственности на землю. Уже в 1642 г. колония Вирджиния разрешила тем, кто по ошибке занял чужую землю, требовать от ее истинного владельца возмещения расходов на обустройство участка. Закон Вирджинии устанавливал, что «если некий человек или группа, кто бы они ни были, поселились на какой-либо плантации или участке, законно принадлежащих другому человеку», «вопрос о возмещении должен быть решен собранием двенадцати мужчин»³⁹. Более того, если законный владелец не желал возместить самочинному поселенцу его вложения в обустройство, последний получал право выкупить эту землю по цене, назначенной местным жюри⁴⁰. Этот закон вскоре был принят и всеми другими колониями. Такие положения закона демонстрируют, сколь сильно местные элиты одобряли усилия людей, желавших повысить производительность земель.

Это правовое новшество, позволявшее поселенцу выкупить обустроенную им землю до того, как она будет выставлена на публичные торги, известно как «преимущественное право», и этот принцип в последующие 200 лет сыграл ключевую роль в процессе узаконивания внезаконной собственности в Соединенных Штатах. Политики и юристы истолковывали «обустройство» явно в пользу скваттеров. В Северной Каролине и Вирджинии «права хижины» и «права посевов» учитывались как «обустройство»⁴¹. В Массачусетсе таким же образом учитывались и «права томагавка»⁴². Существенно, что включение в рамки закона таких местных внезаконных обычаев «не только являлось признанием того, что некоторые законные права принадлежат скваттерам хотя бы как вознаграждение за принимаемые ими на себя риск и труды; это было выражением средствами права широко распространенного представления... что скваттеры на самом деле никакие не преступники, а настоящее благо для штата»⁴³. Ко времени американской революции «право посевов», изобретенное бродящими по стране скваттерами, в сознании многих людей превратилось в право отчаянно мужественных пионеров, первыми взявшимися за освоение девственных земель. В то самое время, когда Джордж Вашингтон жаловался на «бандитов», вторгшихся в его личные владения, политики его родной Вирджинии защищали внезаконные права скваттеров и тем поощряли их к дальнейшим захватам.

Для штатов, скудных деньгами, «преимущественное право» на землю стало источником доходов. Они брали со скваттеров плату за размежевание их участков и законное оформление собственности. Благодаря этому законы о «преимущественном праве» были повсеместно в ходу как до, так и после революции. В 1777 г. Северная Каролина открыла земельное управление в западном округе и разрешила поселенцам брать в надел до 640 акров, отдавая при этом преимущество тем, кто жил уже в этих местах⁴⁴. Двумя годами позже Вирджиния приняла закон, дававший поселенцам на западной границе штата «преимущественное право» собственности на уже обустроенную ими землю⁴⁵.

Больше правовых препятствий — больше внезаконных

Победив во множестве битв, американские скваттеры, однако, не выиграли войну. Впервые 100 лет существования Соединенных Штатов преобладало двойственное отношение к внезаконным, и особенно остро это проявилось в позиции федерального правительства, которое неожиданно получило в свое распоряжение обширные общественные земли. В 1784—1850 гг. Соединенные Штаты присоединили — в результате покупок или завоеваний — почти 900 млн акров: Луизианская сделка (1803 г.) принесла 500 млн

акров, Флоридская (1819 г.) — 43 млн акров, Гадсденская (1853 г.) — 19 млн акров, а в результате войны с Мексикой (1848 г.) были присоединены еще 334 млн акров^{46*}. Кроме этого, к 1802 г. федеральное правительство приобрело все за-

* В 1803 г. США купили у Франции за 15 млн дол. Луизиану — территорию к западу от реки Миссисипи. После поражения в войне с США Испания вынуждена была уступить Флориду. У Мексики, потерпевшей поражение в войне с США в 1848 г., была отторгнута почти половина территории, а в 1853 г. по так называемому договору Гадсдена (посол США в Мексике) Мексика была вынуждена продать еще часть своих земель.

падные территории, первоначально принадлежавшие восточным прибрежным штатам.

Начиная с 1784 г. конгресс штатов, вошедших в федерацию (тогда еще конституционно не закрепленную), начал работать над тем, как ограничить посягательства на общенациональные земли. Самым важным было решение, что поселения на северозападных территориях должны стать штатами с точно такими же правами и привилегиями, как и создавшие федерацию тринадцать государств⁴⁷. В 1785 г. конгресс дополнил решение предыдущего года системой размежевания и продажи государственных земель. Следуя модели, использованной колониями Новой Англии, землю размечали на участки площадью 6 кв. миль, а каждый такой участок делился на 36 более мелких, площадью 1 кв. миля, или 640 акров. Размежеванные участки в 640 акров каждый подлежали продаже по цене 1 дол. за акр.

Двумя годами позже, в 1787 г., конгресс консолидировал предыдущие решения и выпустил Северо-Западный ордонанс, который разделил северо-западную территорию на несколько частей и определил трехэтапную процедуру обретения территориями статуса штата. Примечательно, что закон утвердил концепцию «безусловного или неограниченного права собственности» (вечная собственность на объекты недвижимости с неограниченным правом покупать или продавать ее) и создал первую в истории США гарантию свободы заключать сделки⁴⁸. Хотя эти федеральные законы очертили элегантную структуру законной распродажи государственных земель (историки считают Северо-Западный ордонанс главным достижением правительства США в период до принятия Конституции), они были не в состоянии ни контролировать, ни сдерживать перемещения на окраины государства растущего числа переселенцев. Важнейшей проблемой была запредельно высокая цена федеральной земли: 640 дол. за участок земли — очень большие деньги в то время. Эта сумма немедленно отбрасывала тысячи американских переселенцев за пределы федерального рынка земли⁴⁹. Составители Северо-Западного ордонанса исходили из того, что богатые инвесторы будут распродавать землю более мелкими участками или предоставлять кредит, или сдавать землю в аренду на благоприятных условиях. Но в любом случае у пионеров не было нужных средств⁵⁰.

Вместо этого переселенцы «предпочли неопределенность, сопутствующую внезаконному владению землей»⁵¹. И только благодаря этому еще десятки тысяч американцев обратились в скваттеров, во внезаконных владельцев земли.

Немедленно вслед за тем федеральное правительство приступило к преследованию и наказанию скваттеров. Выпады по их адресу прозвучали уже в ходе дебатов, предшествовавших принятию Северо-Западного ордонанса. Уильям Батлер из Нью-Йорка писал: «Я надеюсь, что Совет был ознакомлен с подлостью людей этой страны, которые толпами стекаются со всех четырех сторон, заселяют и захватывают не только федеральные земли, но и земли этого штата; многие сотни ежедневно пересекают реку и ежедневно заявляются вместе со своими семьями; я надеюсь, что мудрость Совета защитит нас от этого огромного и все еще растущего зла»⁵².

Под давлением такого рода чувств члены конгресса замыслили методы изгнания скваттеров, предусматривая и применение силы. В 1785 г. конгресс принял решение, явным образом запрещавшее незаконное занятие земель государственного фонда и дававшее министру обороны полномочия на изгнание незаконных поселенцев с принадлежавших федеральному правительству северо-западных территорий. Первый опыт реализации этой политики состоялся в 1785 г. в месте слияния рек Огайо и Маскингум, когда армия США выселила десять семей, разрушила их дома и построила форт, чтобы помешать их возвращению⁵³. Четырьмя годами позднее президент Вашингтон приказал разрушить хижины и выгнать семью поселенцев, устроившихся на принадлежавших индейцам приграничных землях штата Пенсильвания⁵⁴.

Но хотя многие политики желали выполнения законов нового суверенного государства, среди них нашлись и те, кто усомнился, что такое исполнение законов принесет пользу стране. Вот почему почти немедленно был поднят вопрос о «преимущественном праве» на собственность⁵⁵. В 1789 г., в ходе первой сессии нового конгресса, один из конгрессменов проницательно обрисовал возможности, открытые перед скваттерами:

В этот самый момент в нашей стране очень много людей, желающих законным путем приобрести право на ту землю, на которой они осели. Что подумают эти люди, связавшие свою жизнь с пустующими участками и тревожно ожидающие, что правительство наконец распорядится этой землей, когда обнаружат, что их «преимущественное право» на землю отброшено ради увеличения государственного земельного фонда на миллионы акров? Будут ли они в терпеливом молчании ждать, когда на них начнут охотиться? ..Они сделают одно из двух: либо перейдут на территорию Испании*, где уж никак не окажутся

нежеланными гостями, и умножат собой силы иностранной державы, представляющей для нас несомненную опасность; либо они и впредь будут идти своим путем, вторгаться на федеральные земли Соединенных Штатов и занимать их без вашего разрешения. Что же получится? Они не заплатят вам деньги. И тогда вы прибегнете к силе, чтобы выдворить их вон? Это уже испробовано; были подняты войска, их послали... чтобы достичь этой цели. Они сожгли хижины, снесли ограды и вытоптали картофельные поля. Но через три часа после того как солдаты ушли, люди вернулись на свои участки, восстановили разрушенное и по-прежнему живут на земле, открыто пренебрегая решениями федеральной власти⁵⁶.

Двойственность позиций конгресса в тот период прекрасно характеризуется взглядами Комитета по распоряжению государственными землями палаты представителей. В 1801 г. комитет, рекомендовавший конгрессу отклонить претензии скваттеров на «преимущественное право» на землю, одновременно признал, что последние «с немалым трудом и преодолевая всякие тяготы заселили, возделали и обустроили некоторые территории... [тем самым] повысили ценность не только собственных, но и, к великой выгоде Соединенных Штатов, окрестных земель». При всем при этом комитет утверждал, что «дарование запрашиваемой отсрочки платежей подействует как приглашение и впредь вторгаться на государственные земли и явится неоправданным пренебрежением общественными интересами»⁵⁷. Конгрессмены были настроены отказать в предоставлении каких-либо привилегий скваттерам.

В первые 20 лет своей деятельности конгресс, в соответствии со ст. 1 Конституции США, сохранял неизменную враждебность к поселенцам, незаконно занимающим государственные земли. В 1796 г. он повысил минимальную цену государственной земли с 1 дол. за акр (по указу 1785 г.) до 2 дол. за акр⁵⁸. В 1807 г. конгресс потребовал штрафовать и сажать в тюрьму скваттеров, не

* Имеются в виду испанские колониальные владения, граничащие с США.

подчиняющихся требованиям закона, и разрешил в случае необходимости использовать силу для выселения последних с незаконно занимаемых участков⁵⁹. В документе Комитета по государственным землям от 1812 г. говорится: «Неупорядоченное и незаконное заселение земель государственного фонда наносит вред общественным интересам»⁶⁰.

Проблема, однако, заключалась в том, что тогдашний конгресс, точно так же как многие аналогичные учреждения в современном мире, утратил контакт с реальностью: он совершенно не представлял энергию и силы скваттеров, и у него не было средств претворить свои решения в жизнь. Даже Главное земельное управление, созданное в 1812 г. для размежевания, продажи и регистрации государственных земель, было не в состоянии справиться со своими задачами. В обязанность новому федеральному агентству было вменено подтверждение документов, удостоверяющих права собственности на землю, а также регистрация покупок земли в кредит. Законодатели надеялись, что Земельное управление будет служить информационным центром, обслуживающим интересы покупателей земли. Но скромный штат нового учреждения почти с самого начала перестал справляться с большинством своих обязанностей⁶¹. Как отмечает Патриция Нелсон Лимерик, сами конгрессмены немало поспособствовали обострению проблем Земельного управления: «От имени своих избирателей конгрессмены сетовали на медлительность работы Управления, от своего собственного — засыпали его требованиями о предоставлении информации, на что расходовалось время чиновников, а заботясь об экономии средств, конгрессмены отказывали Управлению в увеличении ассигнований»¹².

Помимо этого, на заре существования Соединенных Штатов финансовые ресурсы страны были весьма скудны, и правительству приходилось раздавать землю, чтобы расплатиться с некоторыми группами населения. Кое-кто из историков убежден, что эмиссией «земельных сертификатов», имеющих репутацию «продовольственных талонов XIX в.», правительство способствовало незаконному и сохранению практики незаконного захвата земель⁶³. В 1780—1848 гг. конгресс выделил 2 млн акров для наделения землей солдат, участвовавших в революционных сражениях, 5 млн акров — для ветеранов войны 1812 г. и 13 млн акров для участников войны с Мексикой*. В 1851—1860 гг. конгресс раздал еще 44 млн акров участникам революционной войны, войны 1812 г., войн с индейцами** и войны с Мексикой⁶⁴. Конгресс в первый раз обратился к выпуску земельных сертификатов во время Войны за независимость, и в этом была определенная логика, потому что для тогдашнего американского правительства это была единственная возможность расплатиться с солдатами и офицерами. Конгресс также опасался угрозы со стороны туземного населения, которое могло выступить против молодой республики по собственной инициативе или по наущению Англии или Франции. Наделяя отставных солдат землей в приграничных районах, конгресс решал обе проблемы одновременно.

К середине XIX в. возник активнейший черный рынок земельных сертификатов, который подогревал как спекуляцию, так и незаконный захват земель. Из каждой сотни отставников, получивших земельные сертификаты, восемьдесят четыре продали их на черном рынке, что в общих чертах напоминает ситуацию в развивающихся и бывших социалистических странах, предоставлявших бесплатное жилье для некоторых категорий граждан⁶⁵. По словам одного историка, «никто и не ожидал, что полмиллиона получивших земельные сертификаты вдов и состарившихся ветеранов могут послужить щитом от иностранного вторжения»⁶⁶.

Кроме этого, федеральное правительство раздало миллионы акров земли новым железным дорогам, пересекавшим страну из конца в конец. В течение XIX в. на эти цели было предоставлено 318 млн акров — почти пятая часть земель федерального фонда — либо напрямую частным железным дорогам, либо властям штатов, которые уже и наделяли их землей. Целью этих масштабных раздач земли было упорядоченное и планомерное заселение приграничных территорий. Хотя подавляющая часть этой земли была вполне бесплодна, некоторая ее часть была пригодна для возделывания или разработки подземных богатств⁶⁷. Львиная

* Имеются в виду сражения 1775—1783 гг. за независимость против Британской короны, Англо-американская война 1812—1814 гг. и война с Мексикой 1846—1848 гг.

** Война с индейцами во Флориде в 1817—1818 гг. и подавление индейского восстания в Иллинойсе и Висконсине в 1833 г.

доля досталась трансконтинентальным железным дорогам, которые получили только половину земель вдоль трассы, так что образовалась замечательная чересполосица казенных и железнодорожных земель. Конгресс надеялся, что железные дороги быстренько распродадут ненужную им землю, чем подтолкнут заселение и освоение новых районов⁶⁸. Но и в этом случае расчеты политиков не оправдались. Чересполосица, по словам одного ученого, «замедлила освоение миллионов акров лучших земель, поскольку затруднила их распродажу». В некоторых случаях она даже спровоцировала открытую войну между железнодорожными компаниями и поселенцами. Стефан Шварц сообщает о конфликте, возникшем в 1880 г. на юге Калифорнии в долине Сан Жаквин, которую тогда называли Устричным вязлом, когда сцепились, не сойдясь в цене, фермеры и скотоводы, уже расположившиеся на землях компании, и сама железнодорожная компания. Дело не ограничилось судебными разбирательствами, а дошло до перестрелки, в которой погибли пятеро претендентов на железнодорожные земли, причем судебный пристав вынужден был признать, что неизвестно, кто же «выстрелил первым». Газета «San Francisco Chronicle» в редакционной статье осудила железную дорогу, заявив, что «каковы бы ни были ее права по закону, бесспорно, что справедливость в этом случае была на стороне поселенцев». При этом физическая сила также была на стороне поселенцев, поскольку, по официальной оценке, для того чтобы вышвырнуть их с занимаемой земли, потребовалось бы от 200 до 1000 бойцов регулярной армии⁷⁰.

Усилия федерального правительства утвердить упорядоченную систему землепользования не смогли преодолеть натиска граждан, чувствовавших неодолимое влечение к казенным землям. Один красноречивый скваттер доказывал: «Я заверяю вас, что каждый мужчина, одобрительно относящийся ко всем возникшим в Америке установлениям, имеет несомненное право переехать на любую незанятую территорию... и конгресс не имеет права им запретить это»⁷¹. В первые несколько десятилетий XIX в. политики и скваттеры сражались из-за будущего федеральных земель. Среди политиков возник вопрос, что с ними делать. «Отдать солдатам», — требовали одни. «Использовать для выплаты национального долга», — отвечали другие. «Сохранить для будущего», — настаивали третьи, а многие были уверены, что все желающие должны иметь право поселиться на этих землях»⁷².

Беззаконие или столкновение правовых систем?

В начале XIX в. система земельной собственности в Соединенных Штатах была в полном раздразе. Существовавшие законы о собственности и враждующие законодатели только усугубляли кризисное положение переселенцев. В своем плодотворном анализе деятельности скваттеров и законов о земле Пол Гейтс утверждает, что закон способствовал «росту судебных расходов на прояснение прав собственности, на выселение с земли соперников и на защиту участков от вторжения нахрапистых поселенцев». Если при этом учесть еще «судебные сборы и высокий процент по ссудам», неадекватность закона превращалась в «источник постоянной угрозы надежности вложений и держала тяжущиеся стороны в состоянии постоянной неуверенности»⁷³.

Легко представить, что поселенцы чаще всего не имели должным образом оформленных прав на землю и, как правило, вынуждены были договариваться не с одним, а с двумя владельцами; но даже после того как им удавалось купить землю и сколько-нибудь обустроить ее, оставалась немалая вероятность того, что возникнет еще кто-либо, имеющий «преимущественное право» на этот участок, и затеет иск о выселении⁷⁴. Иностраный путешественник, побывавший в Кентукки в 1802 г., замечает, что где бы он ни остановился, всюду хозяин дома выражал сомнения в том, что его соседи занимают свои участки по законному праву⁷⁵.

В 1785—1890 гг. конгресс Соединенных Штатов, постоянно ссылаясь на идеалы Джефферсона — вся земля должна принадлежать гражданам, принял более 500 различных законов, направленных на реформирование системы земельной собственности. В итоге возникли чрезвычайно усложненные процедуры, зачастую препятствовавшие реализации этого идеала. Ситуация усугублялась еще и тем, что отдельные штаты создавали свои законы о собственности и распределяли земельные фонды в интересах главным образом богатых землевладельцев. В результате попытки перестроить систему собственности только обостряли земельный кризис, а поселенцам оставалось лишь с еще большей подозрительностью относиться к законности и надежности своих прав на землю. Современник земельной реформы в Кентукки писал о ней: «Многие поселенцы рассчитывали, что именно этот хаос защитит их владения... [а потому], как

правило, люди не заявляли о своих правах, чтобы не навлечь на себя уплату изрядных штрафов»⁷⁶. В XVIII и начале XIX в. «прежние проблемы были решены, но возникли новые. Определение прав собственности стало хронической проблемой... [поскольку право превратилось] в концепцию более эфемерную, чем географическая долгота, более бесформенную, чем гнилой пень. Права собственности порождали не меньше сутяжничества и затруднений, чем стародавние феодальные права»⁷⁷. Попросту, правовые установления Соединенных Штатов не совладали, в самом глубоком смысле этого слова, с растущим потоком переселенцев.

К 1820 г. система земельной собственности в США была уже в таком беспорядке, что член Верховного суда Джоузеф Стори написал: «По-видимому, нужна смена нескольких поколений, чтобы все тяжбы, порожденные [нашими законами о собственности], разрешились... Им суждено вовеки остаться не расшифрованным до конца экзотическим построением, которое станет предметом изучения и толкования, как если бы это были законы какой-то иностранной державы»⁷⁸. По мнению судьи Стори, ирония заключалась в том, что Соединенные Штаты представляли собой «не дряхлое консервативное общество, а новое государство, возникшее на периферии [древней] правовой традиции»⁷⁹.

Законы США стали настолько неудобными, что превратились в главный камень преткновения для поселенцев, желавших узаконить свои права на землю и таким образом избавиться от статуса скваттеров. У них остался единственный выход — создавать собственные «законы» на основе слияния английской правовой традиции, возникших в Америке правовых норм и здравого смысла. Результатом стала «множественность законных прав собственности»⁸⁰, определенных в двух разных правовых и экономических системах, одной — кодифицированной и отраженной в своде законов, другой — применяемой в житейской практике. В итоге Соединенные Штаты начали жить в рамках плюралистической правовой системы, в которой многие права и отношения собственности определялись внезаконным правом.

Политическую элиту страны раздирали, с одной стороны, приверженность закону, с другой — симпатии к переселенцам, которым не находилось место в рамках этого закона. Речь Томаса Джефферсона отлично выражает всегдашнюю двойственность отношения политиков к внезаконному праву. «[Эти установления] были настолько разнообразными... что для их определения нельзя было применить никакие утвердившиеся принципы права или справедливости; многие из них строились на нормах и обычаях, возникших именно в этом округе, основывались на чисто индивидуальных методах передачи [прав], а поскольку они являлись составным элементом почти каждого титула собственности, их невозможно было полностью игнорировать (выделено де Сото. — Ред.)»⁸¹.

Борьба с бесправием: политика штатов

У американских политиков было три возможности выбора. Они могли по-прежнему пытаться игнорировать внезаконников или мешать им, время от времени нехотя делая уступки, или включиться в борьбу за права внезаконников. Судя по тому, что в первые 60 лет XIX в. в Соединенных Штатах распространились законы, признававшие право на землю за тем, кто ее обустроил*, можно сделать вывод, что политики все в большей степени склонялись к поддержке внезаконников. История принятия этих законов в Соединенных Штатах — это история подъема внезаконников как политической силы.

Поворот случился в новом штате Кентукки, где система собственности, как и во многих других штатах, пребывала в состоянии полного беспорядка. Губернатор жаловался, что у него сумма заявок на землю втрое превышает площадь самого штата. Историк Пол Гейтс доказывает, что причина этого в том, что между 1797 и 1820 г. законодателям приходилось учитывать интересы своих внезаконных избирателей. Результатом стали «два великих принципа справедливости, зафиксированные в статутном

* *Occupancy law* — «право заимки».

праве Америки: право занявшего землю... на плоды обустройства и право поселенцев, осевших на частной земле, не вызывавших в течение семи лет ничьих возражений и плативших налоги, на простое и ясное право собственности на свою землю, независимо от возможного наличия альтернативных прав на этот участок»⁸². Но значение закона штата Кентукки не сводится к вкладу в правовую доктрину; главное было в явном возрастании политической власти пионеров. Давление внезаконных поселенцев на своих выборных чиновников было таким, что принудило бы правительства многих штатов отвергнуть решения Верховного суда США, враждебные к многочисленному внезаконному населению страны.

В 1821 г. Верховный суд объявил неконституционным закон штата Кентукки о «праве заимки»⁸³. Решение было вынесено в связи с тяжбой между наследниками богатого землевладельца Джона Грина и Ричардом Биддлом, скваттером, который незаконным образом поселился на его земле. Спорный участок земли первоначально принадлежал штату Вирджиния, а потом стал частью Кентукки. В процессе «Грин против Биддла» Верховный суд, сославшись на право собственности, установленное в соответствии с прецедентами английского обычного права, отверг закон штата Кентукки о праве собственности, создаваемом фактом возделывания земли⁸⁴.

Это решение открыто поддержало тех, кто обладал легальными правами собственности на обрабатываемую ими землю. В решении Верховного суда было сказано, что закон штата Кентукки «есть проявление несправедливости и тирании, потому что вынуждает законного собственника земли платить не

только за действительное обустройство земли и принимать на себя не только расходы, приведшие к реальному увеличению ее ценности, но и расходы, осуществленные временным пользователем ради кажущегося улучшения, диктуемые его собственным вкусом, подчиняющимся в том числе личной прихоти и капризу»⁸⁵. После повторного слушания дела в 1823 г. Верховный суд подтвердил свое первоначальное решение, подчеркнув, что признание права собственности за тем, кто возделывает землю, лишает «законного собственника земли возможности получать выгоду от аренды и прибыль, которая целиком достается ее временному пользователю».

Политики, опиравшиеся на поддержку внезаконных избирателей, подвергли эти решения Верховного суда жестокому разному, назвав их «самым разрушительным» и «опасным» для благоденствия граждан Кентукки⁸⁶. Верховный суд мог бы и не обратить внимания на новые политические и правовые реалии, набиравшие силу на стремительно уходивших к Тихому океану западных границах страны, но политикам западных штатов достаточно было выглянуть в окно, чтобы понять, как быстро меняется страна. Это были первые десятилетия XIX в., когда десятки тысяч отважных переселенцев, с превеликими трудностями переваливших Аппалачи, обустроивались на плодородных девственных землях новых штатов. Население США удваивалось каждые 20 лет. В 1620 г. все население британских колоний в Северной Америке составляло примерно 5 млн человек. К 1860 г. население США превысило 30 млн. Пятьдесят процентов американского населения жило к западу от Аппалачей.

Новые поселенцы хотели, чтобы суды признали их права на приобретенную собственность⁸⁷. Поэтому массовость политических и судебных протестов на решение Верховного суда в деле «Грин против Биддла» явилась серьезным успехом внезаконных, которые сразу же перешли в наступление. В глазах множества политиков и газетчиков Верховный суд оказался злодеем. Одна местная газета писала о «предательском поведении» судей, угрожающих «ликвидацией» прав «чужаков и недавних поселенцев»⁸⁸. В разгар скандала, вызванного решением суда, влиятельный политик из Кентукки Ричард М. Джонсон, выступая в Сенате, заявил, что это решение «опрокинет целенаправленную политику [штата Кентукки]... а если оно утвердится, последствия будут ужасающими, потому что возникнет лавина судебных тяжб в делах, решенных уже годы назад, и ситуация с совершенно законной земельной собственностью окажется крайне запутанной»⁸⁹. Генри Клей, еще более влиятельный сенатор от штата Кентукки, долгое время бывший противником расширения прав скваттеров, признал свою прежнюю неправоту: «Они строят дома, выращивают фруктовые сады, огораживают поля, обустроивают землю и воспитывают детей. Тем временем накатывает новая волна переселенцев, благоустроенные ими фермы растут в цене... они продают их пришельцам с большой выгодой и уходят дальше на запад... Вот таким образом тысячи и десятки тысяч день за днем улучшают свое положение и укрепляют благосостояние своих семей»⁹⁰. Как губернатор, так и законодатели штата Кентукки подняли свой голос против решения Верховного суда⁹¹.

С первого же дня своего существования Верховный суд подвергался нападкам политиков, противившихся авторитету элитной группы судей, которых никто на этот пост не выбирал. В ходе этого экстраординарного конфликта судья штата заметил, что не может следовать решению Верховного суда в процессе «Грин против Биддла», потому что тогда «решение было принято голосами всего трех судей из семи, составляющих Верховный суд Соединенных Штатов, а решение, не поддержанное большинством судей, не может рассматриваться как конституционная норма»⁹². В 1827 г. другой судья штата отверг это решение Верховного суда, подчеркнув, что «право людей на занимаемую и возделываемую ими землю было признано в слишком большом числе случаев»⁹³.

Под влиянием волны возмущений, порожденной решением по делу «Грин против Биддла», западные политики и демократы со всей страны начали по-другому воспринимать растущую группу своих избирателей-скваттеров. Они перестали быть «вонючими правонарушителями», которые нагло захватывают лучшие земли страны, и превратились в «доблестных пионеров», неустанно работающих над ее развитием. К тому же они были и потенциальными избирателями⁹⁴. Симпатизировавшие им политики начали атаку на систему прав собственности. Конгрессмен от штата Канзас подчеркивал, что «по всему штату поселенцы размещались на казенных землях, трудились над их обустройством, платили налоги, а потом решением министра внутренних дел под тем или иным предлогом были согнаны со своих участков, причем безо всякой компенсации»

Борьба с бесправием: политика федерального центра

В самый разгар споров по поводу решения Верховного суда в деле «Грин против Биддла» Эндрю Джексон, герой войны 1812 г. против Британии и деятельный защитник прав пионеров, почти победил в борьбе за пост президента США. Четырьмя годами позже он добился своего и стал президентом. За два срока его правления, когда был отброшен имущественный ценз на участие в выборах и занятие выборных должностей, когда страна покрылась сетью бесплатных средних школ, уголовный кодекс был значительно смягчен и были закрыты долговые тюрьмы, симпатии общества к движению за права скваттеров возросли. Одновременно возросла неприязнь к судьям и прокурорам, которых стали воспринимать как пособников богатых и власть имущих⁹⁶.

В 1830 г. страна состояла уже не из 13, а из 24 штатов, среди которых было семь западных, и представители последних в Вашингтоне горой стояли за интересы скваттеров. Южным и северным штатам, конкурировавшим за поддержку этого все более влиятельного политического блока, приходилось занимать

все более прозападные позиции⁹⁷. Западные штаты, с их большим числом скваттеров, начали демонстрировать растущую политическую силу, и результаты оказались весьма впечатляющими. В 1834—1856 гг. штаты Миссури, Алабама, Арканзас, Мичиган, Айова, Миссисипи, Висконсин, Миннесота, Орегон, Канзас и Калифорния в подражание штату Кентукки все как один приняли законы о праве на землю тех, кто ее обрабатывает, законы, уже отвергнутые решением Верховного суда по делу «Грин против Биддла»⁹⁸. Пол Гейтс утверждает, что «ни одно решение Верховного суда не было с таким единодушием отвергнуто решениями законодательных и судебных органов штатов, не подверглось такому унижению в результате неспособности федеральных судов опереться на это решение как на прецедент и, наконец, было опровергнуто никем не оспоренным решением конгресса обеспечить фактическим пользователям участков защиту федеральных судов в процессах, аналогичных делу "Грин против Биддла"»⁹⁹.

Наконец и Вашингтон почувствовал изменение ситуации. Если в 1806 г. Комитет по федеральным землям в своих собственных трудностях винил исключительно скваттеров, то в 1828 г. тот же самый комитет сообщил палате представителей, что американские скваттеры оказали ценные услуги обществу и заслуживают вознаграждения¹⁰⁰. Некогда презираемый скваттер превратился в того, кто «своей предприимчивостью и усердием создал в глуши дом для себя и своей семьи и заслужил этим награду. Он начал возделывать земли из общественных фондов и сделал привлекательными участки, до этого ничего не стоившие, и, если бы не произведенные им усовершенствования, они не смогли бы привлечь ни одного покупателя»¹⁰¹.

Члены конгресса приступили к разработке законодательства, которое могло бы облегчить поселенцам переход к легальному статусу¹⁰². Основой предложенного решения была правовая уловка, бывшая в колониальный период сущим спасением для скваттеров (с ней конгресс того времени неустанно боролся), — «преимущественное право» покупки. В 1830 г. коалиция конгрессменов западных и южных штатов провела общий закон о преимущественном праве на землю. Он касался «каждого поселенца или пользователя участков земли государственного фонда... который живет на нем и возделывает его в настоящий момент, в год тысяча восемьсот двадцать девятый»¹⁰³. Каждый скваттер получил право на покупку 160 акров земли, включая ту, которую он уже обустроил, по цене 1,25 дол. за акр. Деньги подлежали уплате до того, как участок выставлялся на публичные торги, а продажа или передача прав собственности была строго запрещена.

В 1832, 1838 и 1840 гг. конгресс возобновлял закон о преимущественном праве на землю. И всякий раз делалась попытка дополнительно укрепить права самых мелких скваттеров и одновременно предотвратить злоупотребление законом о преимущественном праве. Например, закон 1832 г. снизил минимальное количество земли, которое мог купить скваттер, со 160 до 40 акров.

К 1841 г. закон о преимущественном праве настолько утвердился, что конгресс принял общий закон, распространяющийся на будущие периоды. Закон 1841 г. касался не только реально нуждающихся в помощи скваттеров, но и «каждого человека... который в будущем поселится на земле государственного фонда»¹⁰⁴. При этом заселенный участок федеральной земли подлежал размежеванию, но затем и это положение было отброшено¹⁰⁵.

Борьба с бесправием: действия внегалагов

Хотя скваттеры в целом не имели возможности участвовать в политических и конституционных дебатах по поводу собственности, многие из них делали все мыслимое, чтобы закрепить за собой землю своих хозяйств; некоторые даже по два раза платили за приобретение одного и того же участка, а другие платили бешеные деньги адвокатам, чтобы те помогли легализовать права собственности на землю¹⁰⁶. Многим не хватало средств для легализации по закону, поэтому люди создавали внезаконные установления, позволявшие жителям западной границы приобретать и сохранять собственность. Закон оказывался в руках скваттеров, которые таким образом принуждали власти следовать за собой. Политикам потребовалось время для осознания того, что параллельно с законной системой собственности возникли аналогичные внезаконные системы, охватывавшие существенную часть национальных земельных владений. Нужна была правовая система, способная вместить самые разные способы определения, использования и распределения прав собственности.

Два примера позволяют проиллюстрировать процесс возникновения внезаконных организаций, служивших защите не признаваемых законом прав собственности: ассоциации претендентов на землю, распространившиеся на американском Среднем Западе в первой половине XIX в., и старательские регламенты горных округов, покрывших запад страны после открытия золота в Калифорнии. Для многих американских историков ассоциации претендентов на землю и старательские регламенты представляют собой, как писал Аллан Боуг*, «проявление способности первопроходцев к демократическим действиям»¹⁰⁷. Другие утверждают, что эти организации представляли собой «дымовую завесу, маскировавшую расхищение земли у настоящих владельцев»¹⁰⁸. Я не хочу участвовать в этом споре. В ассоциациях претендентов на землю и горных округах меня интересует возможность доказать, что в прошлом США внезаконные группы играли важную роль в формировании прав собственности и в повышении ценности земли. Хотя с чисто технической точки зрения все они были захватчиками чужого, эти скваттеры, по словам историка Доналда Пизани, обладали «законнической жилкой, коренившейся в убеждении, что... "простые люди" имеют больше прав определять и толковать законы, чем юристы»¹⁰⁹.

* Американский исследователь региональной экономической истории.

С этой точки зрения внезаконные организации выполняли ряд полезных функций — от ведения переговоров с правительством до регистрации собственности и прав, на которые претендовали скваттеры.

Ассоциации претендентов на землю

На американском Среднем Западе ассоциации претендентов на землю были созданы поселенцами для защиты от конкуренции со стороны спекулянтов. В штате Айова две ассоциации претендентов, к примеру, записали в уставах обязательство защищать собственность своих членов в течение двух лет после продажи земли¹¹⁰. Аллан Боуг отмечает, что «скваттер мог рассчитывать, что товарищи по ассоциации придут ему на помощь, если его собственности будут угрожать, и... что они сумеют отбить спекулянтов, если те попробуют перебить его цену на земельном аукционе»¹¹¹. Историк штата Айова отмечает, что «когда настоящий поселенец, то есть тот, кому земля нужна была для немедленного строительства дома и обзаведения хозяйством, занимал участок на земле, облюбованной ассоциацией, его немедленно находили ее ищущие и предлагали на выбор либо тут же освободить участок, либо оплатить усилия по охране земли от чужаков». Если «поселенец не верил в то, что ассоциация уже застолбила участок за собой, ему тут же предъявляли одного или двух свидетелей, клятвенно подтверждавших обоснованность притязаний»¹¹².

Эти ассоциации обеспечивали жесткие и примитивные правила справедливости. Местный священник как-то спросил члена ассоциации, что случится, если спекулянт умудрится перехватить их участок земли. Скваттер ответил: «Что ж, я убью его; и по соглашению между поселенцами меня будут защищать все, а если дело дойдет до суда, ни один присяжный не рискнет проголосовать за мое осуждение»¹¹³. Но, как правило, ассоциации собственников создавали по меньшей мере иллюзию справедливого разбирательства, собирали жюри из скваттеров и решали дело о притязаниях чужака, спекулянта, покусившегося на земли ассоциации. В одном округе штата Айова, где такой захватчик попытался занять вакантный второй участок, принадлежавший члену ассоциации, его «захватили два десятка серьезных и рассерженных мужчин» и «в течение часа» доставили на заседание жюри, составленного из поселенцев¹¹⁴.

Но функции ассоциаций претендентов на землю не ограничивались защитой земли от притязаний чужаков. Например, члены ассоциаций, «обычно скваттеры, первыми захватившие участки в определенном районе, договаривались о том, что не будут перебивать цены друг друга на земельном аукционе и помешают чужакам перехватывать землю у членов ассоциации»¹¹⁵. В преамбуле к уставу одной ассоциации претендентов на землю следующим образом формулируются ее задачи:

Поскольку мы с разрешения правительства поселились на его земле и вложили наше время и деньги в обустройство этих участков, мы считаем, что будет справедливо, если мы купим эти участки по законной цене. В то же время могут найтись люди, склонные помешать нашим правам и, таким образом, возбудить подозрительность, недовольство и смутнение. Поэтому мы постановили, что, поскольку в нашем случае служить нам защитой может только сплоченность и готовность разрешать любые споры между собой в духе дружелюбия, идя на взаимные уступки и избегая всего, что могло бы стать источником подозрительности и недовольства, мы будем сознательно принимать решения создаваемых нами комитетов и поддерживать их в выполнении возложенных на них обязанностей¹¹⁶.

В этом документе особенно поражает сходство с «контрактами между поселенцами», которые и сегодня часто заключаются между группами скваттеров в странах третьего мира.

Каждая ассоциация претендентов на землю принимала свой устав, избирала действующих должностных лиц, разрабатывала правила принятия решений и процедуры регистрации и защиты прав собственности¹¹⁷. Например, устав ассоциации претендентов на землю округа Джонсон, штат Айова, устанавливал процедуры определения права собственности на землю, а также предусматривал избрание президента, вице-президента, писаря и регистратора, семи судей (причем пяти из них было довольно для формирования суда и проведения процесса), двух судебных исполнителей, облеченных правом приводить в исполнение решения ассоциации¹¹⁸. Согласно Аллану Боугу, историку этих айовских «клубов претендентов», их правила большей частью «определяли разрешенные размеры участков, методы маркировки, регистрации и передачи участков и процедуры, подлежащие соблюдению при конфликте между членами клуба, при возникновении угрозы занятым участкам со стороны чужаков и при наступлении даты проведения земельных торгов»¹¹⁹.

Деятельность ассоциаций претендентов на землю явно способствовала повышению ценности земель, которые хотели получить скваттеры. В округах Джонсон, Вебстер и Поувшик штата Айовы ассоциации претендентов утвердили определенные «правила, предписывавшие минимум работ по обустройству, который должен был выполнить каждый из членов»¹²⁰. Кроме того, ассоциации устанавливали наибольший и наименьший размер участков, обеспечиваемых коллективной защитой, а большинство их также позволяло своим членам продавать наделы, чтобы реализовать стоимость земли. Многие члены таких «товариществ», однако, «не удовлетворялись допускаемой законом величиной земельных наделов и составляли заявки на столь большие участки, что бывали случаи, когда для покупателя со стороны просто не оставалось незастолбленной земли»¹²¹. Большинство членов ассоциаций молчаливо одобряли такую практику. Хотя ассоциации претендентов на землю громко осуждали крупных земельных спекулянтов, они сами, по замечанию Боу-га, были всего лишь «мелкими спекулянтами»¹²². Исторически ассоциации

претендентов защищали не только притязания поселенцев на землю, но и право торговли застолбленными земельными наделами¹²³.

Вот таким образом ассоциации претендентов на землю помогли возникновению «своего рода обычного или общего права... созданного силой общего согласия и общих потребностей». Как отмечает один из историков скваттерства, «хотя закон о правах претендентов на землю не был зафиксирован в кодексе законов Соединенных Штатов или какой-либо отдельной территории федерации, тем не менее это закон, выдвинутый и признанный самим сувереном, а такие законы подлежат безусловному выполнению»¹²⁵. Поселенцы, однако, вовсе не стремились к полному вытеснению легального права. Их внезаконные установления служили всего лишь временной остановкой на пути к юридической респектабельности.

Организации старателей

24 января 1848 г. Джеймс Маршалл и группа, состоявшая из индейцев и мормонов, обнаружила в Американской реке в Калифорнии золото. Хотя они поклялись держать открытие в тайне, всего через четыре месяца об этом узнали газетчики в Сан-Франциско. Это открытие «стало причиной самого, пожалуй, значительного добровольного переселения народов, какое только знала мировая история, названного современниками "калифорнийской золотой лихорадкой"»¹²⁶. Ближайшие результаты были внушительными: «Фермеры бросали свои плуги прямо в поле. Солдаты и моряки дезертировали. Лавочники оставляли магазины на произвол судьбы. За одну ночь Сан-Франциско совершенно обезлюдел»¹²⁷. Всего за год число старателей в Калифорнии достигло 100 тыс. человек, а еще через два года их стало 300 тыс.

Когда воодушевленные надеждой старатели попадали в Калифорнию, чтобы выкопать богатства из ее недр, их встречала совершенно нетронутая земля, по которой еще не прошел сапог землемера¹²⁸. Тем не менее с точки зрения закона они были правонарушителями, потому что значительная часть облюбованных ими земель была буквально опутана притязаниями¹²⁹. К началу золотой лихорадки большая часть земель принадлежала федеральному правительству, до 9% площади Калифорнии было роздано еще правительством Мексики*, а значительная часть остальных земель представляла собой горные, пустынные или недоступные территории¹³⁰. И несмотря на тот факт, что федеральное правительство наштамповало, как мы видели, сотни законов о землепользовании, в Соединенных Штатах не было закона, регулирующего продажу или сдачу в аренду земли, содержащей драгоценные металлы¹³¹. Более того, конгресс явным образом *исключил* «земли, содержащие минеральные богатства» из общего закона от 1841 г. о первоочередном праве на покупку земли.

Взрывчатая смесь, образованная из наличия распределенных правительством Мексики наделов, физического отсутствия их

* Территория нынешнего штата Калифорния (США) после образования независимого мексиканского государства в 1821 г. принадлежала Мексике. В результате Американо-мексиканской войны 1846-1848 гг. она была присоединена к США.

собственников, присутствия множества жаждущих этой земли скваттеров и недейственности федерального закона, потребовала немедленного создания внезаконной системы землепользования. Некоторые историки, такие как Пизани, считают, что у поселенцев не было больших возможностей для выбора. Если бы они заняли мексиканские наделы земли в надежде, что правительство США не признает законность решений мексиканских властей, возникала перспектива утратить все вложения в обустройство. Но если бы они купили землю у претендента, получившего надел от Мексики, появлялась возможность утратить не только вложения в обустройство, но и расходы на покупку»^J. В то время как поселенцы заводили свой порядок в сфере землепользования, правительство искало решение в рамках существующего статутного права. Проблема заключалась в том, что оно действовало слишком медленно. В 1851 г. конгресс создал комиссию для оценки юридической действенности прав собственности на землю, созданных решениями мексиканских и испанских властей. Хотя официальный срок, отведенный этой комиссии, окончился в 1856 г., суды и Главное земельное управление еще на несколько лет затянули окончательное решение вопроса. В результате поселенцам для поддержания хоть какого-то порядка пришлось все в большей степени полагаться на внезаконное право. Они были буквально принуждены к этому, потому что, по словам одного историка права, «чем больше затягивается процесс принятия решений, тем больше угроза судебных тяжб и применения силы»¹³³.

Подобно скваттерам Среднего Запада, объединившимся в ассоциации претендентов на землю, старатели имели возможность опереться на две нормы прецедентного права: на преимущественное право покупки и на право занимающего землю на плоды своих трудов по ее обустройству¹³⁴. Поэтому они и создали организации, способные регулировать внезаконные права и обязательства отдельных горняков по отношению к своим участкам. Эти контракты получили название «регламенты горных округов». Старатели были уверены, что если они тщательно составят свои регламенты, в максимально возможной степени учитывая при этом существующие законы государства, правительству рано или поздно придется заключить с ними компромисс.

Старатели все проделали с величайшей скрупулезностью. В большинстве случаев принятие регламентов горных округов проходило в девять этапов. Прежде всего, горняки расклеивали объявления

или созывали устно массовое собрание в общеизвестном месте для формирования нового округа. Во-вторых, прямо на митинге старатели устанавливали границы округа, сферу полномочий властей и давали ему имя (обычно в честь географической достопримечательности, открывателя первого золотоносного участка или человека, взявшегося за организацию округа). В-третьих, они вводили ограничения на число возможных для одного старателя заявок. В большинстве горных округов открыватель новой золотой жилы или залежи имел право на две заявки, тогда как все остальные — только на одну. Возможность скупать уже оформленные заявки обычно не ограничивалась при условии, что при покупке были «добросовестно учтены ценность участка, сделка была должным образом зарегистрирована и выписан документ на право собственности».

В-четвертых, полноценными участниками горного округа могли быть только граждане США или те, кто имел все законные основания для получения гражданства. Таким образом все лица мексиканского и азиатского происхождения автоматически исключались в силу расовых предрассудков эпохи. Старателей мексиканского или азиатского происхождения даже обвиняли в том, что они, не сделав ничего «для процветания людей, присваивают себе плоды их тяжелого труда» и что они подвергают опасности нравы «молодых [американских] мужчин... лишенных поддержки и влияния семьи». В-пятых, регламенты фиксировали предельные размеры участков: 150—300 футов в длину для крупных заявок и вплоть до ширины лопаты в случае малых залежей. Обычно на каждой стороне участка отводилась полоса отчуждения для рытья тоннелей и устройства отвалов, но так, чтобы эти сооружения не залезали на соседние участки. В-шестых, регламенты устанавливали для старателей правила определения границ своих участков. Обычно для того, чтобы за столбить участок, было достаточно вывесить табличку с датой, именем заявителя и названием округа.

В-седьмых, в регламентах предусматривалось создание регистрационной конторы для ведения и хранения официальных документов и устанавливался порядок регистрации заявок. Регистраторов зачастую выбирали сроком на один год. Что еще важнее, регламенты требовали от старателей «подавать заявки на регистрацию участков в течение пяти—тридцати дней с даты его столбления, а регистратор был обязан вести учет такого рода заявок, а также фиксировать переход участков в пределах округа из рук в руки». В-восьмых, регламенты устанавливали требования к разработке участков, определяли «время, объем и характер» работ, которые следовало провести, чтобы сохранить право собственности на участок. Наказанием за «несоблюдение этих требований была угроза конфискации». Наконец, регламенты устанавливали систему разрешения спорных вопросов¹³⁵.

Столкнувшись с прорехами в федеральном горном законодательстве, золотоискатели проявили юридическую смекалку и создали вполне дееспособное горное законодательство. Договариваясь между собой, они защищали свои права и повышали ценность своей собственности в ожидании, когда правительство вступится и придаст законную силу их притязаниям. Использование внезаконных инструментов для создания прав собственности едва ли было редким случаем. Внезаконность была тогда, как и сегодня в третьем мире, обычным делом. В ближайшие за открытием золота годы Калифорния получила примерно 800 отдельных горных округов, каждый со своим собственным набором правовых установлений¹³⁶. Законность и силу этим установлениям придавали сплоченность и единодушие граждан. Историк Чарльз Говард Шинн замечает, что «в дела округов никогда не было вмешательства извне со стороны любых алькальдов (мэров), советов или мировых судей. Округ представлял собой сплоченную политическую организацию, и во многих местах такое положение сохранилось даже после создания штата. Делегаты из сопредельных округов часто встречались для обсуждения вопросов о границах или о местном самоуправлении, и сообщали о результатах переговоров своим избирателям на митингах, проходивших под открытым небом на берегу реки или склоне холма»¹³⁷.

Большинство политиков заняли позицию поддержки притязаний старателей, и суды охотно давали легальный статус их вне-законным установлениям. В 1861 г. судья калифорнийского Высшего суда, выступая в процессе «Гор против Макбрейера», заметил по поводу таких внезаконных установлений: «Достаточно того, что старатели договорились между собой — на открытом или на специально созванном собрании — о своих местных законах, чтобы они признавались законами для определенной местности и действовали до тех пор, пока не будет доказано, что здесь есть некий обман, или не всплывут какие-либо другие основания отвергнуть эти законы»¹³⁸.

Одной из причин той легкости, с которой регламенты горных округов получали официальный статус, было то, что их создатели опирались на совокупность принципов, идей и процедур, близких к предусмотренным тогдашним законодательством. Лэси отмечает, что регламенты округов «отражали накопленные веками мудрость и обычаи... Советов горняков оловянных шахт в Корнуолле; практику горных округов в Дербишире; организационные принципы и деятельность бургомистров в Саксонии; декреты и распоряжения вице-королей Новой Испании и Перу; некоторые обычаи и установления горных округов, возникших на золотоносных песках Миссури»¹³⁹. Например, «когда старатель подавал заявку, полностью соответствующую горняцким правилам и обычаям, фактическое владение частью заявленного участка с четко определенными границами обеспечивало за ним право собственности на весь заявленный участок. Ведь это не может быть не чем иным, как реализацией одного аспекта... закона о владении вопреки противоположным притязаниям»¹. Юрист, обслуживавший интересы старателей, пишет о том, как их закон воспроизводит и упрощает положения легальной системы прав собственности:

По старательскому праву, нашедший золото является сам для себя высшим должностным лицом, принимающим решение о необходимости занять участок, он сам себе присваивает титул собственника, устанавливает границы участка и объявляет себя его владельцем... Устное сообщение является эквивалентом письменного заявления; размечая границы, он выполняет функции землемера; горное право определяет возможность землеотвода, а регистрация всего этого выборным чиновником придает операции оттенок законности. Публично-правовой и непоколебимый характер всему этому придает участие народа, представителем которого является старатель¹⁴¹.

Сплав внезаконной и законной моделей права заполнил правовой вакуум в сфере, связанной с разработкой минеральных богатств Америки, то есть выполнил ту же роль, что и современные организации скваттеров в странах третьего мира. На протяжении 1850-х гг. конгресс не сделал даже попытки установить свою юрисдикцию над рудными богатствами западных штатов. Историки строят догадки, что, возможно, успех старательского самоуправления оправдывался распространенной тогда политической философией, а может быть, дело было в том, что страна была целиком поглощена решением вопроса о рабстве и угрозой отделения южных штатов¹⁴². Возможно, юристы, входившие в число американских законодателей, просто сочли, что старатели и сами хорошо справляются с законотворчеством. Одно, по крайней мере, ясно: бездействие конгресса повысило доверие к общественному договору, который старатели сами разработали и которому сообщили высокую действенность¹⁴³.

Но в 1860-х гг. Гражданская война и необходимость ее как-то финансировать, а также потребности инвесторов в штатах Калифорния, Невада и Колорадо подвигли конгресс к соединению тысяч разрозненных законов в единое горное законодательство. Центральную роль в дебатах сыграло стремление инвесторов получить внятные правила землеотвода. Современник тех событий отмечает, что из-за отсутствия стандартной системы титулов собственности «капиталисты не желали вкладывать деньги в проходку и обустройство шахтных стволов и в монтаж оборудования, чтобы найти жилу, которая по [старательскому] горному праву может бесконечно подразделяться по содержанию металла»¹⁴⁴. Федеральное правительство всерьез приступило к поиску методов регулирования горного дела на федеральных землях¹⁴⁵. Согласно Лэси, конгрессменов из западных штатов больше всего заботил вопрос о «надежности прав собственности и возможности приобретать минеральные месторождения по разумной цене:

Конгресс впервые объявил национальные месторождения полезных ископаемых открытыми для разработки гражданами США в 1866 г. — через 18 лет после того, как сотни тысяч старателей приступили к поискам золота на федеральных землях в Калифорнии. Закон 1866 г. явным образом устанавливал, что все работы по поиску и добыче минеральных ресурсов должны осуществляться в соответствии с теми «местными правилами и обычаями горных округов», которые не противоречили законам Соединенных Штатов¹⁴⁷. Задачей закона было не «разрушить права, созданные внезаконным образом», а укрепить их с помощью «здоровых принципов и положений... которые, не противореча действующим горным законам, сообщат им единообразие и приведут в соответствие с единым законодательством»¹⁴⁸. Другим существенным аспектом этого первого варианта федерального горного законодательства было то, что «основу закона составили заимствования из регламентов горных округов Горная долина (штат Калифорния)... и Золотая гора (штат Невада)»¹⁴⁹. Принимая этот закон, конгресс даже считал необходимым одобрить гениальную способность американцев вырабатывать внезаконные установления:

Сушественно важно, чтобы этот замечательный свод законов, созданный людьми для упорядочения своих повседневных отношений и представляющий собой высочайшее свидетельство об исключительном даре американского народа закладывать основы власти и порядка, был сохранен и усилен. Идея народного суверенитета выражена здесь с величайшей ясностью и просто обязывает нас не разрушить, а, напротив, усилить ее и утвердить бесспорным авторитетом государственной власти¹⁵⁰.

Таким образом закон, принятый в 1866 г., не только признал действительность общественных договоров, возникших за пределами легального права, но также дополнил их принципами и правами, вытекающими из преимущественного права собственности на занятый и обустроенный участок земли. Закон также предоставил возможность получить права собственности на землю, размежеванную или нет, любому частному лицу или ассоциации, которые вложили не менее 1000 дол. в ее обработку и обустройство. Это было явным признанием того, что закон должен поощрять и защищать деятельность, повышающую ценность земли.

10 мая 1872 г. конгресс принял общий свод горного законодательства, образовавший фундамент действующего и по сей день горного права США. Этот закон сохранил два самых важных принципа закона 1866 г.: признание юридической действительности самодеятельных старательских регламентов и право любого, способствовавшего обустройству месторождения, на приобретение у правительства прав собственности на него по разумной цене¹⁵¹. В течение 20 лет все внезаконно созданные права собственности получили санкцию государственного закона и были легализованы. Даже Верховный суд, который своей враждебностью к внезаконным правам спровоцировал реакцию в поддержку скваттеров, подтвердил действительность федерального горного законодательства от 1866 и 1872 гг. в решении по делу «Джен-нисон против Кирка». Согласно решению суда, два эти закона «дали законный статус правам собственности, приобретенным в соответствии с местными обычаями, законами и решениями судов... [и] признали обязанность правительства уважать права частной собственности, возникшие с его молчаливого согласия и одобрения. Они не устанавливают никакой новой правовой системы, но всего лишь

санкционируют, упорядочивают и признают законной уже существующую и использовавшуюся людьми систему правовых отношений»¹⁵². В 1880-х гг. внелегальные законы и обычаи горных округов были полностью включены в единую и последовательную систему легальных прав собственности .

К концу XIX в. американские политики и судьи проделали большую работу по кодификации прав собственности, и путь им в этом деле прокладывали скваттеры. То же самое верно и в отношении поселений: когда в 1862 г. конгресс принял знаменитый Закон о гомстедах, обещавший бесплатно 160 акров земли каждому поселенцу, желающему в течение пяти лет жить на ней и обрабатывать ее, он только санкционировал положение, уже реализованное самими поселенцами¹⁵⁴. Несмотря на все легенды, окутывающие Закон о гомстедах, большинство поселенцев устроилось на земле еще до его принятия конгрессом. «Между 1862 и 1890 гг. население Соединенных Штатов выросло на 32 млн человек, но лишь около 2 млн из них осели на 372 649 фермах, созданных в силу положений Закона о гомстедах»¹⁵⁵. К тому времени, когда конгресс окончательно утвердил этот закон, у поселенцев уже были в наличии альтернативные законные средства

получить права собственности на участки государственной земли¹⁵⁶. В историческом плане Закон о гомстедах знаменует собой окончание долгой, изнурительной и непримиримой вражды между элитарным законодательством и новым порядком вещей, созданным напором массовой иммиграции и грандиозного поселенческого движения, поставивших вопрос о создании открытой и устойчивой социально-политической системы. Включив в себя многие из внелегальных установлений поселенцев, государственный закон легитимировал самого себя, став законом для большинства населения Соединенных Штатов, а не только для незначительной верхушки этого населения.

Уроки американского опыта для стран третьего мира и бывшего соцлагеря

Американский опыт чрезвычайно важен для пытающихся перейти к капитализму стран третьего мира и бывшего соцлагеря. В превращении Соединенных Штатов в самую мощную и самую обильную капиталами рыночную экономику мира центральную роль сыграло признание законности внелегальных прав собственности, их интеграция в общенациональную систему частной собственности. Как подчеркивает Гордон Вуд, в тот период «в обществе и в культуре происходило нечто чрезвычайно важное, высвобождающее стремления и энергию рядовых американцев так, как никогда прежде»¹⁵⁷.

Это «чрезвычайно важное» нечто представляло собой революционное изменение в области легализации прав собственности. Американцы, не всегда охотно или целенаправленно, постепенно легитимировали созданные беднейшими своими согражданами внелегальные нормы и отношения собственности и включили их в национальный свод законов о собственности. В начале XIX в. информация о собственности и соответствующих законах была разрозненной и бессвязной. На каждой ферме, в каждом горнодобывающем предприятии или в городском поселении информация о собственности фиксировалась в регистрационных журналах (прообраз современных бухгалтерских Главных книг), хранилась в составе личных документов, в окружных архивах или в памяти собственников, их соседей и близких. Так же как сегодня в развивающихся и бывших социалистических странах, большая часть этой информации имела только местное значение и только там и могла быть получена. Хотя весьма вероятно, что американские официальные лица и не стремились к этому результату, но, разрабатывая такие федеральные правовые нормы, как закон о преимущественном праве на покупку и горные законы, они создали механизм интеграции всей разрозненной и отрывочной информации в рамках новой общенациональной системы частной собственности.

Решение этой задачи не было ни легким, ни быстрым делом, да и без насилия не обошлось. Но американский опыт чрезвычайно схож с тем, что происходит сегодня в странах третьего мира и в бывших социалистических странах: действующий закон не поспевает за размахом и мощью народной инициативы, и правительство утратило контроль над ситуацией. В результате народы, живущие за кругом западной цивилизации, оказались сегодня в мире парадоксов, довольно похожем на тот, что описан историком Дж. Эдвардом Уайтом: «Когда старатель покидал свою лачугу и приступал к работе, он использовал новейшую по тем временам промышленную технологию. Когда фермер выбирался из своей крытой дерном землянки, он, как правило, использовал самую современную сельскохозяйственную технику» . Люди третьего мира также живут и работают в развалах и бараках, начиненных телевизионной техникой и электронными калькуляторами. Они также организуют клубы претендентов на собственность. И правительства этих стран также начали предоставлять им преимущественные права на собственность.

Но они до сих пор не располагают эффективно работающей системой прав собственности, которая бы дала им возможность использовать свои активы для создания капитала. Благодаря законам о преимущественном праве на приобретение собственности, о праве на землю и т.п., американцы выстроили совершенно новую концепцию собственности, «акцентирующую ее динамические аспекты и связь с экономическим ростом» и заместившую прежнюю концепцию, «которая подчеркивала статичный характер собственности и ее способность защищать от чрезмерно быстрых изменений»¹⁵⁹. Американская собственность перестали быть средством сохранения прежнего экономического порядка и стала мощным инструментом создания нового. Результатом было расширение рынков и появление капитала, необходимого для ускорения экономического роста. В этом и состояло «чрезвычайно важное» изменение, которое до сих пор движет экономическим ростом Соединенных Штатов.

В итоге уроки полной легализации частной собственности в США заключаются не в технических деталях, а в направленности изменений политических и правовых установок. Принимая законы, дающие полноценное место в жизни внелегальным группам населения, американские политики выразили революционную идею, что правовые институты имеют будущее и право на выживание, только если они отвечают общественным нуждам¹⁶⁰. Американская правовая система черпает свою энергию в опыте рядовых американцев и созданных ими внелегальных установлениях при одновременном отказе от тех догм английского обычного права, которые никак не соответствовали проблемам, актуальным для Соединенных Штатов. В ходе длительного и напряженного процесса интеграции внелегальных прав собственности американские законодатели и юристы создали новую систему собственности, гораздо более благоприятную для продуктивной и динамичной рыночной экономики. Этот революционный процесс был порожден нормативными требованиями рядовых граждан, отвечая на которые правительства создали систематизированную и эффективно работающую структуру частной собственности.

Отсюда вовсе не следует, что развивающиеся и бывшие социалистические страны должны рабски копировать опыт США. В нем было много отрицательных моментов, которых надо тщательно избегать. Но, как мы уже видели, в нем есть и много поучительного. Главный урок в том, что делать вид, будто внелегальных установлений не существует, или пытаться их запретить, не предлагая альтернативной стратегии интеграции их в рамки законного сектора хозяйства, — это бесплодная затея, особенно в странах третьего мира, где, как мы показали в главе 2, внелегальный сектор дает хлеб и приют подавляющему большинству населения и где в объектах недвижимости омертвлен капитал стоимостью в триллионы долларов.

Пытаясь осуществить революцию в сфере собственности, страны третьего мира и бывшего соцлагеря неизбежно будут исходить из собственных проблем, препятствий и перспектив. Нам приходится успевать за революционными изменениями в сфере коммуникаций, информационных технологий, приспосабливаться к быстрой урбанизации. Но базовая проблема повсюду одна и та же. Сегодня во многих развивающихся и бывших социалистических странах законы о собственности перестали отвечать потребностям и запросам большинства населения. Как может претендовать на легитимность правовая система, если за ее пределами остается 80% населения? Необходимо изменить эту постыдную ситуацию. Американский опыт показывает, что это триединая задача: необходимо выяснить, что собой представляют реальные отношения собственности, интегрировать их в рамках легального закона и выдвинуть политическую стратегию, способную обеспечить успешность реформ. В следующей главе мы рассмотрим, каким образом правительства могут решать эти задачи.

Глава 6

Загадка правового бессилия

Законы есть порождение не логики, но опыта. *Оливер Венделл Холмс, судья Верховного суда США*

Почти в каждой из развивающихся и бывших социалистических стран есть легальная система частной собственности на недвижимость. Проблема в том, что она недоступна для большинства граждан. Все они оказались снаружи стеклянного колпака Фер-нана Броделя, и эта прозрачная для глаза конструкция, возникшая в далеком историческом прошлом Запада, надежно защищает вход в капитализм, делая его достоянием меньшинства населения. Как мы видели в главе 2, у большинства остается единственный выход — найти убежище во внелегальном секторе, где всякий может жить и заниматься своим делом, но без малейших шансов когда-либо обратить свое имущество в капитал.

Прежде чем мы займемся методами устранения этого стеклянного колпака, важно уяснить, что мы в этом деле не первые. Как мы увидим в этой главе, правительства развивающихся стран на протяжении уже 180 лет пытаются сделать свои системы собственности доступными для бедняков.

Почему они потерпели неудачу? Причина в том, что они действовали под влиянием пяти фундаментальных заблуждений:

- 1) во внелегальном или теневом секторе хозяйства ищут прибежища, для того чтобы не платить налоги;
- 2) собственность на объекты недвижимости внелегальна, потому что не были надлежащим образом проведены землемерные работы, планировка и регистрация;
- 3) достаточно добиться того, чтобы собственностью владели по закону, а о расходах на законопослушание правительство может не заботиться;
- 4) существующие внелегальные установления или «общественные договоры», направляющие жизнь внелегалов, можно игнорировать;
- 5) добиться изменения столь фундаментальных характеристик общества, как нормы и обычаи, регулирующие как легальную, так и внелегальную собственность, можно и при невысоком уровне политического руководства.

Объяснять масштаб теневой экономики, в которой кормятся 50—80% населения, желанием избежать уплаты налогов — это по меньшей мере заблуждение. Большинство людей уходит во вне-легальный сектор не потому, что он дает укрытие от налогов, а потому что действующие законы государства, сколь бы изящны ни были их формулировки, не отвечают потребностям и стремлениям людей. В Перу, где моя

группа разработала программу легализации мелких внезаконных предпринимателей, примерно 276 тыс. человек *добровольно* зарегистрировали свой бизнес в новых, организованных нами регистрационных бюро, безо всяких перспектив на сокращение налогов. В теневом периоде развития они вообще не платили никаких налогов. Четыре года спустя сумма налоговых сборов с прежде внезаконных предприятий составила 1,2 млрд дол.

Мы достигли успеха благодаря тому, что изменили законы о предприятии и о собственности таким образом, чтобы они отвечали потребностям предпринимателей, привыкших к нормам и правилам внезаконного бизнеса. Кроме того, мы радикально снизили расходы на бюрократическую волокиту, сопровождающую регистрацию новых предприятий. Из этого вовсе не следует, что людям безразлична величина налогов. Но внезаконные производители и продавцы, привыкшие к минимальной прибыльности, хорошо умеют считать. От нас потребовалось совсем немного — дать гарантии, что суммарные издержки на легальное ведение бизнеса окажутся меньшими, чем на теневой оборот, облегчить процедуры легализации, как следует поработать над объяснением преимуществ нашей программы и затем радоваться тому, как сотни тысяч внезаконных с чувством облегчения покидают теневой сектор.

Вопреки общему убеждению, жизнь теневиков никак не назовешь свободной от расходов. Налогом для внезаконного бизнеса является отсутствие хороших законов о собственности и необходимость скрывать свою деятельность от властей. Не имея возможности инкорпорироваться, то есть обрести права и обязанности юридического лица, внезаконные предприниматели не способны привлечь инвесторов, продавая тем долю в собственности и в прибыли (акции); им не дают законный кредит под низкий процент, потому что у них нет даже обычного юридического адреса. Они не могут для сокращения рисков стать обществом с ограниченной ответственностью или застраховать свои операции. Им доступна «страховка» только в виде хорошего отношения соседей и местных хулиганов или бандитов. Более того, поскольку внезаконные предприниматели живут в постоянном страхе, что их накроют и придется дополнительно платить коррумпированным чиновникам, они вынуждены дробить производство, размещать его в разных местах, а это блокирует рост производительности труда и делает недоступной экономию на масштабах производства. В Перу 15% валового дохода от производства товаров в теневом секторе хозяйства уходит на разнообразные взятки чиновникам — это и «бесплатные образцы» продукции, и «подарки нашему другу», и конверты с деньгами. Живя в постоянном страхе перед правоохранительными органами, теневики не имеют возможности открыто рекламировать свой бизнес для привлечения новых клиентов или для снижения издержек по оптовым поставкам.

Исследования, проведенные нами в других странах, подтвердили, что возможность избежать расходов и помех, создаваемых внезаконным статусом, вполне компенсирует необходимость уплаты налогов. Все равно, работаете вы под сенью законов или в их тени — налоги неизбежны. Тень выгодна, только когда относительные затраты на легальность оказываются слишком высоки.

Другое важное заблуждение заключается в том, что законная регистрация недвижимости невозможна, пока с использованием новейшей техники не проведены работы по размежеванию, измерению и регистрации. В лучшем случае это верно лишь отчасти. Европейцы и американцы умудрялись регистрировать всю свою недвижимость еще многие десятилетия назад, когда не было ни компьютеров, ни геодезических информационных систем. Как говорилось в предыдущей главе, в Соединенных Штатах землемерные работы на многие-многие годы отставали от процесса закрепления прав собственности. В японском земельном архиве я с удивлением обнаружил, что после Второй мировой войны для регистрации земельной собственности использовали карты, доставшиеся от эпохи Эдо*, составленные за три или четыре столетия до изобретения аэро съемки и точного установления координат с помощью спутников.

Это вовсе не призыв отказаться от использования новейших достижений. Я только хочу подчеркнуть тот факт, что вряд ли за пределами западного мира главными причинами недостаточной капитализации, незаконного использования земли и внезаконного жилищного строительства является дефицит современных информационных и картографических технологий.

Стеклянный колпак Броделя сделан не из налогов, не из карт или компьютеров, но только из законов. Большинству граждан развивающихся и бывших социалистических стран использовать недвижимость для создания капитала мешает неадекватная правовая и административная система. Под стеклянным колпаком расположились привилегированные группы общества, заимствующие законы на Западе. За пределами колпака, где живет и работает большинство населения, использование и защита частной собственности обеспечивается всевозможными внезаконными установлениями, представляющими собой местные варианты

* Период 1603—1867 г., когда в Эдо (нынешний Токио) размещалась резиденция военно-феодалов правителей Японии (сегунов), свергнутой революцией 1867 г.

общественного договора, источником которого является коллективное представление о том, как можно стать владельцем недвижимости и какими должны быть отношения между собственниками. Для создания общенационального согласия по вопросу о законных и эффективных формах организации собственности нужно понимание социальных и психологических процессов — верований, стремлений, намерений, обычаев и правил, подпирющих местные варианты общественного договора. Затем уже нужно с помощью профессиональных юристов составить на их основе единый, имеющий законную силу общенациональный

общественный договор по вопросу о собственности. Именно этого результата сравнительно недавно достигли страны Запада.

Здесь главное понять, что собственность — это не некий объект, который можно сфотографировать или нанести на карту. Собственность не является первичным свойством *активов*. Она представляет собой юридическое выражение экономически значимого согласия *относительно* активов. Закон — это инструмент определения и реализации капитала. На Западе закон в меньшей степени поглощен отражением физических свойств зданий или земельных участков. Его главная задача — обеспечить действенность процессов или правил, позволяющих обществу извлекать из этих активов потенциально содержащуюся в них дополнительную ценность. Собственность — это не активы сами по себе, а согласие между людьми по поводу того, как следует этими активами владеть, как их использовать и как обмениваться. Сегодня задача большинства незападных стран заключается не в том, чтобы нанести на одну карту все имеющиеся здания и земельные участки (это, скорее всего, уже сделано), а в том, чтобы соединить в единое целое имеющие законную силу правовые конвенции, используемые под стеклянным колпаком, с внезаконными установлениями, имеющими хождение за его пределами.

Никакой размах землемерных и картографических работ не поможет достичь этого. Никакая компьютерная сеть не придаст активам форму, позволяющую выйти на общенациональный рынок и превратиться в капитал. Как мы видели в главе 3, сами по себе активы не оказывают влияния на социальное поведение: они не создают стимулов, не делают людей ответственными и не в силах обеспечить соблюдение договоров. От природы активы не обладают способностью делиться на части или входить в новые комбинации, словом, принимать любую форму, требуемую рыночными операциями. Все эти качества сообщают активам современные законы о собственности. Именно закон позволяет выделить и зафиксировать экономический потенциал материальных активов и реализовать его, связать активы между собой и запустить движение инвестиционных и финансовых потоков. А сама возможность создавать на основе активов капитал дает отражение ценности активов в документах, удостоверяющих право собственности.

Более 60 лет назад К. Рейнольд Нойес, видный историк права, писал:

Сегодня в экономической игре роль фишек исполняют не столько материальные блага и действительные услуги, о которых, по большей части, только и толкуют учебники экономики, сколько являющиеся их дополнением и своего рода надстройкой правовые отношения, называемые собственностью... Изучение общественного развития приводит к пониманию социальной действительности как сети нематериальных связей — сплетения невидимых нитей, окружающих и связывающих между собой всех и каждого, а значит, *организующих общество*. Постигание действительного мира, в котором мы все живем, заключается в объективизации этих отношений¹.

Поднять уродующий общественную жизнь стеклянный колпак можно только средствами права. Легальный правовой порядок должен вступить во взаимодействие с внезаконным, чтобы достичь их интеграции, породить общественный договор в отношении собственности и капитала. Естественно, что для такой интеграции необходимы не только юристы: нужны экономисты, чтобы вести верные расчеты; нужны специалисты по планированию городов и агрономы, чтобы определять приоритетные задачи; нужны топографы, картографы и компьютерщики, чтобы наладить работу информационных систем. Но успех зависит в первую очередь от правильности законов. Все остальное имеет подчиненный и вспомогательный характер.

Означает ли это, что именно юристы должны возглавить процесс интеграции? Нет. Обеспечить серьезные изменения в области права могут только политики. Для этого есть много причин. Прежде всего, именно закон защищает права собственности. Но в развивающихся и бывших социалистических странах реальная задача состоит не столько в улучшении системы защиты уже существующих прав собственности, сколько в том, чтобы дать каждому доступ к праву собственности, то есть создать своего рода «метаравно». Дарование людям такого «метаравно», освобождение их от плохого закона — это дело политиков. Во-вторых, узаконенные интересы очень узкой, но могущественной группы населения, защищаемые лучшими юристами страны, как правило, противостоят любым изменениям, и такое положение вещей крайне трудно изменить. Чтобы привлечь к делу реформ людей, имеющих богатые связи и много денег, нужны усилия не консультантов, а талантливых политиков, преданных интересам своих избирателей. В-третьих, создание интегрированной системы частной собственности требует не столько принятия хорошо выглядящих на бумаге законов и указов, сколько разработки органичных убеждений и культуре людей норм, которым бы они охотно следовали. Поддерживать связи с реальной жизнью и с интересами людей — это одна из задач политиков. В-четвертых, создание условий для легализации теневой экономики — это главная задача политиков. Правительства должны убедить беднейшие слои своего населения, которые не склонны доверять властям и выживают за счет поддержания традиционного образа жизни, а также покровительствующие им мафиозные круги, что хорошо и выгодно стать участниками гораздо более свободной и масштабной игры. Кроме того, правительства должны убедить влиятельные левые силы, которые во многих странах значительны, что лучший способ помочь своим сторонникам — это разрешить им участие в процессе создания капитала. Правительство должно убедить своих граждан — как имеющих всю полноту прав, так и отчасти лишенных их — в том, что перестроенная, интегрированная система прав собственности будет дешевле, эффективнее и благоприятнее для будущего страны, чем существующие раздробленные, имеющие анархический характер установления. Не достигнув успеха на этих политическом

и юридическом фронтах, ни одна страна не сможет преодолеть систему апартеида, отделяющего тех, кто может создавать капитал, от основной массы населения. Сколько бы люди ни скопили или как бы усердно они ни работали, без законно оформленной собственности большинству населения в капиталистическом обществе не достичь процветания. Они так навсегда и останутся вне поля зрения политиков, вне законной системы регистрации, а это значит, что они обречены оставаться невидимками для хозяйственного процесса.

Западные правительства преуспели в решении этой задачи — в устранении стеклянного колпака, но это был процесс бессознательного поиска методом проб и ошибок, занявший несколько столетий. Я и мои коллеги обобщили те элементы конструкции, которые мы считаем верными и необходимыми, и создали формулу «процесса капитализации» — ее мы используем при консультировании правительств различных стран (см. рис. 6.1). Детальное объяснение этой формулы не входит в задачи данной книги, но заинтересованные читатели могут обратиться за подробностями и комментариями в архив Института свободы и демократии. Остальная часть настоящей главы посвящена двум важнейшим компонентам формулы: правовым и политическим задачам.

Часть I: правовые задачи

Если все пойдет, как сейчас, создание интегрированной системы собственности в незападных странах окажется невозможным. Существуют десятки, иногда даже сотни сообществ со своими установлениями в сфере частной собственности; сведения о правах и другая информация известны только своим и соседям. В странах третьего мира и бывшего соцлагеря все разрозненные характеристики установлений, регулирующих владение недвижимостью, следует свести в единую систему, из которой можно выделить общие принципы права. Короче говоря, множество разнообразных общественных договоров следует свести в один, всеохватывающий.

Как это осуществить? Каким образом правительство может познакомиться с установлениями, регулирующими внезаконную собственность? Именно этот вопрос задали мне пять членов кабинета министров Индонезии. В Индонезию я приехал, чтобы организовать перевод и издание моей предыдущей книги, и они

A. СТРАТЕГИЯ ОТКРЫТИЯ

A.1 . Осуществите идентификацию , локализацию и классификацию внезаконных активов (омертвленного капитала):

A.1.1 . Привлеките людей , которые обеспечили бы проникновение во внезаконный сектор ;

A.1.2. Определите причины накопления внезаконных активов , так чтобы стало возможным создать работоспособную типологию ;

A.1.3. Установите экономические сектора и географические районы , отличающиеся наибольшей внезаконной активностью .

A.2. Дайте количественную оценку нынешней и потенциальной стоимости внезаконных активов (омертвленного капитала):

A.2.1. Разработайте методику оценки величины внезаконных активов на основе существующей информации и данных полевых изысканий ;

A.2.2. Разработайте критерии оценки достоверности процедур сбора и обработки информации ;

A.2.3. Оцените значимость полученных величин внезаконных активов .

A.3 . Проанализируйте взаимосвязь внезаконного сектора хозяйства с обществом в целом :

A.3.1. Исследуйте существенные связи между правительством и внезаконными активами ;

A.3.2. Исследуйте существенные связи между законным бизнесом и внезаконными активами ;

A.3.3. Выявите процессы , в которых правительство уже успешно взаимодействует с внезаконными активами .

A.4. Выявите внезаконные нормы , управляющие внезаконной собственностью :

A.4.1. Установите и расшифруйте внезаконные нормы , определяющие то , как владеют собственностью и используют ее различные внезаконные группы и сообщества страны .

A.5. Определите издержки страны на внезаконность :

A.5.1. Издержки для внезаконного сектора;

A.5.2. Издержки для законного бизнеса;

A.5.3. Издержки для правительства.

B. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ СТРАТЕГИЯ

B.1. Заручитесь гарантиями, что высшее политическое руководство страны принимает на себя ответственность за капитализацию имущества бедных групп населения .

B.2. Задействуйте агентства , необходимые для обеспечения быстрых изменений :

B.2.1. Выявите и свяжите с процессом капитализации различные учреждения , которые в настоящее время управляют правами собственности или оказывают влияние на их способность порождать дополнительные ценности ;

В.2.2. Разработайте , согласуйте и введите в действие агентства , которые обеспечат быстрые изменения различных процессов , обеспечивающих капитализацию ; если возможно , создайте единую организацию , отвечающую за капитализацию активов , и разверните ее отделения по всей стране ;

В.2.3. Позаботьтесь о том , чтобы процесс капитализации отвечал политическим приоритетам правительства и соответствовал укорененным в культуре нормам и ценностям , поскольку только это обеспечивает реализуемость всего проекта .

В.3. Устраните «узкие места» в административной и правовой системе:

В.3.1. Подсчитайте расходы на капитализацию, включая:

В.3.1.1. Необходимость получить разрешения во всех административных органах ;

В.3.1.2. Общую сумму платежей за получение этих разрешений;

В.3.1.3. Общее число документов, требуемых разрешающими инстанциями;

В.3.1.4. Требования, которые практически не могут быть удовлетворены;

В.3.1.5. Все прочие транзакционные издержки, включая задержки во времени;

В.3.2. Устраните «узкие места» в административной и правовой системе , для чего следует выявить и реформировать учреждения, используемые ими правила и процедуры.

В.4. Обеспечьте согласие между легальным и нелегальным секторами:

В.4.1. Определите точки, в которых нелегальные нормы совпадают с требованиями закона , чтобы узаконить процедуры легализации нелегальной собственности при поддержке нелегального сообщества ;

В.4.2. Важно добиться, чтобы процедуры легализации нелегальной собственности обеспечивали последней такой же уровень правовой стабильности, как и для изначально законной собственности , чтобы не пошатнуть доверие легального сектора к процессу реформ .

В.5. Разработайте правила и процедуры, которые делали бы расходы на владение легальными активами меньшими , чем на владение нелегальными активами :

В.5.1. Введите в действие законы, нужные для управления собственностью в стране по единым сводам законов и процедур ;

В.5.2. Расширьте определение титулов собственности так, чтобы они соответствовали новой правовой ситуации , и консолидируйте свод законов и процедур, управляющих процессом капитализации ;

В.5.3. Соедините раздробленные куски законодательства в единый блок законов;

В.5.4. Создайте учреждения и процедуры, которые обеспечили бы экономичность процесса капитализации ;

В.5.5. Разработайте удобные и недорогие альтернативы незаконному занятию земель и другим формам нелегального присвоения собственности; чтобы обеспечить уважение к закону, разработайте систему положительных и отрицательных стимулов, поощряющих легальные и отвращающих от нелегальных операций с недвижимостью;

В.5.6. Разработайте и внедрите административные или частные процедуры, заменяющие судебные разбирательства , которые стимулировали бы разрешение конфликтов в рамках закона .

В.6. Разработайте механизмы , уменьшающие риск , сопутствующий частным инвестициям (они должны обеспечивать достоверность титулов собственности и исключить неоплату коммунальных услуг) .

воспользовались этой возможностью, чтобы поговорить о 90% своего населения, укрывшегося во нелегальном секторе, — как же им выяснить, кто чем владеет в этом секторе? Я опасался, что, если пушусь в изложение технических деталей процесса наведения мостов между нелегальным и легальным секторами, они быстро потеряют интерес к разговору, а потому выбрал другой путь для ответа на этот вопрос. Будучи в Индонезии, я несколько дней провел на острове Бали, в одном из самых красивых мест нашей планеты. Там, когда бродишь по рисовым полям, невозможно понять, где кончается одно поле и начинается другое. Но собакам известны границы хозяйских владений. Каждый раз, когда я пересекал невидимый рубеж, один пес умолкал, а другой подавал голос. Эти индонезийские собаки не сведущи в принципах права, но отлично знают границы владений, которые нужно охранять.

Я и сказал министрам, что всей базовой информацией, нужной им для создания законной системы собственности, располагают индонезийские собаки. Достаточно пройтись по улицам сел и городов, прислушиваясь к лаю собак, и вы постепенно начнете подниматься вверх по хитросплетениям нелегальных отношений собственности и так доберетесь до господствующего общественного договора. «А, вы об этом, — откликнулся один из министров, — вы о Джукум адат (народном праве)!»*

Именно благодаря постепенному открытию «народного права» западные страны сумели выстроить легальные системы прав собственности. Любое правительство, всерьез намеревающееся

* В мусульманстве различают шариат — нормы права, разработанные на основе Корана и носящие официальный характер, и адаты — правовые нормы, основанные на обычаях тех или иных народов, образующие так называемое обычное право.

преобразовать господствующие нелегальные установления в общенародный общественный договор относительно легальных прав собственности, должно научиться прислушиваться к лаю дворовых псов. Чтобы интегрировать все формы собственности в единую систему, правительства должны выяснить, как и почему местные установления работают и насколько они сильны в действительности.

Неспособность сделать это объясняет, почему провалились все прежние попытки реформирования права в развивающихся и бывших социалистических странах. Люди склонны считать общественный договор чем-то предельно нематериальным, некоей ученой абстракцией, существующей только в сознании мечтателей типа Локка, Юма и Руссо*. Но я и мои коллеги обнаружили, что во внезаконном секторе общественные договоры — это не просто набор предполагаемых социальных обязательств, смысл которых можно вывести из наблюдений за социальным поведением; это также установления, а их действенность обеспечивается реальными людьми. Поэтому-то ко внезаконным общественным договорам можно прикоснуться в самом прямом смысле слова; в силу этого их можно собрать, чтобы выстроить систему прав собственности и образования капитала, и ее законность и действенность будет обеспечиваться обществом в целом.

Движение от докапиталистической системы собственности к капиталистической

Современная рыночная экономика невообразима без единой законной системы прав собственности. Если бы развитые страны Запада не сумели интегрировать все титулы собственности в рамках общей для всех системы прав собственности так, чтобы они стали доступными для каждого, они не смогли бы воспользоваться преимуществами специализации и разделения труда для создания сети рынков и капитала, которые и стали источником богат-

* Концепция происхождения государственной власти и права в результате общественного договора свободных людей активно разрабатывалась, в частности, английским философом и политическим деятелем Д. Локком (XVII в.) и французским писателем-просветителем Ж.-Ж. Руссо (XVIII в.). Английский философ Д. Юм (XVIII в.) выступал с критикой концепции общественного договора.

ства этих народов. Неэффективность незападных рынков во многом объясняется фрагментарностью и локальностью их установлений в сфере прав собственности. Недостаток единства ограничивает взаимодействие не только между легальным и внезаконным секторами, но даже и внутри последнего. Обмен между внезаконными сообществами существует, но идет он с великим трудом. Такие сообщества подобны кораблям, которые прокладывают свой курс, сообразуясь со взаимным расположением, вместо того чтобы пользоваться общим и объективным ориентиром, скажем, звездами или стрелкой компаса.

Для создания современной рыночной экономики необходимо единство правовых стандартов². В этой связи К. Рейнолд Нойес отмечает:

Человеческая природа нуждается в упорядоченности и определенности, а для этого нужно, чтобы исходные суждения были взаимно непротиворечивыми и, благодаря этому, обладали способностью кристаллизироваться в форму определенных правил — в «эту совокупность догм или систематизированных предсказаний, которую мы именуем правом». ...Удобства и выгоды публики... принуждают вновь и вновь предпринимать усилия по систематизации корпуса законов. Требования по кодификации отражают стремление людей высвободиться из-под груза мистики и неопределенности неписаного или даже прецедентного права³.

Переход от ситуации, когда люди целиком полагаются на разнообразие внезаконных решений, опирающихся на взаимное согласие сторон, к кодифицированной правовой системе — это пугающе трудная задача. Как мы уже видели, именно это пришлось проделать странам Запада, чтобы перейти от докапиталистических «исходных суждений» к систематизированному своду законов. Это позволило им избавиться от своего стеклянного колпака. Но несмотря на все достигнутые успехи, эти страны далеко не всегда сознавали, что именно они делают, и не оставили нам чертежей. Даже в Британии, деятельно осваивавшей потенциальные возможности промышленной революции, реформы растянулись почти на столетие (с 1829 по 1925 г.), и только к концу первой трети XX в. правительство уверилось, что способно централизовать информацию о недвижимости и сделать ее общедоступной. Джон С. Пейн помогает составить представление о том, насколько трудно и неуверенно шла реформа прав собственности в Англии:

Было принято огромное число законов, и английское право собственности оказалось перестроенным сверху донизу. Значительная часть реформистских усилий осуществлялась по случаю, в порядке импровизации, и легко возникает впечатление, что лидеры движения не всегда отдавали себе отчет, что или зачем они делают. С ходом столетий английское земельное право стало настолько технически сложным и запутанным, что на первых порах задача [его упорядочения] должна была казаться практически неразрешимой. Чтобы добраться до сути дела, нужно было учесть огромное количество деталей. Так что английские реформаторы принялись за дело во всеоружии благих помыслов, обладая скорее энергией, чем ясностью понимания. В итоге им удалось вполне успешно справиться со своими задачами, но на это ушло целое столетие, и за это время нередко их начинания заканчивались неудачей, так что реформа во многих отношениях оказалась половинчатой и компромиссной⁴.

Провалы принудительно навязываемого права

Кому-то может показаться, что сегодня развивающимся и бывшим социалистическим странам будет несложно избавиться от своего стеклянного колпака. В конце концов, конституция почти каждой страны и многие международные соглашения признают необходимость всеобщего доступа к правам собственности. Программы наделения бедных собственностью существуют почти во всех развивающихся и бывших социалистических странах. Если на Западе в XVIII и XIX вв. движение реформ, направленных на расширение доступа к правам собственности, встретило ожесточенное интеллектуальное и моральное сопротивление, то сегодня право на собственность считается неотъемлемым и неперенным элементом прав человека. Фундаментальное значение права собственности подчеркивает целый ряд современных международных соглашений — от принятой в 1948 г. Всеобщей декларации прав человека* и обновленной доктрины католической церкви** до 169-го соглашения Международной организации труда по правам туземного населения независимых стран 1989 г.

* Всеобщая декларация прав человека принята Генеральной Ассамблеей ООН.

** Так называемую обновленную доктрину связывают с энцикликами римских пап Льва XIII, Иоанна XXIII и Иоанна Павла II, посвященными социальным вопросам.

Судебные и правовые системы почти всех стран мира в той или иной степени закрепляют положение, что право собственности является одним из основополагающих принципов права. Международной Гаагской конвенцией 1899 г. объявлено вне закона древнее право победившей армии на грабеж населения и взимание контрибуции. Таким образом, международное право рассматривает личное право собственности как более священное, чем суверенное право государств, то есть если даже государство теряет какую-либо территорию, прежние земельные собственники на ней не терпят никакого ущерба.

Соединенные Штаты, Канада, Япония и европейские страны — 25 наиболее развитых стран мира — достигли в хозяйственном развитии настолько большего, чем страны, не имевшие аналогичных систем общедоступных, интегрированных прав собственности на недвижимость, что сегодня практически невозможна экономическая программа, игнорирующая роль прав собственности. Вот почему большинство развивающихся и бывших социалистических стран подчеркивают приоритетную роль программ либерализации прав собственности, которые являются неперенным элементом их программ макроэкономических реформ и развития рынков.

В странах Латинской Америки стремление к легализации прав собственности бедняков уже почти два столетия является высшим политическим приоритетом. В первой конституции Перу, написанной в 1824 г., всего через два года после освобождения от испанского господства, четко прописано, что неимущие, а тогда это было почти исключительно туземное население страны, являются законными собственниками своих земель. Всякий раз, когда делалось скандально очевидным, что земельные владения перуанских индейцев расхищаются, правительство в подкрепление положений конституции Перу принимало очередной закон. Ни один из них не сработал. Индейцы получали законы, подтверждавшие, что их земля принадлежит им на законных основаниях. Но они так и не получили механизма, который позволил бы им закрепить свои права собственности на землю в таком виде, чтобы их можно было защищать средствами закона.

Теперь причина этого совершенно очевидна: в Перу (и во многих других странах за пределами Запада) большинство создающих законные права собственности правовых процедур не приспособлены к тому, чтобы работать с внезаконными свидетельствами, которые ничем не похожи на законные титулы собственности. (А какие другие свидетельства могут быть в распоряжении неимущих?) Существующий закон не в состоянии также фиксировать акты перехода внезаконных объектов недвижимости из рук в руки. Как мы видели в главе 2, сегодня при наилучших обстоятельствах — наличии новейших карт, компьютеров, деятельных организаций по защите прав человека — и при самых благородных намерениях правовые процедуры, обеспечивающие регистрацию титулов собственности и их изменений, требуют на свое завершение до 20 лет. Судя по тому, что мы уже знаем, в XIX в. индейцы Перу имели дело, скорее всего, с еще более медлительными правовыми процедурами. В такой ситуации единственным разумным решением было создание внезаконных правил и механизмов защиты своих прав собственности.

Когда стало ясно, что навязываемые государством законы не помогают индейскому населению Перу конкретизировать свои права на землю, экономическая элита страны начала действовать, прибегая ко все новым уловкам для обхода требований закона. В тех случаях, когда законных титулов собственности не существовало, влиятельные круги и их адвокаты начали создавать документальные свидетельства с помощью нотариусов и местных властей, получали новые титулы собственности в свою пользу (так называемые *titulos supletorios*). В результате туземцы Перу оказывались либо попросту обобранными, либо их принуждали продать землю по дешевке. Вместо того чтобы разобраться, почему у неимущих не получается повернуть закон в свою пользу, правительство сделало вывод, что проблема не в законе, а в природной ущербности индейцев. Поэтому закон совершенствовать не стали, а индейцев заключили в своего рода резервации. В 1924 г. в Перу был принят закон, нацеленный на защиту индейских земель от алчности и хитроумности богачей и их адвокатов: на этих землях для тысяч индейцев были созданы сельскохозяйственные поселения, причем их обитателей лишили права на продажу любых клочков этой территории. Так что, защитив тысячи индейцев от интриг и мошенничества, их лишили, хотя и ненамеренно, возможности использовать землю для создания капитала.

Но эти сельхозпоселения вместили только небольшую часть туземного населения. К концу 1960-х и началу 1970-х гг. большинство индейцев по-прежнему представляло собой уязвимую и неустроенную группу, а на фоне неожиданно возникшего сильного и хорошо организованного левого движения они оказались и потенциально опасными. Чтобы рассеять эту новую угрозу, правительство Перу, подобно руководству многих других стран третьего мира, обратилось к программе аграрных реформ, в ходе которых в крупных хозяйствах (*haciendas*) были конфискованы большие участки пахотных и пастбищных угодий для создания более 600 управляемых государством сельскохозяйственных кооперативов. И в этом случае цель была благородна: гарантировать туземцам доступ к земле. Но и эта программа кончилась неудачей, потому что многим индейцам не понравилось превращение их в сельскохозяйственных рабочих больших бюрократических предприятий. Они разбивали эти кооперативы на более мелкие частные хозяйства, вновь возвращаясь к понятным и гибким внезаконным методам защиты своих новых прав на землю. Правительство не учло того, что, когда люди обзаводятся собственностью, у них тут же возникают и свои идеи о том, как ее использовать и на что ее можно сменить. Если законы мешают делать то, что нужно и чего хочется, люди массами покидают систему.

История Перу содержит поучительные уроки для реформаторов всех мастей и направлений. За последние 150 лет провалились все правительственные программы наделения неимущих собственностью. Причем провалились как программы правого толка (обязательное наделение правами частной собственности), так и левые затеи (создание управляемых правительством коллективных хозяйств для защиты прав бедняков на землю). Уродливая политическая дилемма «левые или правые» по большей части не имеет никакого отношения к потребностям большинства населения развивающихся стран. Эти люди уходят за рамки законов не потому, что законы нацелены на частную собственность или на коллективизацию, а просто потому, что они не отвечают их желаниям. Желания эти переменчивы. Иногда им нужно соединить свое имущество, а иногда — разделить его.

Если закон не помогает им в этом, они в обход закона делают все по-своему. В развивающихся и бывших социалистических странах врагов собственности и формирования капитала характеризует не их левая или правая ориентация, а приверженность к *status quo*. Правительствам развивающихся стран пора освободиться от предрассудков, коренящихся в истории Запада, в жестокостях политики огораживания, которая много столетий назад сформировала структуру земельной собственности в Британии, или в кровавой экспроприации земель туземного населения Северной Америки. Эти моральные долги подлежат оплате на Западе, а другие страны здесь ни при чем. Правительствам развивающихся стран следует прислушиваться к лаю дворовых собак и пытаться понять, какой закон стоит за этим гавканьем. Только тогда люди вернутся под сень законов.

По мере того как люди продолжают создавать собственность за пределами законов, последние утрачивают свою легитимность. По нашим данным, за период 1960—1990-х гг. внезаконный сектор вырос как в Перу, так и в других развивающихся и бывших социалистических странах. Когда у меня возникла догадка, что ослабление позиций статутного права характерно не только для Перу, я в 1994 г. создал особую исследовательскую группу, чтобы выяснить, достигли ли международные финансовые организации в последние 30 лет каких-либо крупных успехов в реализации программ «легализации» прав собственности в третьем мире, то есть программ, результатом которых стало бы должное представление всех активов в рамках единой системы, способной порождать капитал. Группа много месяцев занималась просеиванием архивов Казначейства США и международных организаций, но не нашла ничего даже отдаленно похожего на успешные реляции.

Мы обнаружили совсем иное. В последние 40 лет подобные программы проводили многие правительства, швырнувшие миллиарды долларов на финансирование землемерных работ, картографирование и компьютеризацию земельных кадастров. У этих проектов были две общие черты: подавляющее большинство их были отброшены на полпути как неэффективные («До черта новых карт и компьютеров, а число законных собственников почти не выросло», — сказал по этому поводу один из руководителей правительственного проекта в Бразилии.); и, за исключением некоторых программ регистрации частной собственности в Таиланде, все они оказались не в состоянии продвинуть легализацию внезаконной собственности. Мы не нашли никаких признаков того, что недвижимость где-либо начала превращаться в капитал.

Может быть, дело в том, что правительства действовали недостаточно активно? Бесспорно, нет. В Перу, например, за последние 400 лет, со времен испанского завоевания, правительства не менее 22 раз предпринимали попытки ввести земельную собственность в рамки закона. Процент успеха — нуль. Мы связывались с управлениями земельной собственности в других странах и получили везде одинаковый ответ: большинство программ либо не имели никакого успеха, либо результаты были совершенно мизерными. Важно понять, что ни один из тех, с кем мы говорили в этих странах, не мог утверждать, что сколь-нибудь значительная часть выданных титулов собственности позволила активам стать частью единой сети капиталобразования.

Факт просто потрясающий! Неважно, насколько упорно стремились к своей цели развивающиеся и бывшие социалистические страны и насколько благородны были намерения их правительств. Пропасть между тем, чего требует закон, и тем, что нужно сделать, чтобы он стал действенным, осталась практически прежней. Самого по себе закона недостаточно. Анджей Рапашин-ский отметил:

Представление, согласно которому достаточно ввести соответствующий правовой режим, чтобы получить систему прав собственности, отвечающую потребностям современной экономики, совершенно нереалистично, потому что большая часть прав собственности только в малой степени может быть гарантирована правовыми методами. Сердцевину институтов собственности образуют никогда не подвергавшиеся анализу и преимущественно бессознательные формы социального и экономического поведения, не связанные со сферой правовых отношений. Это старая проблема философии Гоббса*: когда большинство людей послушны закону, правительство может эффективно и [сравнительно] дешево справляться с теми немногими, кто его нарушает. Но когда нарушения закона делаются массовыми,

* Гоббс Томас — английский философ XVII в.

любая власть оказывается бессильной. Когда сила закона постепенно теряет действенность, у каждого человека появляется стимул следовать исключительно собственным интересам, не обращая внимания ни на какие формальные ограничения⁵.

Развивающиеся и бывшие социалистические страны нельзя обвинить в недостатке политической воли, денег или законодательного обеспечения программ по наделению большинства своего населения правами собственности. Проблема в том, что когда правительства берутся за обеспечение прав собственности неимущих, они действуют так, будто оказались в правовом вакууме, как если бы они высадились на Луне. Все программы реформ исходят из того, что достаточно наполнить этот вакуум полезными законами. Но, как правило, никакого вакуума нет. Большинство людей обладают немалой собственностью в рамках действенных внезаконных установлений. И хотя имущество бедняков не находит отражения в законных системах регистрации собственности, их права на эти активы закреплены общественным договором, в составлении и поддержании которого они принимают живейшее участие. И когда статутное право противоречит этим внезаконным соглашениям, их участники с негодованием защищаются от попыток вторжения.

Сделать закон органической частью общественного договора

Внезаконные общественные договоры подпирают почти все системы собственности и являются необходимой частью жизни во всех странах, даже в современных Соединенных Штатах*¹. Как напомнил нам Ричард Познер, собственность — это часть социальных отношений[^], что означает: соответствующие установления работают с наибольшей эффективностью при наличии всеобщего согласия относительно прав собственности и правил, которым подчиняется использование и движение активов. За пределами Запада внезаконные общественные договоры господствуют по одной простой причине: они гораздо лучше, чем официальные законы, отражают общее для всех представление о том, как следует управлять имуществом. Любые попытки создать единую систему частной собственности, игнорируя подпирающие ее коллективные соглашения, с треском врежутся в самые основания прав собственности, вера в которые дает большинству людей уверенность в завтрашнем дне. Попытки реформировать права собственности оканчиваются провалом, потому что чиновники, занимающиеся разработкой и внедрением новых законных отношений в этой сфере, не отдают себе отчета в том, что большинство граждан подчиняются твердым правилам, гарантируемым внезаконным общественным договором.

Идея, что законы бывают действенными, только когда они опираются на общественный договор, восходит к Платону*, не представлявшему себе других источников легитимности. Даже Иммануил Кант** в своей критике Локка писал, что общественный договор должен предшествовать действительным правам собственности, которые всегда нуждаются в признании обществом легитимности соответствующих притязаний. Государственные же законы вовсе не обязательны для этого: если некая группа решительно поддерживает определенные правила и соглашения, этого достаточно, чтобы они являлись опорой права частной собственности и их защищали от притязаний статутных законов.

Вот почему законы и титулы частной собственности, налагаемые без учета существующего общественного договора, оказываются недееспособными: им недостает легитимности. Чтобы ее придать, нужно увязать законы с существующими общественными договорами, которые определяют реально действующие права собственности. Проблема, естественно, заключается в том, что соответствующие общественные договоры нужно собирать по крупицам в сотнях внезаконных юрисдикции, рассеянных по деревням и пригородным поселениям. Есть только один системный метод включения этих общественных договоров в законную систему прав собственности: нужно построить правовую и политическую структуру — мост, если угодно, — которая была бы настолько родственна внезаконным установлениям большинства населения, что люди с радостью двинулись бы через этот мост, чтобы присоединиться к новому, всеохватывающему и законному общественному договору. Но этот мост должен быть достаточ-

* Древнегреческий философ IV в. до н.э.

** Немецкий философ XVIII в.

но прочен, чтобы не рухнуть и не отбросить людей назад, в сферу внезаконного права, и он должен быть достаточно широк, чтобы никто с него не сваливался. Запад столетиями действовал именно так. Гаролд Берман напоминает нам:

Систематизация законов, действующих в различных поселениях... оказалась возможной только благодаря тому, что в этих поселениях уже наличествовала развитая неформальная структура правовых отношений... Западная правовая традиция возникла некогда из структуры социальных и хозяйственных взаимоотношений между группами и внутри групп, обосновавшихся на земле. Поведенческие закономерности этих взаимоотношений обрели нормативную силу: привычки обратились в обычай... а обычай — в закон⁸.

Создание правового и политического моста между локальными и разрозненными общественными договорами и общенациональным законом есть именно то, что Эйген Губер* сделал в Швейцарии в начале XX в. Губер привел римские по происхождению официальные законы Швейцарии в соответствие с обычаями, правилами и поведением, принятыми в сельских поселениях, в больших и малых городах страны. Он свел все разрозненные соглашения о собственности в единый свод кодифицированных законов, которые защищали права и обязательства людей в соответствии с привычными для них местными нормами. Губер любил цитировать старую германскую поговорку: «*Das Gesetz muss aus dem Gedanken des Volkes gesprochen sein*»**, — что можно перевести примерно следующим образом: «Закон должен исходить из уст народа». Как мы видели в главе 5, американская система права проявила такое же уважение к существующим общественным договорам. Источником ее силы были не последовательность правовой доктрины и не профессионализм разработчиков, а стремление власти сделать неразработанные активы производительными.

В развитых странах переход от внезаконных отношений к единообразной законной системе частной собственности произошел не на пустом месте. Систематизация законов, лежащих в

* Выдающийся швейцарский юрист, на которого была возложена разработка швейцарского гражданского законодательства, официально принятого в 1907 г.

** Буквально: «Закон должен быть высрошен у народного мнения».

основе современной системы прав собственности, оказалась возможной только потому, что власти пошли на то, чтобы издавна существовавшие между простыми людьми внезаконные отношения в некоторых случаях вытесняли статутные законы: «Закон одновременно возникал снизу, из структур и обычаев всего общества, — писал Берман, — и спускался сверху, как выражение политики и ценностей правителей общества. Закон помогал интеграции верхов и низов»⁹.

Добившись укоренения официального права собственности в общественных договорах, правительства стран Запада заслужили благожелательное отношение народа, что позволило преодолеть всякое сопротивление. Результатом стала единая легальная система прав собственности. Достигнув этого результата, правительства смогли приступить к интеграции разрозненных конвенций в общенациональный общественный договор. И если прежде только владелец дома и его соседи могли подтвердить, что дом принадлежит именно такому-то, то с приходом легальной системы частной собственности любой получил возможность удостовериться в том, кто чем владеет. Законные титулы частной собственности дали людям возможность предложить плоды своего труда вниманию общенационального рынка. Вот так западные страны создали неиссякающий источник энергии, обеспечивающий движение современных рынков и всей капиталистической системы.

Интеграция института собственности облегчила людям жизнь и бизнес. Исчезла необходимость участвовать в местном политиканстве, видя в нем основную защиту своих прав собственности. Легальность титулов собственности позволила людям освободиться от обременительных местных установлений, неизбежно возникающих в замкнутых обществах. Стало возможным эффективно контролировать свои активы. И даже более того — имея на руках надежное документальное подтверждение прав собственности, люди смогли сосредоточиться на экономическом потенциале своей недвижимости. А поскольку теперь любой участник рынка получил возможность удостовериться в правдивости их сведений о недвижимости и бизнесе, собственники утратили анонимность и обрели ответственность. Со временем эти механизмы легальных прав собственности создали условия для появления общенациональных рынков недвижимости и капитала, где многие смогли участвовать.

Прочность докапиталистических общественных договоров

Можно ли считать общественные договоры, превалирующие ныне в развивающихся странах, достаточно прочным фундаментом для создания официального права? Без сомнения. Существуют горы фактов, свидетельствующих, что когда государственным чиновникам приходится иметь дело с недокапитализированным сектором, они явным и неявным образом считаются с внезаконными общественными договорами. Отчеты международных благотворительных организаций постоянно ссылаются, хотя и косвенным образом, на внезаконные соглашения. Каким иным образом правительства могли бы реализовывать программы реконструкции беднейших городских и сельских районов своих стран, если бы они не умели договариваться с внезаконными организациями получателей помощи? Тот факт, что правительства и международные финансовые организации помогают поселениям скваттеров в нарушение права собственности подключаться к системам коммунального хозяйства (к дорогам, электричеству, водопроводу и школам), является открытым доказательством признания внезаконных систем

собственности. Как отметили Роберт Кутре и Томас Улен, «условия [прав собственности] зачастую бывают эффективнее, когда люди добровольно их принимают, чем когда их навязывает законодатель»¹⁰.

Внезаконные общественные договоры представляют собой комбинацию обычаев, импровизированных установлений и правил, выборочно заимствованных из официального права. Поскольку в большинстве развивающихся стран отсутствует защита со стороны государственного закона, собственностью подавляющей части их населения управляют незаконные законы. Для западного читателя, который привык к тому, что подчиняться приходится только одному закону, все это может прозвучать странно или даже бессмысленно. Но мне случилось бывать и работать в дюжине развивающихся стран, и я убедился, что там везде законные и незаконные законы сосуществуют бок о бок. Это превосходно выразила Маргарет Грутер:

Закон... это не просто набор устных, записанных или формализованных правил, которым люди слепо подчиняются. Закон, скорее, представляет собой формализацию правил поведения, которые одобряются значительной частью населения, отражают распространенные поведенческие стереотипы и потенциально выгодны тем, кто их соблюдает. (Когда люди не признают эти потенциальные выгоды или не верят в них, законы часто игнорируются или нарушаются.)¹¹

Другой правовед заметил, что ставшую привычной для Запада практику, в соответствии с которой именно «правительство принимает законы и устанавливает порядок, в исторической перспективе нельзя считать нормой»¹². Нет ничего нового в ситуации, когда в одной стране существуют разные законы. Континентальная Европа жила в условиях правового плюрализма ровно до тех пор, пока в XIII и XIV вв. не было заново открыто римское право, после чего все тогдашние законы были постепенно систематизированы.

Не следует чрезмерно изумляться тому, что незаконная деятельность в развивающихся и бывших социалистических странах ничем не напоминает хаос. В Перу в ходе наделения законными титулами собственности сотен тысяч бизнесменов и домовладельцев моя организация ни разу не столкнулась с незаконной группой, которая не соотносилась бы в своей деятельности с хорошо определенными общими правилами. При посещении недокапитализированных областей Азии, Латинской Америки или Среднего Востока мы ни разу не сталкивались с хаосом и неуправляемостью. Всякий внимательный наблюдатель быстро начинает различать стереотипы поведения. В самых худших случаях нашим глазам открывался запущенный сад, но ни разу — дикие джунгли.

Подобно своим западным предшественникам, незаконный сектор в странах третьего мира и бывшего соцлагеря спонтанно создал свои варианты прав собственности. Чтобы защитить только что возникшие права от других, им пришлось выработать адекватные незаконные установления. Помните, это не ваш разум дает вам определенные исключительные права над чем-либо, а разум других, считающих, что ваш разум верно предъясняет права собственности. Эти умы жизненно нуждаются друг в друге для защиты своих активов. Более того, общественные договоры должны быть сильнее, чем связи, образуемые государственным законом, потому что им нужно защищаться от вторжений извне, и прежде всего от угроз, создаваемых правительством. Тому, кто сомневается в действенности общественных договоров, стоит только затронуть какие-либо незаконные права, и он получит очень внушительный отпор.

В последние 40 лет незаконные установления расползлись, как масляное пятно. Газетные репортажи о том, что «незаконный сектор растет как дрожжах», публикуются в столицах третьего мира с такой же регулярностью, как отчеты о футбольных матчах. Формальное право не поспевает за быстрым развитием незаконных соглашений. В сфере недвижимости, например, источником незаконных общественных договоров являются не только незаконные поселения скваттеров-мигрантов, но также дефицит жилья и программы городских или аграрных реформ, постепенная деградация программ контроля над уровнем арендной платы и незаконное приобретение или аренда земли для нужд жилищного и промышленного строительства. Большинство общественных договоров реализуются при активной помощи коммерчески, политически или религиозно заинтересованных агентов, берущих на себя роль «брокеров по операциям с недвижимостью», которых привлекает к делу или собственная выгода, или необходимость защитить своих избирателей. Общей характеристикой их клиентов является то, что рыночные цены на недвижимость им не по карману. Мне пришлось бывать в странах, где вооруженные силы выделяют офицеров, состоящих на действительной службе, для закупки во незаконном секторе жилья для военнослужащих, выходящих в отставку. Еще поразительнее, что мне пришлось наблюдать, как муниципальные власти, отвечающие за сектор недвижимости и оформление титулов собственности, организуют незаконный захват земли, чтобы обеспечить своих людей приличными участками для постройки домов. Недавно я посетил большой поселок скваттеров, созданный по инициативе самого городского совета, чтобы обеспечить жильем 7000 семей государственных служащих. В другой стране местная газета, заинтригованная размахом незаконных операций с недвижимостью, решила проверить, существует ли законный титул собственности на резиденцию главы правительства. Оказалось — нет. Газета пошутила, что государственные законы принимаются на незаконной территории.

Вслед за незаконными правами на землю участники операции создают учреждения, обеспечивающие реализацию нового общественного договора: незаконные деловые и жилищные организации регулярно собираются на заседания, принимают решения, осуществляют надзор за созданием инфраструктуры, следят за соблюдением административных процедур и оформляют разные личные

документы. Обычно у них есть рабочие помещения, где хранятся карты и книги учета прав собственности. Повсеместно самой поразительной чертой такого рода учреждений является их стремление легализоваться, получить законные права. В городах внезаконно построенные жилые и производственные постройки со временем приобретают такой вид, что их внешне не отличить от аналогичных зданий легального сектора. Во всех развивающихся и бывших социалистических странах, где мне случилось побывать, граница между легальным и вне-легальным секторами очень протяженна. Вдоль границы расставлены контрольно-пропускные пункты, в которых осуществляется контакт между внезаконными организациями и государственными чиновниками, причем первые пытаются получить легальный статус, а последние — создать видимость порядка¹³. Обычно внезаконникам удается найти общий язык с теми или иными государственными органами, чаще всего на местном или муниципальном уровне. Большинство групп пытаются договориться о каком-либо легальном статусе, чтобы иметь возможность защищать свои права, тогда как некоторым уже удалось добиться некоего стабильного положения в рамках закона. Есть еще один убедительный признак того, что внезаконники страстно жаждут уйти с холода и проникнуть вовнутрь: для ведения переговоров с государственными органами они выбирают обаятельных и дипломатичных лидеров, ничем не напоминающих боссов уличных банд.

Прислушиваться к лаю собак

Не исключено, что большинство правительств развивающихся и бывших социалистических стран готовы признать, что причиной экспоненциального роста внезаконности является не катастрофическое падение уважения к закону, а простая безысходность — нужно каким-то образом защищать свою собственность и зарабатывать на жизнь. Когда правительство доходит, наконец, до признания этого факта, остается только принять меры, чтобы исправить положение. Внезаконники, разумеется, жаждут пересечь мост и получить легальный статус, но они пойдут на это лишь при условии, что правительство сделает переход легким, безопасным и дешевым. Внезаконные собственники уже неплохо организованы и законопослушны, хотя подчиняются они отнюдь не государственным законам. Теперь уже дело правительств выяснить, что собой представляют эти вне-легальные установления и как их интегрировать в систему легального права собственности. Но если они для разработки новых законов попытаются нанять высокооплачиваемых юристов из престижных корпораций Дели, Джакарты или Москвы, им никогда не достичь цели. Необходимо двинуться в путь по городским улицам и сельским дорогам, внимательно прислушиваясь к лаю собак.

Закон, господствующий сегодня в странах Запада, возник не из пыльных томов сводов законов. Это живое единство, возникшее в реальных жизненных отношениях и вскормленное мечтами и стремлениями простых людей задолго до того, как за него взяли руки профессиональных юристов. Прежде чем удалось заняться систематизацией законов и сведением их в единый кодекс, нужно было закон открыть. Теоретик права Бруно Леони напоминает нам:

Римляне и англичане разделяли идею, что закон можно скорее *открыть*, чем *предписать*, и что никто и никогда не обладает в обществе такой властью, чтобы диктовать ему свою волю в качестве закона. В этих двух странах задача «открывать» закон была доверена, соответственно, юридическим советникам (*jurist consult*) и судьям — двум категориям людей, которые в известной степени сходны с научными экспертами современного мира¹⁴.

«Открытие закона» — это именно то, чем я и мои коллеги занимаемся последние 15 лет в разных странах, и это же является первым шагом помощи правительствам развивающихся стран в построении законных и охватывающих всех граждан систем собственности. Если отстраниться от голливудского стереотипа людей из стран третьего мира или бывшего соцлагеря — а это, как правило, пестрый сброд уличных торговцев, усатых партизан и бандитов славянского происхождения, — вы обнаружите, что когда дело доходит до защиты имущества и ведения бизнеса, их культура мало чем отличается от культуры западных народов. Посвятив долгие годы изучению многих стран, я пришел к убеждению, что внезаконные соглашения по поводу собственности в этих странах поразительно схожи с аналогичными легальными установлениями в странах Запада. В обоих случаях явным или неявным образом определяется, кто на что имеет право и каковы границы этих прав и возможных операций; в обеих системах установлены процедуры регистрации прав собственности и гарантии соблюдения этих прав, правила разметки границ собственности, нормы проведения сделок, критерии определения ситуаций, когда необходимо согласие властных структур и когда в этом нет нужды, методы оценки подлинности документов, стимулы, поощряющие людей выполнять заключенные соглашения и уважать закон, и критерии допустимости той или иной степени анонимности в сделках.

Есть все основания предположить, что люди имеют весьма сходное понимание прав собственности. И это не должно удивлять: люди всегда заимствовали друг у друга разумные формы поведения. Более того, в последние 40 лет люди начали много ездить по миру, а если учесть революцию в средствах массовых коммуникаций, легко понять, почему мы обречены на то, что наши ценности и притязания будут и дальше сближаться. (Жители развивающихся стран также смотрят телевизор, ходят в кино, пользуются телефоном и хотят, чтобы их дети получали хорошее образование и умели пользоваться компьютерами.) Совершенно неизбежно, что в рамках одной страны внезаконные нормы и установления будут скорее схожи, чем различны¹⁵.

Проблема с внезаконными общественными договорами в том, что порождаемые ими документы и информация не обладают такой степенью достоверности, чтобы найти использование за пределами своего района. Внезаконные системы собственности стабильны и значимы для членов группы, но их выход вовне и взаимодействие с другими аналогичными системами затруднены. И в этом отношении ситуация здесь ровно такая же, как некогда на Западе, когда там не существовало законных титулов собственности. В некоторых землях на территории современной Германии до XV в., например, уже использовались реестры недвижимости, но большая часть европейских законов, регулирующих операции с недвижимостью, существовала еще только в устной традиции.

Многие усматривают в старинных символах и ритуалах предшественников законных титулов собственности и регистрационных записей. Согласно британскому философу и историку XVIII в. Дейвиду Юму, в его время в некоторых районах Европы землевладельцы бросали между собой камни и землю в ознаменование того, что обмен земельными участками совершился; продажу урожая пшеницы фермеры символизировали передачей ключей от амбара, в котором она хранилась. В императорском Риме очень похожим образом закон требовал, чтобы в знак передачи прав собственности продавец вручал покупателю ветки и пучки травы. У японцев также существовали ритуалы подтверждения завершения сделки. Например, в районе Гумма Кодзуке в период Токугава* с XVII по XIX в., когда закон запрещал продажу сельскохозяйственных земель, участки все-таки переходили из рук в руки; в подтверждение этих незаконных сделок составлялись письменные документы, подлинность которых заверяли родственники продавца и правитель деревни.

Письменные документы постепенно накапливались в местных «регистрационных бюро». Прошло довольно много времени, и соответствующие записи начали делать в специальных регистрационных журналах. Но только в XIX в. удалось стандартизировать и свести данные различных «регистраций», чтобы создать единую легальную систему собственности, которая действует и на Западе и по сей день.

Страны третьего мира и бывшего соцлагеря в настоящее время пребывают в том же положении, в каком были Европа, Япония и Соединенные Штаты пару столетий назад. Теперь перед ними стоит задача выявить и собрать все регистрационные до

* Токугава — династия сегунов (военно-феодалных правителей Японии), правивших в 1603-1867 гг.

кументы, удостоверяющие право частной собственности, и придать им интегрированную системную форму, чтобы каждый объект недвижимости обрел бюрократически оформленную родовую сущность, требуемую сетью отношений порождения капитала.

Расшифровка незаконного права

Когда мои коллеги и я впервые столкнулись с задачей интеграции докапиталистических установлений собственности и создания современной (капиталистической) системы прав собственности, мы обратились к западному опыту. Но занявшись поисками информации о том, как развитые народы осуществляли некогда превращение своих незаконных установлений в форму закона, мы обнаружили, что Запад не оставил нам чертежей. К сожалению, почти не задокументировано, как именно страны Запада определяли, какие виды незаконных доказательств прав собственности станут общими знаменателями стандартизированной системы прав собственности. Джон Пейн объясняет ситуацию на примере Англии:

Законное доказательство прав собственности как неперемнная часть сделки по купле-продаже земли появилось в английском праве сравнительно поздно, но существующая информация настолько скудна, что все гипотезы такого рода обречены остаться простыми догадками. Историков страшно злит то обстоятельство, что если заметные исторические события обычно доходят до нас со множеством деталей и подробностей, то люди редко считали стоящим делом фиксировать повседневную, рутинную деятельность. Это казалось излишним: кому нужно помнить все эти банальности? В результате именно повседневное и общеизвестное оказывается совершенно неизвестным для следующей эпохи, а для воспроизведения картины быта прошедших эпох приходится усердно собирать крупинки информации из источников, составленных с совершенно иной целью. Это в полной мере относится и к деятельности юристов, занимавшихся сделками с недвижимостью, и мы имеем крайне приблизительное представление о том, как именно они действовали до наступления XIX в.¹⁶

Руководствуясь редкими историческими свидетельствами, мы смогли восполнить пробелы результатами наших собственных эмпирических исследований и так на ощупь нашли дорогу в дебрях незаконного мира и в конце концов научились тому, каким образом можно добраться до существа общественных договоров, являющихся базой прав собственности в странах третьего мира. Выйти на эти установления — это совсем не то же самое, что найти доказательства прав собственности в легальной системе регистрации недвижимости, где многолетние записи дают полное представление о последовательной смене владельцев каждого объекта. Недокапитализированный сектор, помимо всего прочего, не имеет механизма централизованной регистрации операций с недвижимостью, то есть бюрократическим аппарата, представляющего собой центр организованного общества. Единственное, чем располагают обитатели этого сектора, это отчетливое, ясное и детальное понимание того, кто чем сегодня владеет.

В силу этого существует только один способ для сбора информации о собственности в определенном районе — войти в контакт с теми, кто там живет и работает. Если уподобить собственность дереву, формализованная система прав собственности диахронична в том смысле, что позволяет отслеживать происхождение каждого отдельного листа, веточки, ветки, ствола и так вплоть до корней. Подход к изучению внезаконной собственности может быть только синхроничным: чтобы определить, кому что принадлежит, посторонний должен сделать спилы и установить статус каждой ветви и каждого листка относительно соседних ветвей и листьев.

Получить синхронную информацию можно только на месте: нужно отправиться в районы, где не существует законной системы регистрации собственности (или она ненадежна), и войти в контакт с местными легальными и внезаконными властями, что бы собрать информацию о правах собственности. На деле все это не так уж сложно. Хотя в глухих районах некоторых стран письменные документы еще не в ходу, большинство людей из внезаконного городского сектора научились писать свидетельства о праве собственности в соответствии с принятыми в тех краях правилами, и правительство вынуждено в тех или иных ситуациях считаться с этими документами.

Никто, например, не верил, что на Гаити мы найдем документы, фиксирующие права собственности. Гаити является одной из беднейших стран мира; 55% ее населения неграмотно. Тем не менее, тщательно обследовав городские районы Гаити, мы не нашли ни единого внезаконного участка земли, лачуги или строения, владелец которых не имел хотя бы одного документа, защищающего его права, даже если речь шла о «правах скваттера» (см. на рис. 6.2 образцы внезаконных гаитянских документов на право собственности). В какой бы стране мира мы ни оказались, большинство внезаконных владельцев располагали каким-либо артефактом, фиксирующим и подтверждающим его притязания на недвижимость. Именно на базе этих внезаконных документальных свидетельств и сведений, полученных в ходе интервью, нам удавалось повсюду добираться до сердцевины общественных договоров, составляющих фундамент систем собственности на недвижимость.

Хотя для установления соглашений о собственности внезаконные источники информации весьма важны, существуют также официальные и юридические источники. Высокопоставленные политики редко отдают себе отчет в том, сколь плотно работники нижних уровней правительственной администрации поддерживают контакты с внезаконным сектором. Городским властям, управлениям городского планирования, чиновникам санитарно-гигиенической службы и многим другим приходится производить официальные оценки масштабов противозаконной деятельности во внезаконных поселениях или в предпринимательских группах, постоянно прорастающих в соответствующих районах. Мы научились на основании официальной документации находить районы, в которых превалирует внезаконная деятельность.

Стоит правительству понять, где и в какой форме можно найти свидетельства о праве собственности, и оно получает в руки «нить Ариадны», ведущую прямо к общественному договору. Свидетельства о праве собственности представляют собой результат договоренности внутри группы людей о том, кто чем владеет и что может делать каждый владелец с принадлежащей ему недвижимостью. Не нужно быть доктором археологии, чтобы суметь прочитать эти свидетельства о собственности и понять их смысл. При их написании не использовались тайные коды, подлежащие расшифровке. Составителями этих документов руководили очень ясные деловые намерения: с предельной точностью выразить для сведения всех заинтересованных, на какие права относительно определенных, контролируемых ими активов они претендуют. Они *хотят*, чтобы все знали об их правах, и готовы привести все возможные подтверждения бесспорности своих притязаний. В свидетельствах нет ничего, что следовало бы скрывать; они составлены так, чтобы сразу было понятно, что это такое. Это не всегда так уж очевидно, потому что, к сожалению, мы склонны путать отсутствие стандартизации документов с невежественностью. Как совершенно справедливо заключает Джон П. Поуэлсон в «The Story of Land», даже в неразвитых сельских районах развивающихся стран люди всегда были способны выступать в свою защиту с предельной эффективностью и всегда обладали способностью разумно заявлять о себе и своих правах¹⁷.

Когда правительства получают в свое распоряжение задокументированные свидетельства о праве собственности, они могут «разложить» их, чтобы выявить образующие общественный договор принципы и правила, на которые они опираются. Стоит реформаторам сделать это, и они получают в свое распоряжение все важные составные элементы внезаконного права. Теперь их нужно кодифицировать — соединить в своего рода рабочий вариант свода законов, чтобы получить возможность их проанализировать и сопоставить с действующими в государстве аналогичными законами. Расшифровка несистематизированных законов также не является проблемой. На деле она не слишком отличается от процедур, используемых внутри страны для того, чтобы добиться унификации внутренних законов (скажем, единого Коммерческого кодекса США) или на международной арене (как в случае множества кодексов, порождаемых Европейским союзом или Всемирной торговой организацией)*. Сопоставив внезаконный и легальный кодексы, руководители правительства

* В рамках Европейского союза стран, образованного в 1993 г., осуществляется унификация законодательства по вопросам внутренней экономической политики, миграции труда и капитала, валютного регулирования вплоть до введения единой валюты и т.д. Всемирная торговая организация создана в 1995 г.

как межправительственное соглашение большинства стран мира, регулирующее международную торговлю товарами и услугами, в том числе продуктами интеллектуальной собственности.

легко поймут, как привести их во взаимное соответствие, чтобы затем создать единый кодекс регулирования отношений собственности, обладающий полной легитимностью и признаваемый всеми гражданами как отражающий реалии одновременно легальной и внезаконной жизни. Именно на этом пути развивающиеся и бывшие социалистические страны могут решить свои правовые проблемы и, в основном, именно таким образом был создан закон в странах Запада: постепенное освобождение кодекса законов от неработающего балласта и включение в него всего приемлемого и работающего.

Если все это звучит скорее как программа антропологических исследований, чем как база правовых реформ, то это только потому, что знание о неимущих монополизировано университетскими учеными, журналистами и активистами разного рода политических движений, которыми движут любознательность или сострадание, но не стремление к перестройке законодательства. А где же были юристы? Почему их внимание не привлекли закон и порядок, порождаемые их собственным народом? Истина в том, что в этих странах юристы чрезмерно поглощены изучением и адаптацией западных законов. В университетах им вдолбили в голову, что местная правовая практика — это не настоящий закон, а нечто романтическое, изучение чего лучше оставить фольклористам и антропологам. Но если юристы хотят принять участие в создании хороших законов, им следует покинуть библиотеки и познакомиться с жизнью внезаконного сектора, который является единственным источником информации, нужной для построения поистине легитимной системы официального права. Изучение логики и принципов этого «народного права» может дать реформаторам понимание того, что нужно сделать для создания действенной и работающей правовой системы.

Стоит проделать все это, и правительства в буквальном смысле слова вступят в контакт с общественным договором. Они получают в свое распоряжение информацию, нужную для интегрирования бедняков и их собственности в рамки легального закона и появления у них возможности участвовать в капиталистическом развитии. Но для внедрения правовой реформы необходимо разрушить *status quo*. А это сложная *политическая* задача.

Часть II: политическая задача

Переход от феодальной и родовой организации жизни к современной системе частной собственности, существующей в странах Запада, никем и никогда не планировался. Однако на тех этапах приведшей к современности длительной исторической эволюции, когда реформаторы брались за программы «демократизации» собственности, чтобы сделать ее доступной для более широкого круга граждан, успех приходил как вознаграждение за продуманность политической стратегии. Так, успех сопутствовал Томасу Джефферсону, который в конце XVIII в. в Вирджинии повысил «ликвидность» недвижимости, уничтожив правило майората*, делавшее семейные владения неделимыми и землю неотчуждаемой. Когда в начале XIX в. руководители правительства Пруссии Г. Штейн и К. Гарденберг** осуществили освобождение крестьян с землей, а Э. Губер в Швейцарии в начале XX в. начал сводить воедино пеструю систему прав собственности, они штурмовали твердыни *status quo* во всеоружии продуманной стратегии. Для начала они с помощью хитроумных законов заручились массовой поддержкой, что позволило без крови довести до конца задуманные революционные преобразования.

Почему и сегодня нужна политическая стратегия? Кто в состоянии встать на защиту правового аппарата, отличающегося столь кричащей несправедливостью? И на самом деле, мало кто возьмется открыто оспаривать необходимость реформ. Но небольшие группы политически влиятельных людей не могут не понять, что реформы непременно затронут основы их власти, и обязательно будут ставить палки в колеса. С этим связана еще одна проблема: многие государственные законы, преграждающие большинству населения доступ к капиталу, могут одновременно служить защитой жизненных интересов влиятельных групп. Открыть неимущим доступ к капитализму не так просто, как столкнуть с дороги гору мусора с помощью бульдозера. Это

* Система наследования земли только старшим сыном в семье.

** Правительство Г. Штейна в 1807 г. провозгласило освобождение крестьян от крепостной зависимости. Ставший в 1810 г. канцлером К. Гарденберг отменил натуральные повинности крестьян, провозгласил свободу оборота земельного имущества.

скорее похоже на то, как, перебирая ветку за веткой и прутик за прутиком, перестраивают орлиное гнездо, стараясь при этом не потревожить самого орла. Хотя неудобства, достигающиеся в ходе такой реформы на долю влиятельного меньшинства, совершенно ничтожны по сравнению с общенациональным выигрышем от того, что бедняки получают доступ к капиталу, для предотвращения противодействия преобразованиям необходимы сильная политическая воля и поддержка масс.

Для такой работы нужны опытные и даже изощренные политики, способные, фигурально выражаясь, вытащить гнездо из-под орла и при этом не лишиться глаз. Только такие люди способны добиться изменений для большинства, но при этом не встревожить подозрительное меньшинство. В ходе капитализации малоимущих приходится сводить воедино две явно противоположные системы

собственности в рамках одного свода законов. Для успеха нужно, чтобы за дело взялся президент страны или ее премьер-министр и сделал эту реформу основой правительственной политики. Только при поддержке на самом высоком уровне реформа может обрести достаточную силу и сломить тупую и несговорчивую инерцию *status quo*. Только участие руководителей государства может помешать бюрократическим рогакам и политическим сварам парализовать ход реформ. Когда народ готовится к проведению масштабных изменений — будь то прекращение инфляции, приватизация государственной собственности или расовая десеграция образования, — возглавлять реформы должен лидер государства. Эмансипация малоимущих должна быть делом высшего политического руководства страны.

История и личный опыт учат нас, что при проведении революции в сфере собственности на руководителя страны ложится тройная ответственность: за учет интересов малоимущих, за привлечение к реформам политических и экономических элит и за руководство бюрократическим аппаратом, который и обеспечивает нерушимость стеклянного колпака.

Учет интересов малоимущих

В каждой стране от расширения сферы капиталистического влияния выигрывают все и каждый, но более всего и прежде всех — бедные слои населения. Заручившись их поддержкой, руководитель может считать, что он уже наполовину выиграл битву за реформы. Оппозиции трудно одолеть главу государства, опирающегося на большинство населения. Но чтобы победить, нужно убедить всех в необходимости преобразований. А для этого следует самолично изучить проблемы: влезть в шкуру бедняков и узнать, чем и как они дышат. Официальная статистика не содержит нужной информации. Смысл фактов и чисел становится понятен лишь за пределами стеклянного колпака.

Когда в 1980-х гг. я начал изучать возможность открытия для малоимущих доступа к законным формам собственности, каждая крупная юридическая фирма, к которой я обращался за консультациями, клятвенно заверяла меня, что открыть законный бизнес и получить доступ к капиталу можно буквально за считанные дни. Я знал, что для меня и моих юристов все так оно и есть, но у меня было подозрение, что для большинства перуанцев это совсем не так. Поэтому мы с коллегами решили организовать в трущобном пригороде Лимы небольшую швейную мастерскую — на две швейных машинки. Чтобы увидеть процедуру регистрации глазами бедняков, мы замеряли количество времени, которое приходится тратить типичному предпринимателю Лимы для преодоления бюрократических крючков, и обнаружили, что для получения статуса юридического лица нужно затратить более 300 шестичасовых рабочих дней. Мы провели сходный эксперимент, чтобы выяснить, сколько времени потребуется человеку, внезаконным образом построившему дом, с существованием которого власти уже смирились, на то, чтобы получить законный титул собственности на него. Только для согласования этого решения в муниципалитете Лимы — а это лишь один из 11 государственных органов, разрешение которого необходимо получить, — нужно пройти 728 бюрократических этапов (см. рис 6.3). Это подтвердило мои изначальные подозрения: большая часть принимаемых всеми на веру данных отражает интересы тех, кто, подобно консультировавшим меня юристам, уже пребывал под стеклянным колпаком. Вот почему эту преграду можно видеть только снаружи — с позиций бесправных и неимущих.

Когда правительство получит подобную информацию, оно сможет объяснить свои намерения таким образом, чтобы бедняки поняли и приняли их. Тогда не исключено, что они с энтузиазмом поддержат программу реформ. Поддержка неимущих станет источником обратной связи с улицами, необходимой для продолжения реформ.

Именно так все и случилось в Перу. В 1984—1994 гг. я и мои коллеги неустанно занимались разъяснением того, почему разрушение стеклянного колпака принесет выгоду всем и каждому. Нашей целью было доказать политикам, что существует неявное общенациональное согласие в пользу реформ и что легализация принадлежащей беднякам недвижимости — это политически выигрышная стратегия. Опросы общественного мнения, проведенные в конце 1980-х гг., подтверждали это: почти 90% опрошенных поддержали нашу программу изменения системы прав собственности. Учитывая столь массовое одобрение реформ, ничего удивительного, что когда в 1988 г. и начале 1990 г. первые порции законов, разработанных моей организацией, были внесены в законодательное собрание Перу, они были приняты единогласно. На выборах президента в 1990 г. все кандидаты поддержали программу легализации собственности бедняков, включая Марио Варгаса Льосу, писателя и кандидата от либертарианско-консервативной коалиции, и Альберто Фухимори, неизвестно откуда взявшегося популиста, который и стал президентом страны, а также проигравшего выборы президента социалиста Алена Гарсия. Даже сегодня, после нескольких лет неустойчивых и незавершенных реформ, политика легализации прав собственности не имеет альтернативы и остается непременной характеристикой перуанского политического ландшафта.

Вооружившись фактами и заручившись поддержкой общественного мнения, правительство получит возможность сделать вопрос о бедности центром программы экономического роста. Борьбу с бедностью перестанут рассматривать как благотворительную кампанию, которую осуществляют при наличии лишних средств. Напротив, будущее бедноты сможет стать главным приоритетом правительственной программы экономического роста.

Привлечение к реформам политических и экономических элит

После того как осознан громадный экономический потенциал бедняков и обеспечена, благодаря этому, поддержка самой большой группы населения, реформаторам стоит обратить внимание на политические и экономические элиты. Нужно помочь им избавиться от иллюзии, что устранение стеклянного колпака выгодно только неимущим. И дело не только в том, что всем на пользу наведение мостов через пропасть, разделяющую верхи и низы общества. Всем социальным группам на пользу интеграция легальных и внезаконных систем права. Пришла пора реформаторам, которые, опираясь на факты и статистику, уже заручились поддержкой бедноты, использовать другие факты и статистику для завоевания поддержки элит. Элиты должны поддержать реформы не из патриотизма или альтруизма, но прежде всего потому, что их собственные кошельки станут толще.

Например, легализация незаконного сектора открывает возможность массового и дешевого жилищного строительства, способного обеспечить неимущих не только более качественным, но и более дешевым жильем, которого они сами для себя построить не смогли бы. Строить дома во незаконном секторе, где все шиворот-навыворот, это то же самое, что сначала влезть в ботинки, а потом пытаться натянуть носки. Только представьте себе, что приходится совершить переселившемуся в город крестьянину, чтобы обзавестись домом в трущобном районе на окраине большого города. Для начала ему нужно не только найти клочок свободной земли, но и *лично* занять этот участок, разместив на нем свое семейство. Затем на этом участке нужно возвести навес или сараюшку, изготовленную, в соответствии с климатом и культурой, из соломенных матов, глиняных кирпичей, картона, фанеры, гофрированного или кровельного железа. Это строение физически обозначает притязание на участок, потому что правовыми средствами эти люди воспользоваться не могут. Постепенно мигрант и его семейство наполнят эту хибару всякой домашней утварью. Им, разумеется, было бы лучше иметь более прочное и удобное строение, но как его построить при отсутствии кредита? Они поступают так же, как и все остальные: накапливают качественные стройматериалы и приступают к постепенному возведению более достойного жилья.

Когда обитатели одного из таких новых поселков сумеют в достаточной степени организовать или местные власти преисполнятся жалости к их бедственному положению, им разрешат подключиться к системам канализации, водо- и электроснабжения. При этом обычно приходится сносить ряд домов, чтобы проложить трубы и т.п. Только убив многие годы на накопление стройматериалов, строительство, достройку и перестройку своих домов, эти домовладельцы смогут насладиться некоторым комфортом.

На Западе строительство дома организовано более нормальным образом (сначала надеваем носки, потом — брюки и ботинки), а потому весь процесс менее хаотичен, не столь изнурителен и более дешев. Застройщик обычно имеет право собственности на землю, что дает ему уверенность, нужную для того, чтобы начать строительство с инфраструктуры (провести дороги с твердым покрытием, подвести энергию, воду и пр.). Затем он продает начатые дома, которые достраиваются с учетом пожеланий заказчиков. Новые домовладельцы, которые скорее всего заняли деньги на новый дом в банке, привозят в законченный дом сначала мебель, а в самом конце — детей и кота.

Когда неимущие обретут ответственность в рамках статутного права, они получают доступ к дешевому жилищному строительству и смогут вырваться из сумасшедшего мира незаконных. Тут-то свою выгоду начнут получать и элиты. Строительные компании и производители стройматериалов обнаружат, что их рынки расширяются, у банков и страховых компаний появится новый круг клиентов. Легализация незаконного жилищного сектора откроет новое поле деятельности для поставщиков коммунальных услуг: каждый новый домовладелец станет для них совершенно надежным клиентом. Правительство и коммерческие компании получают в свое распоряжение информацию и адреса, необходимые для организации рекламы и сбыта, для страхования и сбора долгов, платежей и налогов. Кроме того, легализованная система частной собственности становится источником информации, необходимой для развития системы образования, здравоохранения, экологического и налогового планирования.

Массовая легализация недвижимости поможет даже разрешить одну из самых острых и болезненных проблем, сопровождающих рост городов, — проблему «закона и порядка». В условиях рыночной экономики гражданское общество возникает не только в силу роста зажиточности. Право на собственность повышает уважение к законам. Это отмечает известный историк Ричард Пайпс в книге, посвященной революционным событиям в России:

Можно утверждать, что частная собственность является важнейшим институтом социальной и политической интеграции общества. Владение недвижимостью создает приверженность политическому и правовому порядку, поскольку оно является неременным условием сохранения прав собственности и приобщает граждан к управлению государством. Собственность как таковая способствует насаждению в массах населения уважения к закону и заинтересованности в сохранении *status quo*. История свидетельствует, что общества, в которых собственность, особенно на землю и жилища, общедоступна, отличаются большей консервативностью и стабильностью, а по этой причине менее подвержены любого сорта потрясениям. Именно поэтому французский крестьянин, который в XVIII в. был источником смут, благодаря завоеваниям Французской революции стал в XIX в. опорой консерватизма¹⁸.

Когда малоимущие обретают уверенность, что земля и ремесло принадлежат им по закону, их уважение к собственности других увеличивается.

Кроме того, законная и своевременная регистрация операций с недвижимостью обеспечивает полицию информацией, необходимой для поимки преступников. В развивающихся и бывших

социалистических странах уголовные элементы, как правило, не имеют постоянного места жительства. Полиция, расследующая преступление, не располагает адресами или другой связанной с собственностью информацией, которая дает возможность выслеживать подозреваемых. Вот почему правоохранительные органы этих стран не могут работать с такой же прицельной точностью, как их западные коллеги, а это делает неизбежным нарушение гражданских прав невиновных.

Владение законной собственностью отвращает людей от неподобающего поведения. Когда землю приходится делить на все более мелкие участки между растущим из поколения в поколение числом наследников, кому-то приходится в конце концов покинуть семейный надел и, весьма вероятно, попытаться захватить чужой. Кроме того, когда человек не в силах доказать свое право собственности, он, чтобы стать хозяином своей судьбы, вынужден подкупать чиновников или соседей. Что еще хуже, об-

щество, в котором законы не обеспечивают соблюдение принятых обязательств, фактически приглашает бандитов и террористов заняться регулированием отношений. Мне с коллегами приходилось проводить кампании по легализации недвижимости, в ходе которых место бандитов, защищавших поселки от реальной или мнимой угрозы экспроприации, заняли силы самообороны. Право частной собственности помогает также бороться с производством наркотиков. Пока у крестьян нет законных прав на свою землю, такие высокодоходные культуры, как кусты коки и посевы опийного мака, обладают непреодолимой притягательностью. В некоторых малоразвитых районах мира доходы от выращивания наркотиков являются единственным источником денег для мелких фермеров, а поскольку их хозяйства нигде не зарегистрированы, правоохранительные органы не в силах их даже найти, не говоря уже о заключении соглашений, предусматривающих переход на ненаркотические культуры. Результатом отсутствия правовой защиты оказывается и то, что производители наркотического сырья вынуждены для защиты собственности вооружаться или приглашать для этого наркоторговцев. При отсутствии сплошной системы частной собственности практически невозможно контролировать выращивание наркотического сырья, преследовать наркоторговцев и выявлять тех, кто наносит ущерб окружающей среде. Власти оказываются бессильными перед сплоченностью внезаконных организаций, создаваемых людьми для защиты своих интересов.

Легализация собственности неимущих — это никоим образом не благотворительность. Создание упорядоченного рынка, который превращает собственников в ответственных граждан, а их жилье наделяет законными титулами собственности и делает пригодными для участия в финансовых операциях, дает толчок экономическому росту, поощряет законопослушное поведение и наполняет деньгами кошельки экономической элиты общества.

Привлечение бюрократии на сторону реформ

После того как реформаторам удастся привлечь на свою сторону неимущих и хотя бы часть экономически влиятельных групп, самое время наладить отношения с руководителями бюрократических машин, которые обеспечивают сохранение status quo, и прежде всего с юристами и техническими специалистами.

Юристы. Если верить теории, юристы должны быть в целом на стороне реформ и укреплять власть закона. Но на практике большинство юристов в развивающихся и бывших социалистических странах приучены заниматься не укреплением правопорядка, а защитой незыблемости status quo. Юристы в большей степени, чем специалисты любого другого профиля, повседневно вовлечены в разрешение вопросов собственности. В правительственном аппарате они занимают ключевые позиции и располагают возможностью заблокировать выполнение важных решений. Ни одна другая группа, исключая террористов, не имеет лучших возможностей для противодействия экспансии капитализма. А юристы, в отличие от террористов, знают, как делать это не выходя за рамки закона.

Создают капитал и капитализм предприниматели и рядовые граждане, но вырабатывают концепции собственности и фиксируют их в законоположениях профессиональные юристы. Незыблемость прав собственности, ответственность владельцев и принуждение к исполнению сделок — все должно быть закреплено в конкретных процедурах и правилах, а без юристов этого не достичь. Именно юристы дали жизнь всем документам, отражающим право собственности. Это и титулы собственности, и регистрационные записи, и торговые знаки, и авторские права, и долговые обязательства, и векселя, и патенты, и акции корпораций. Нравятся вам юристы или нет, без сотрудничества хотя бы с частью из них невозможно изменить режим собственности и процесс формирования капитала.

Трудность заключается в том, что редкие юристы понимают экономические последствия своей деятельности, а их инстинктивные реакции на внезаконность и программы крупномасштабных изменений всегда враждебны. Все стремившиеся к либерализации и легализации собственности реформаторы, с которыми мне приходилось встречаться, считали юристов своими природными врагами. Участвующих в реформах экономистом консерватизм законников привел в такое уныние, что они не пожалели времени и денег на то, чтобы опорочить юристов. Собрав экономическую статистику по 52 странам за период с 1960 по 1980 г., Самар К. Датта и Джеффри Б. Ньюджент показали, что при повышении доли юристов в составе рабочей силы на 1 процентный пункт (скажем, с 0,5 до 1,5%) экономический рост замедляется на величину от 4,76 до 3,68%. Иными словами, чем больше в стране юристов, тем хуже ее экономические перспективы¹⁹.

Многих реформаторов особенно раздражает манера юристов обвинять других в недостатках системы собственности. Мне часто приходилось слышать, как юристы восхваляют существующие законы о

собственности и, не переводя дыхания, признают, что использовать законные титулы собственности крайне трудно или вовсе невозможно. Такое поведение неприемлемо. Юристы, разрабатывающие законы и экономические процедуры их применения, не имеют морального права винить во всем тупоумие «стрелочников», выполняющих закон, или недостаточную образованность публики, которая вынуждена им пользоваться. Элегантно сформулировать закон — этого мало. Нужно обеспечить его действенность в условиях той административной и социальной реальности, для которой он был написан.

Достаточно любопытно, что самая острая критика в адрес юристов, тормозящих реформы собственности, исходит от их коллег, выполняющих функции прокурорского надзора (*attorney*). Вот что пишет С. Раунтон Симпсон, юрист и всемирно известный авторитет по вопросам земельной собственности:

По всему миру юристы известны своим нежеланием принять даже мельчайшие изменения традиционных процедур... Австралиец Торренз [создатель одной из лучших в мире систем регистрации недвижимости], который был на ножах со всеми своими коллегами, сумел преодолеть сопротивление юристов Южной Австралии, но его случай — это исключение. Только алмазом можно резать алмаз, и в большинстве стран системы регистрации титулов собственности возникли благодаря усилиям юристов, работавших при дружном противодействии всех своих коллег; а кроме активной оппозиции, которая может возобладать или проиграть, существует пассивная, намного более злобедная. Пассивная оппозиция чрезвычайно коварна и может свести на нет любой прогресс. Не так уж редки случаи, когда закон увядает на корню, а радость тех, кто одобрил его появление, оборачивается всего лишь притворством или даже «поцелуем смерти».

Немало и таких случаев, когда реализующие закон процедуры оказываются настолько медлительными, что ни о каком движении вперед и речи быть не может. Такие законы никак не угрожают сложившейся правовой практике, а потому приемлемы для корпорации юристов. Такие законы не способны достичь никакой полезной цели, разве что удлинить список если не провальных, то, по крайней мере, «неудачных» законов²¹.

Юристы часто признают необходимость перемен в других областях, но стоят на том, что закон должен быть стабилен. Такое «обожествление» закона, не говоря уже об иных последствиях, может дойти до того, что прокурор, поддержавший реформы, рискует быть подвергнутым остракизму со стороны коллег. В немецкоязычных странах в XIX и начале XX в. враждебность юристов к реформе прав собственности была настолько остра, что любой их коллега за приверженность изменениям мог получить имя *Nestbeschmutzer* — гадящий в родном гнезде.

Самые блестящие (хотя не обязательно самые удачливые) юристы считают, что закон должен служить жизни, а не наоборот, — этим реформаторы могут утешаться. На Западе, даже работая в контексте римского права, дальновидные юристы сумели в итоге восторжествовать над природной реакционностью своей корпорации. Борьба эта была безумно трудна, главным образом потому, что, по замечанию Питера Стайна, вклад юристов в «верное понимание правовых институтов был сильно затемнен их приверженностью к старине и убежденностью, что римское право совершенно и не нуждается в изменениях»²¹. Но со временем великие европейские юристы сумели преодолеть чрезмерную негибкость, потому что, как указывает Стайн, они «стали экспертами в тонкостях римского права и добились того, чтобы оно изменялось в ногу со временем»²². В каждой европейской стране против воинствующей невосприимчивости своих коллег выступили элитные когорты юристов, принявших на себя труд по устранению стеклянного колпака.

Как видно, любое правительство, задумавшее двигаться к единой системе прав собственности, должно выработать продуманную стратегию работы с корпорацией законников. Главное — выбрать правильных юристов. Политический руководитель реформ должен обладать мудростью и чутьем, чтобы не связаться с юристами, наторевшими в умении связывать политиков по рукам и ногам, и выбрать себе в помощники таких, кто захочет и сможет придать выверенную форму преобразованиям, грозящим стабильности системы. Если настроенный на реформы политик не сможет подобрать себе юристов под стать, он попадет в лапы высокопоставленных крючкотворов, которые на словах объявят себя приверженцами реформ, но только для того чтобы вернее их сгубить исподтишка.

К счастью, в каждой стране существуют реформаторски настроенные юристы, и раз уж понятно, какого рода людей следует искать, их можно подобрать. Многие осознают, что исходные причины изменений пребывают за пределами права. В каждой из стран, которые мне случилось посетить, я обнаруживал группу правительственных юристов, прекрасно осведомленных в проблемах внезаконного сектора и неустанно стремящихся к установлению гармонии между официальными законами и внезаконными установлениями. Некоторые университетские юристы также остро осознают одновременность и параллелизм действия порядков, закрепленных легальным и внезаконным правом. Но в высших правительственных кругах их работы остаются незамеченными, а они, соответственно, пребывают в безвестности. Поразительно, но стало почти правилом, что юристы, хорошо знакомые с реалиями параллелизма легальных и внезаконных законов и симпатизирующие целям реформ, находятся в стороне от процесса принятия политических решений.

Это именно те люди, кого политические руководители страны должны направить на штурм *status quo* и на осуществление национальной программы легализации собственности. Но такая армия не может действовать сама по себе. Каждого прогрессивного юриста нужно призвать к служению реформам и найти ему место в строю. Действуя совместно, они смогут сыграть роль авангарда, который привлечет к делу

реформ своих коллег-юристов. Только они способны разбить ретроградов и объяснить правоведам на их собственном языке, насколько важно для каждого из них и для будущего всей страны интегрировать всю собственность в рамках единой системы права, открытого для всех и каждого. Только они способны убедить своих коллег, что существующие правовые процедуры стали не просто помехой, а прямо-таки непреодолимым препятствием, закрывающим большинству жителей планеты доступ к капиталу. Юристы тоже люди. Стоит им понять, что система, которой они служат, безнадежно устарела, они изменятся.

Технические специалисты. Развивающиеся и бывшие социалистические страны бессмысленно выбрасывают сотни миллионов долларов на картографирование недвижимости и на компьютеризацию земельных кадастров, но это не помогает интеграции их легального и внезаконного секторов. Это уже перестало поражать тех, кто глубоко понимает приоритеты реформы собственности. В 1993 г. эксперты Мирового банка предупреждали о тенденции «считать, что упорядочение земельной собственности — это чисто техническая проблема. Но часто бывает так, что землемерные работы проведены и карты изготовлены, а права собственности из-за нерешенности правовых проблем так и остаются неопределенными»²³.

Даже технические специалисты отдают себе отчет в излишней увлеченности прелестями современных технологий. Один из видных канадских специалистов в области информационных систем землепользования следующим образом выразил озабоченность тем, что некоторые правительства продолжают рассматривать землемерные работы и картографирование как краеугольный камень системы земельной собственности:

В настоящее время нам грозит опасность окончательно погрязнуть в этом мифе и свести задачу управления [природными] ресурсами к проблеме создания географической информационной системы. Технология весьма привлекательна и дает ощутимые результаты. Но это лишь часть того, что нужно... Консультанты и организации, предоставляющие помощь, зачастую экспортируют системы, с которыми они хорошо знакомы (поскольку принимали участие в их разработке или привыкли с ними работать), не учитывая при этом должным образом потребности и возможности принимающей страны... Хорошо бы профессиональным консультантам стать более скромными, хоть иногда признавать, что не всегда знают ответы или что их системы не всегда пригодны²⁴.

Программы создания собственности будут пробуксовывать до тех пор, пока правительства не расстанутся с иллюзией, что для создания собственности достаточно знания материальных вещей, что стоит им получить аэрофотографии, результаты землемерных работ и загнать все результаты обмеров в компьютеры, они тут же получают всю информацию, нужную для закрепления титулов собственности. Не получают. Фотографии и переписи дают информацию только о внешней стороне дела; они ничего нам не говорят о том, кому на самом деле принадлежит недвижимость или каковы правила ее использования. Все фотографии и компьютерные реестры мира не в силах нам сказать, каким местным законам подчиняются эти правила или какие сети взаимоотношений их поддерживают. Земельные кадастры чрезвычайно полезны, но они не подскажут правительствам, как создать общенациональный общественный договор, который позволит довести до конца легализацию собственности.

Склонность некоторых правительств уравнивать решение вопросов о собственности с задачами картографирования и внедрением современных информационных технологий искажает понимание реальной природы собственности. Собственность не является элементом материального мира: она обитает в сфере права и экономики. Собственность характеризует невидимые отношения между вещами, тогда как карты — это отражение материальных объектов. Карты дают представление об их физических очертаниях, но упускают главное. При отсутствии уместной институциональной и экономической информации о внезаконных установлениях они не в силах дать нам представление о том, что творится за пределами стеклянного колпака. Они не помогут нам сделать то, что нужно, то есть связать отношения собственности с физическими характеристиками объектов и увязать виртуальные и материальные аспекты недвижимости.

Пока не будут устранены препятствия к легализации собственности и внезаконные установления не будут замещены официальными законами, у людей не будет заинтересованности в предоставлении информации, важной для своевременного и точного обновления карт и регистрационных реестров. Люди избегают контактов с системой государственных законов, потому что нет ничего хорошего в том, чтобы их собственность нанесли на карту, зарегистрировали и обложили налогом. Но они охотно присоединятся к этой системе, когда экономические преимущества этого шага станут несомненными и появится уверенность, что их права будут надежно защищены.

А пока эти права защищены внезаконными установлениями, нет никакого смысла уведомлять власти о каких бы то ни было изменениях в составе собственности. Только когда в роли защитников собственности место внезаконных установлений займут государственные законы, люди признают их легитимность и преисполняются готовности предоставлять властям всю информацию, нужную для своевременного обновления карт и регистрационных реестров. Общественный договор позволит своевременно обновлять карты и регистрационные реестры.

Это далеко не тривиальное утверждение. Проекты землеустройства, подчиненные преимущественно техническим целям, обычно вырождаются в системы инвентаризации природных богатств и уже в период проектирования являются точным подобием исторических реликвий вроде «Книги Страшного суда». В итоге пострадавшими оказываются картографические работы и программы компьютеризации. Сначала политики,

мечтающие с помощью этих инструментов решить проблемы неимущих, щедро отпускают деньги на соответствующие проекты. Но когда выясняется, что цель остается недостижимой, все картографические работы сворачиваются. Я многократно наблюдал, как это происходит.

В развитых странах эти технологии отлично работают, не требуя значительных перемен в сфере права и политики, и причина этого в том, что все важные перемены были осуществлены более сотни лет назад. Всеохватывающий общественный договор о собственности уже есть. Когда в последние 30 лет появились на свет все эти волшебные информационные технологии — компьютерные базы данных, аэрофотосъемка, спутниковая система местоопределения и пр., — они идеально подошли к потребностям традиционной информационной и правовой инфраструктуры. Ведь это всего-навсего инструменты автоматизации процессов сбора, хранения и поиска информации.

Я вовсе не утверждаю, что труд проектировщиков, поставщиков оборудования, специалистов по систематизации и каталогизации информации и всех остальных, кто обеспечивает создание земельных кадастров и реестров недвижимости, ничтожен. Совсем наоборот. Когда удастся их как следует адаптировать к работе в условиях внезаконного сектора, они становятся незаменимы при обработке и объединении информации. Именно на создание и обслуживание этих технологий расходуется подавляющая часть денег, нужных для реформирования систем частной собственности, но эти расходы идут на пользу только в тех случаях, когда уже решены правовые и политические проблемы, препятствующие легализации внезаконных активов.

Только сильный политический лидер в состоянии выманить закон о собственности из теснин прошлого, приспособить его к потребностям сегодняшнего дня, отойти от чрезмерной увлеченности технологиями и обратиться на благо общества. Без политиков не обойтись, потому что существующие институты нацелены исключительно на защиту status quo. Только политики могут убедить технократию, что необходимо пожертвовать некоторыми интересами и поддержать изменения.

Политическое вмешательство необходимо также и потому, что правительственные организации, надежно защищенные стеклянным колпаком, в общем-то не приспособлены для быстрого проведения широкомасштабных реформ. Обычно они организованы как специализированные отраслевые службы, а эти структуры более уместны в развитых странах, где закон и легальные права собственности уже обеспечены для всех, а потому достаточно только незначительных и постепенных изменений. Создание собственности не схоже с программой приватизации, которая предполагает распродажу одного-двух десятков крупных государственных концернов. Целью реформы собственности является предоставление права собственности на миллионы объектов недвижимости миллионам граждан, причем сделать это нужно в предельно сжатые сроки. А это означает, что примерно половина всей работы связана с обучением и пропагандой. Руководители реформ в сфере собственности должны объяснить населению, каким образом массовый капитализм затронет интересы множества групп, показать им, какие выгоды они при этом получат. Необходимо убедить всех, что эти реформы несут с собой только выгоды и преимущества для каждого гражданина. Что касается внезаконного сектора, то здесь нужно обращаться к его подавляемой энергии, которая может найти себе продуктивное применение в случае легализации и вхождения под крышу закона. Легальный же сектор должен знать, что предлагаемые реформы не повредят законным правам и что все заинтересованные группы в конце концов выиграют.

Создание общедоступной системы собственности — это работа прежде всего для политиков, потому что ею должны руководить люди, понимающие, что конечной целью реформ являются не изящные пункты законов, не сеть суперсовременных компьютеров и не многоцветные карты, полученные в результате аэрофотосъемки земли с предельно высокой разрешающей способностью. Целью реформы, легализующей собственность, является превращение собственности в капитал, который послужит благу всего народа.

Глава 7

Вместо заключения

Где мудрость, разменная нами на знания? Где знания, разменные нами на сведения?
Т. С. Элиот. Песнопения из поэмы «Камень»*

Частный клуб глобализации

За пределами стран Запада капитализм пребывает в кризисе не потому, что проваливается процесс международной глобализации, а потому что развивающиеся и бывшие социалистические страны не смогли «глобализовать» капитал внутри своих стран. Большинство населения этих стран рассматривают капитализм как частный клуб, как дискриминационную систему, которая выгодна только Западу и местным элитам, устроившимся под стеклянным колпаком несправедливого закона.

Во всем мире стало больше людей, которые могут красоваться в обуви фирмы Nike и в часах Casio, но даже украсив свой быт вещами, произведенными на Западе, эти люди отчетливо осознают, что они находятся вне капиталистической игры — у них нет в ней доли. Глобализация не может свестись к установлению взаимосвязей между стеклянными колпаками, прикрывающими

* Элиот Томас Стернз — англо-американский поэт и критик XX в.

привилегированные меньшинства стран третьего мира. Такое существовало и прежде. В XIX в. правящие династии Европы были связаны кровными узами и являлись одной семьей в буквальном смысле. Кузены, находившиеся на тронах Англии, Франции, Голландии, Испании и России, поддерживали постоянные контакты по вопросам коммерции, внутренней и внешней политики. XIX век был периодом триумфа капитализма в промышленно развитых странах, продолжавшимся до тех пор, пока не случились революция в России и Великая депрессия на Западе. Но как отметили испанец Ортега-и-Гасет* и американец Уолтер Лип-ман**, при всей своей силе и изощренности капитализм по-прежнему уязвим. Американский экономист Лестер Туроу напомнил о том, что было в 1941 г., всего более полвека назад:

Соединенные Штаты и Великобритания остались единственными [крупными] капиталистическими странами, сохранившимися на нашей планете... Все остальные страны мира были фашистскими и социалистическими или являлись колониями гибнущих европейских империй. Общемировой кризис 1920—1930-х гг. поставил капитализм на грань исчезновения. Капитализм, который сегодня кажется неодолимым, еще недавно мог погибнуть в результате пары ошибочных решений¹.

Латиноамериканцы это хорошо знают на собственном опыте. С 1820-х гг., освободившись от владычества Испании, они по меньшей мере четырежды пытались стать частью глобального капитализма и всякий раз терпели неудачу. Они реструктурировали долги, брали под контроль инфляцию, осуществляли либерализацию торговли, приватизировали государственную собственность (продали, например, железные дороги британцам) и обменивали на нее долги, а также проводили радикальные налоговые реформы. Что касается бытового потребления, латиноамериканцы импортировали все — от английских твидовых костюмов и ботинок Church до машин «Форд-Модель Т». Они изучали французский и английский по радиопередачам и пластинкам. Они танцевали чарльстон и привыкли к жвачке. Но они так и не научились создавать капитал в значительных количествах.

* Испанский философ и публицист 1920—1950-х гг., один из создателей теории элит. ** Социолог и ведущий публицист 1960—1970-х гг. в США.

Революция в средствах коммуникаций преобразила мир, и некоторые могут счесть знаменем прогресса тот факт, что египетский сфинкс теперь глазеет прямо на неоновую рекламу жареных цыплят из Кентукки. Но при этом только 25 из 200 стран мира производят капитал в достаточном количестве, чтобы получать полную выгоду от участия в мировой системе разделения труда. Источником жизненной силы капитализма являются не Интернет и не сети ресторанчиков быстрого питания. Это — *капитал*. Только капитал предоставляет средства для поддержки специализации, для производства товаров и обмена ими на мировых рынках. Только капитал в состоянии обеспечить рост производительности труда и богатства народов.

И при этом лишь западный мир и незначительные группы богатых людей в развивающихся и бывших социалистических странах обладают законной собственностью, а в силу этого и возможностью породить и эффективно использовать капитал. За пределами Запада капитализм воспринимается все более враждебно, как режим апартеида, закрытый для большинства населения. Даже некоторые национальные элиты начинают понимать, что им никогда не получить достойного места в мировой капиталистической игре, если они вечно будут зависеть от милости иностранного капитала. Они не властны над собственной судьбой, и это сознание удручает. Подключившись к процессу глобализации, но не обеспечив свои народы средствами для производства капитала, они все более ощущают себя не в Соединенных Штатах, а в мелочно-торгашеской Латинской Америке, погрязшей в хаосе внезаконной деятельности². Десять лет назад мало кто рискнул бы даже намекнуть на сходство между странами Варшавского блока и Латинской Америкой. Но сегодня они кажутся почти близнецами: мощная теневая экономика, вопиющее неравенство, вездесущие мафии, политическая нестабильность, бегство капитала и пренебрежение законом.

Вот почему повсюду за пределами Запада сторонники капитализма находятся на оборонительных позициях. Всего десятилетие назад они были на подъеме, но сейчас их все в большей степени воспринимают как поборников нищеты и несправедливости для большинства населения. Например, в 1999 г. обладающая консультативными функциями верхняя палата египетского парламента предупредила правительство, чтобы оно «не попадалось больше в ловушку лозунгов строительства капитализма и глобализации»³. Сторонники капитализма позволили себе забыть о жизненно важной роли капитала и тем самым оказались в ряду защитников *status quo*, которые слепо хлопочут о незыблемости существующих государственных законов, грубо дискриминационных по отношению к большинству населения.

А законы в этих странах именно таковы. Как показано в главе 2, не менее 80% их населения не в силах вдохнуть жизнь в свою недвижимость и сделать ее источником капитала, потому что закон перекрывает им доступ к законным формам частной собственности. Они в буквальном смысле слова сидят на триллионах долларов омертвленного капитала, как если бы это было замкнутое озеро, оттуда вода бесполезно уходит в бесплодный песок, вместо того чтобы образовать мощный живительный поток, энергия которого может быть использована с превеликой выгодой. Люди владеют недвижимостью и используют ее в соответствии со множеством не связанных между собой внезаконных соглашений, предусматривающих только локальную ответственность. При отсутствии общего стандарта, предполагаемого единством легальных установлений собственности, им недостает языка, вводящего

активы в контакт между собой. Бесплезно уговаривать их потерпеть до тех пор, пока до них дойдут выгоды капиталистической организации жизни. Этого не будет, если не изменятся законные установления в области права собственности.

Сеятелям капитализма, чванящимся победой над социализмом, еще предстоит понять, что макроэкономических реформ самих по себе недостаточно. Не следует забывать, что толчком к глобализации послужило то, что развивающиеся и бывшие социалистические страны, некогда наглухо изолированные, занялись открытием своих рынков, стабилизацией валюты и принятием законов, делающих возможными международную торговлю и частные инвестиции. Все это прекрасно. Не столь прекрасно лишь то, что проводимые реформы предполагают, будто население этих стран уже интегрировано в сферу легальной хозяйственной деятельности, а значит, имеет равные возможности для использования своих активов на открытом рынке. Но это не так.

Как я показал в главе 3, большинство людей не имеют возможности участвовать в деятельности национальных и международных рынков, потому что у них нет доступа к легальной системе прав собственности, которая одна выделяет в активах их общую родовую сущность и придает им ликвидность, а собственникам — ответственность. Пока активы большинства не оформлены надежными документами и не попали в русло дееспособного бюрократического механизма, они остаются экономически бесплотными и бесплодными.

Достигнув с помощью точных данных стабилизации и корректировки хозяйственных пропорций, макроэкономические программы глобализаторов резко повысили рациональность управления экономикой в развивающихся странах. Но поскольку их данные не отражали того факта, что большинство людей не обладают правами собственности, они проделали только часть работы, необходимой для создания капиталистической системы и эффективного рыночного хозяйства. Их инструменты разработаны для стран, где упорядоченный закон подвергся внутренней глобализации, так что наличествует действенная и открытая для всех система прав собственности, образующая связь между эффективными методами денежной и инвестиционной политики, то есть все то, чего пока еще нет за пределами Запада.

Слишком многим политикам присущ олимпийский взгляд на процесс глобализации. Стоит им добиться стабилизации и структурной корректировки на макроуровне, обеспечить процветание иностранных инвесторов и легального бизнеса и отдать контроль денежного обращения в руки ортодоксальных экономистов, как они считают, что выполнили свой долг. Поскольку вся их политика нацелена только на агрегированные показатели, им не интересно знать, есть ли у людей возможности для участия в жизни национального и международного рынков. Они забыли, что все изменения происходят только через людей. Они забыли о нуждах бедняков. Причина этой поразительной забывчивости только в том, что они не привыкли использовать концепцию *классов*. Как сказал один из выдающихся ученых, им не дано «понять даже весьма приблизительно, как живут другие»⁴.

Реформаторы оставили решение вопроса о собственности неимущим консервативной верхушке корпорации законников, не заинтересованных в изменении *status quo*. Поэтому активы большинства граждан остаются мертвым капиталом, запертым в границах внелегального сектора. Вот почему в апологетах идей глобализации и свободного рынка начинают видеть самодовольных защитников интересов тех, кто господствует в пространстве, защищенном стеклянным колпаком.

Прислушаемся к Марксу

Большинство программ экономических реформ в бедных странах попадают в ловушку, предвиденную Карлом Марксом: главное противоречие капитализма, которое готовит его неперемнную гибель, в процессе концентрации капитала в руках незначительного меньшинства. Не обеспечивая большинству населения доступ к рынкам, реформы оставляют плодороднейшую почву для классовой вражды между малочисленным классом привилегированных (капиталистов), сумевших легализовать свои права собственности, и относительно малоимущим большинством граждан, которые не имеют доступа к полноте прав собственности, а потому не могут обращать свое имущество в капитал.

Классовая борьба в наши дни? Разве все эти идеи не рассыпались вместе с Берлинской стеной? К несчастью, нет. Это трудно понять гражданам западных стран, потому что там люди, выпавшие из системы или не вошедшие в нее, живут в замкнутых гетто. Но в развивающихся и бывших социалистических странах нищета носит иной, «открытый» характер — она присутствует повсеместно. В этих странах в «гетто» заперты богатые и благополучные. Те, кого на Западе относят к низшим слоям общества, здесь составляют большинство населения. В прошлом, когда их растущие притязания повисали в воздухе, эти массы обозленных бедняков умели поставить на колени казалось бы несокрушимые правящие элиты (как в Иране, Индонезии и Венесуэле). В большинстве стран за пределами Запада устойчивость правительств зависит от ловкости и преданности тайной полиции, а их высшие круги с полным основанием отгораживаются от сограждан крепостными стенами.

Сегодня различие между развитыми странами и остальным миром в значительной части сводится к тому, что в первых легальная собственность открыта для каждого, а у всех других общество разделено на классы — на тех, кто в состоянии легально зафиксировать свои права собственности и создавать капитал, и на тех, кто лишен подобной возможности. Если внелегальные права собственности не будут легализованы, эти общества так и будут бестолково мучиться со своими раздвоенными системами национального хозяйства, состоящего из так называемого «законопослушного» сектора, с одной стороны, и небогатого

внелегального сектора — с другой. Но поскольку средства массовой информации продолжают совершенствоваться и бедные все лучше осведомлены о том, что они могли бы иметь, ненависть к системе правового апартеида непременно будет расти. Настанет день, когда большинство, живущее за пределами стеклянного колпака, окажется под знаменами ловких бунтовщиков, оседлавших недовольство масс. «Если мы не найдем способа сделать процесс глобализации более открытым, — говорит Клаус Шваб, обращаясь к Всемирному экономическому форуму, — нас ждет возрождение обычных в истории острых социальных конфликтов, которые обретут международный характер и оттого станут еще опаснее»⁵.

Холодная война, может быть, и кончилась, но старые классовые распри никуда не делись. Размах подрывной политической деятельности и повсеместный рост этнических и культурных конфликтов доказывают, что, когда острое недовольство становится массовым, люди объединяются в классы по признаку общей обиды и ущемления прав. «Newsweek» отмечает, что после 1980-х гг. на Американском континенте «у каждого конфликта были свои особенности, но нападающие неизменно чернили общего для всех врага — новый облик латиноамериканского капитализма»⁶. В такого рода ситуациях у марксизма есть важные преимущества перед капиталистической наукой, которая не предлагает серьезной стратегии по отношению к неимущим обитателям внелегального сектора. У капиталистов обычно отсутствует системное объяснение того, что за люди образуют низшие слои общества и как следует изменить систему, чтобы помочь им подняться.

Не стоит недооценивать потенциального влияния целостной теории Маркса в эпоху, когда массы потерявшие надежды люди начинают поиск единого мировоззрения, на которое можно опереться в борьбе за улучшение своих экономических перспектив. Периоды экономического подъема не способствуют серьезным размышлениям. Зато кризисы пробуждают мыслительные способности и плодят одержимость. В какой бы форме ни возродился марксизм — а этого не избежать, — он предложит гораздо более мощные объяснения политических проблем капитализма в развивающихся и бывших социалистических странах, чем капиталистические мыслители.

Как отметил недавно Джордж Сорос*, Маркс понимал капитал глубже, чем Адам Смит. Для Маркса ясно было, что «деньги и товары, точно так же, как жизненные средства и средства производства, отнюдь не являются капиталом сами по себе. Они должны быть превращены в капитал»⁸. Он также знал, что недвижимость, ставшая товаром и обращающаяся на рынке, может стать выражением ценностей, не воспринимаемых чувствами, но пригодных для получения дохода. Для Маркса вопрос о собственности был важен, потому что он сумел увидеть: владельцы земли получают в свое распоряжение нечто гораздо более важное, чем потенциальное плодородие. Именно поэтому марксистский инструментарий предлагает антикапиталистически настроенным бунтарям убедительные объяснения, почему система частной собственности передает все богатства в руки богатых и делает это за счет бедняков.

Это не всеми замечено, но арсенал антикапиталистической и антиглобалистской пропаганды наращивается. Сегодня антикапиталистические агитаторы могут использовать серьезную статистику, доказывающую, что капитализм осуществляет передачу собственности от бедных стран богатым и что частные западные инвестиции в развивающихся странах представляют собой, в сущности, захват их ресурсов многонациональными компаниями. За прошлое десятилетие в развивающихся и бывших социалистических странах резко возросло число шикарных автомобилей, роскошных домов и великолепных магазинов, но одновременно увеличилось и число бедняков. Исследования, проведенные Нэнси Бердселл и Хуаном Луисом Лондоно, показы-

* Современный американский финансист и филантроп.

вают, что в прошедшем десятилетии рост нищеты ускорился, а распределение доходов стало менее благоприятным⁹. Согласно опубликованному в 1999 г. обзору ООН, посвященному развитию людских ресурсов, ВВП в Российской Федерации в 1990—1997 гг. упал на 41%, в результате чего миллионы людей были выдвинуты во внелегальный сектор. Продолжительность жизни российских мужчин упала на четыре года — до 58 лет. В обзоре вина за это возлагается на переход к капитализму и на процесс глобализации.

Результаты этих исследований служат нам своевременным предупреждающим сигналом, но при этом образуют заряд интеллектуальной взрывчатки, способной остановить программы приватизации и процесс глобализации капитализма. Поэтому важно, осознавая потенциальное влияние марксизма, в полной мере использовать уроки столетия, истекшего после смерти Маркса. Сегодня мы в состоянии продемонстрировать: Маркс, отчетливо понимая, что параллельно с физическим существованием средства производства могут жить экономической жизнью — «продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью»¹⁰, — так и не увидел, что легальная собственность — это не просто инструмент присвоения, но также средство, поощряющее производство дополнительных потребительских ценностей. Он не понимал и того, что только механизмы, содержащиеся в системе частной собственности, способны сообщить средствам производства и вложенному в них труду форму, необходимую для рождения капитала. Хотя Марксов анализ того, каким образом средства производства через участие в обмене выходят за собственные пределы и начинают служить более обширным социальным целям, принципиально важен для понимания природы богатства, он не объясняет, в какой степени система законных прав собственности может послужить повышению меновой ценности.

Маркс лучше любого из своих современников знал, что для экономиста нет большей слепоты, чем воспринимать средства производства исключительно в их материальной ипостаси. Он полностью отдавал себе отчет, что капитал — это независимая сущность, для которой деньги и товары являются простыми формами, которые он принимает и отбрасывает по мере необходимости¹¹. Но, видимо, он жил слишком рано, чтобы понять, каким образом легальность прав собственности может заставить те же ресурсы обслуживать дополнительные функции и производить дополнительные ценности. В силу этого вне поля зрения Маркса оказалось выгода от увеличения в обществе числа собственников. В его время титулы собственности представляли собой только видимую верхушку растущего айсберга легальной системы прав собственности. В настоящее время подводная часть айсберга представляет собой гигантский механизм реализации экономического потенциала активов. Вот почему Маркс не вполне понимал, что легальная собственность представляет собой необходимый процесс связывания и развертывания капитала, что, не используя механизмы собственности, человечество не сможет придать плодам своего труда родовую сущность, допускающую их дифференциацию, комбинирование и инвестирование для производства дополнительных ценностей. Он не увидел, что хорошо организованная легальная система собственности, подобно складному ножу, которыми экипированы швейцарские военные, обладает поразительным разнообразием механизмов, не сводимых к одному элементарному «владению имуществом».

Изменились времена, и значительная часть идей Маркса устарела. Доступ к капиталу перестал быть привилегией немногих. Уже после смерти Маркса Запад наконец смог создать правовой механизм, предоставивший большинству населения доступ к собственности и к средствам производства. Маркс, скорее всего, был бы шокирован тем фактом, что подавляющее большинство населения развивающихся стран состоит не из бесправных пролетариев, а из лишенных полноты прав мелких предпринимателей, внезаконно владеющих довольно значительным имуществом.

Восхищение хорошо устроенными системами собственности не должно заставить нас то, что, как отмечал Маркс, эти системы могут быть использованы для воровства. В мире всегда будет полно умельцев, которые с помощью документов на право собственности смогут подчистую обобрать простодушных граждан. Но это вовсе не повод отвергать сам институт частной собственности. Ведь мы не отказываемся от автомобилей и компьютеров только потому, что они используются и в преступных целях. Если бы Маркс был жив и увидел, как происходило растранирование ресурсов по обе стороны железного занавеса, он, пожалуй, согласился бы, что мародерство возможно и без системы частной собственности и что при любой форме собственности для борьбы с воровством нужна власть. Кроме того, хотя Маркс придал очень специфическое значение понятию «прибавочная стоимость»*, мы вольны толковать это понятие намного шире. Люди всегда производили дополнительные ценности, например пирамиды, кафедральные соборы, хорошо вооруженные и многочисленные армии. На современном Западе источником значительной части дополнительных ценностей является не грабительски экспроприированное время труда, а коренящиеся в институте частной собственности механизмы, которые позволили извлекать дополнительную пользу из принадлежащего людям имущества.

Маркс, как и всякий человек, находился под влиянием социальных условий и технологий своего времени. Экспроприация мелких собственников, феодальные права землевладельцев, присвоение и огораживание общинных земель, порабощение туземного населения, ограбление покоренных народов, торговля чернокожими — все это вполне могло быть важными формами того, что Маркс называл «первоначальным накоплением капитала». Сегодня ничто из этого не возможно. Изменились нормы, вкусы и установки — в том числе под влиянием работ самого Маркса. Современные государства неодобрительно относятся к рабству, мародерству и колониальным захватам. Большинство государств земли подписали Всеобщую декларацию прав человека, а их конституции гарантируют своим гражданам равенство доступа к правам собственности.

Более того, как мы видели в главе 6, власти развивающихся стран не вполне лишили своих бедняков доступа к собственности. В крупных городах бывших соцстран и стран третьего мира внезаконный бизнес и жилища не имеют законных титулов собственности, но правительства, пусть и молчаливо, смирились с их существованием и с внезаконными установлениями собственности. В XX столетии во многих развивающихся странах прошли аграрные реформы, в результате которых беднейшие слои фер-

* По Марксу, прибавочная стоимость (surplus value) — это часть вновь созданной ценности (стоимости), присваиваемая капиталистами.

меров получили наделы земли (хотя и без легального титула собственности, позволяющего обращать их владения в капитал). Правительства этих стран охотно тратили деньги на решение вопросов собственности. Миллиарды долларов ушли на создание механизмов регистрации операций с недвижимостью.

Собственность делает капитал «дружелюбным»

В этой книге я попытался продемонстрировать, что мы знаем уже достаточно, чтобы рассчитывать на существенное продвижение вперед. Теперь мы можем выйти за пределы традиционных дебатов о собственности, застывших на противостоянии «правых» и «левых», и забыть наконец об этих старых битвах. Легальная собственность — это нечто большее, чем просто владение имуществом. В главе 3 мы

показали, что отношения собственности предоставляют в распоряжение людей инструменты, позволяющие сосредоточиться на тех аспектах ресурсов, из которых можно извлечь капитал. Легальная собственность — это и нечто большее, чем система регистрации операций с недвижимостью. Она стимулирует мысль, преобразующую активы таким образом, что с ними можно работать и порождать дополнительную ценность. Вот почему так важно, чтобы институт легальной собственности был общедоступен: каждый должен стать участником общественного договора, позволяющего людям сотрудничать ради повышения производительности общественного труда.

Хорошо организованную систему легальной собственности отличает ее «дружелюбность». Она упорядочивает знания о зарегистрированных активах так, что ими легко управлять. Она собирает, объединяет и систематизирует не только данные об активах и их экономическом потенциале, но и наши идеи обо всем этом. Короче говоря, капитал возник благодаря способности Запада использовать легальные системы собственности как механизм виртуального отражения ресурсов. И только в виртуальной плоскости ум разных людей может заниматься вопросом об использовании ресурсов с наилучшим результатом для человечества.

Революционный вклад интегрированных систем собственности заключается в том, что они решают базовую проблему познания. Пяти наших чувств недостаточно для постижения и переработки всей рыночной информации, особенно когда речь идет о мировых рынках. Нам нужно выжать из экономической информации о нас самих и наших ресурсах самую суть, чтобы наше сознание легко схватывало это. Именно так ведет себя хорошая система собственности — она преобразует активы в такую форму, которая способствует выявлению их сходства, различий и возможности взаимодействия. Система отражает объекты собственности во множестве документальных свидетельств, которые позволяют отслеживать их движения в пространстве и во времени. Кроме того, она выделяет родовое свойство активов, обеспечивающее возможность их делить, комбинировать и мобилизовать для получения особенно продуктивных сочетаний. Эта способность института собственности преобразовывать активы в форму, разрешающую находить особенно эффективные виды их использования, представляет собой главную пружину экономического роста, поскольку он всегда является результатом способности получать из малоценных ресурсов все более и более ценные продукты переработки.

Хорошо организованная система собственности есть опосредующий инструмент, с помощью которого мы можем понимать друг друга, устанавливая связи и синтезировать повышающее производительность знание об активах. Это способ представления реальности, позволяющий нам преодолевать ограниченность наших пяти чувств. Хорошо сконструированная система документального сопровождения операций с объектами собственности способствует выявлению их экономического потенциала и умножению возможностей их использования. Эти документы не «просто бумага»: это инструменты, пролагающие путь к полезным знаниям о вещах, ранее недоступным.

Перефразируя Фому Аквинского*, как документы направляют наше знание о вещах, так «лучник метит стрелу прямо в цель»¹². Документы о собственности, упорядочивая наши знания об экономических свойствах вещей, позволяют снижать расходы на

* Католический богослов и философ XIII в.

операции с ними и, соответственно, повышать их ценность. Эта идея была сформулирована и доказана нобелевским лауреатом Роналдом Коузом. В статье «Природа фирмы» Коуз показал, что обеспечиваемые внутри фирмы контроль и координация позволяют существенно снизить величину транзакционных издержек¹³. В этом смысле системы собственности подобны фирме Коуза — контролируемая среда, делающая возможным сокращение транзакционных издержек.

Способность собственности выявлять капитал, латентным образом присутствующий в накопленных нами активах, рождена наилучшей интеллектуальной традицией — во имя процветания устанавливать контроль над окружающей средой. Лучшие умы человечества тысячелетиями убеждали нас, что возможны разные уровни реальности и многие из них невидимы, так что для постижения их необходимы особого рода инструменты, переводящие их в форму, доступную для восприятия. В знаменитой метафоре Платона мы, люди, уподоблены узнику, сидящему спиной ко входу в пещеру, так что все наши знания о мире мы можем черпать только из наблюдений за тенями на стене. И действительно, многие важные вещи и отношения недоступны прямому наблюдению. Вот почему в ходе развития цивилизации люди разрабатывали особые методы выражения виртуальных аспектов реальности в форме, доступной для восприятия и постижения.

Маргарет Боуден следующим образом формулирует это: «Системы символов относятся к числу самых важных творений человеческого разума. Их примерами могут служить арабская система счисления (включая ноль), химические символы или нотный стан, четвертные и половинные ноты, используемые музыкантами. Самым последним примером являются языки [компьютерного] программирования»¹⁴. Символы, используемые в математике и в системах собственности, позволяют нам упорядочивать сложную информацию о мире и манипулировать ею, иными словами, понимать и обсуждать вопросы, которые при любом другом подходе не даются нашему сознанию. Они представляют собой то, что философ Даньел Деннетт назвал «протезное расширение ума»¹⁵. С помощью систем символов мы делаем доступными для восприятия и осмысления виртуальные аспекты этого мира. Философ Джон Серл* заметил, что люди в силу взаимных соглашений могут приписывать «новый статус одному и тому же явлению, где этот статус имеет

сопутствующую функцию, для реализации которой недостаточно только физических свойств данного явления»¹⁶. Мне кажется, что это очень близко к тому, что делает легальная система собственности: она присваивает активам (в концептуальном пространстве и на основании общественного договора) статус, позволяющий им выполнять функции, ведущие к возникновению капитала.

Мысль о том, что мы используем для организации реальности концептуальные пространства, является центром философского анализа. Французский философ Мишель Фуко обозначил это как область коммуникаций (*region mediane*), представленную основными кодами (*codes fondamentaux*), образующими тайную сеть, посредством которой постоянно расширяется потенциал (*les conditions de possibilite*) общества. Я рассматриваю легальную собственность как своего рода сортировочный узел, дающий нам возможность постоянно наращивать и обращать в капитал потенциал накопленных активов. Мне также очень помогла идея Карла Поппера** о *Мире 3* — о реальности, отличной от *Мира 1* (совокупность материальных объектов) и от *Мира 2* (совокупность интеллектуальных состояний). В рамках *Мира 3* порождения нашего сознания обретают автономное существование и влияют на наши отношения с материальным миром¹⁸. Легальная собственность принадлежит именно этому миру, в котором Запад упорядочивает знания об активах и извлекает из них потенциал для создания капитала.

Таким образом, легальная собственность представляет собой поразительную вещь, намного более важную, чем просто право владеть и распоряжаться имуществом. В отличие от тигров и волков, защищающих свою территорию с помощью когтей и зубов, человек, в физическом отношении не столь уж сильный, для защиты территории научился использовать продукт своего ума — правовые установления. Произошло это более или менее бессознательно. Созданная Западом для разрешения территориальных

* Американский лингвист и философ второй половины XX в.

** Английский философ и социолог XX в.

конфликтов система символов, отражающих отношения собственности на землю, зажила собственной жизнью, стала фундаментом базы данных и правил, обеспечивающих фиксацию и реализацию капитала.

Враги порядка

Есть некая ирония в том, что враги капитализма всегда лучше самих капиталистов осознавали виртуальную природу капитала. Именно виртуальный аспект капитализма они считают особенно опасным и коварным. Капитализм, обвиняет Вивиан Форрестер в своем бестселлере «*L'Horreur economique*», «захватил как физическое, так и виртуальное пространство... Он реквизировал и скрыл богатство так, как этого никогда прежде не было; он скрыл его и сделал недостижимым для людей, придав ему форму символов. Символы стали предметом абстрактных операций обмена, осуществляемых в этом самом виртуальном мире»¹⁹. Сознательно или нет, но Форрестер солидаризуется с давней традицией возмущения абстрактностью экономического мышления — теми «метафизическими тонкостями», которые Маркс считал решительно необходимыми для понимания природы богатства и для его накопления²⁰.

Этот страх перед виртуальностью капитала легко понять. Всякий раз, когда цивилизация изобретает очередную систему символов для управления событиями материального мира, людей охватывает подозрительность. Когда Марко Поло* вернулся из путешествия в Китай, он поразил европейцев известием, что китайцы используют не металлические, а бумажные деньги, что было сразу же объявлено злокозненной алхимией. Европейский мир противился символическим деньгам вплоть до XIX в. Новейшие формы денег — электронные деньги и вездесущие кредитные карточки — также были приняты публикой не сразу. Людей охватывает недоверие всякий раз, когда форма существования эквивалентов ценности делается менее материальной и более виртуальной. Новые формы производных ценных бумаг, напри-

* Венецианский путешественник XIII в.

мер облигации, обеспеченные пулом зкладных, расширяют возможности для образования капитала, но зато экономическая жизнь делается еще менее понятной. Поэтому люди предпочитают восхищаться благородными образами взмокших от тяжелого труда сельскохозяйственных и промышленных рабочих Советского Союза или Латинской Америки, а не ускользающими от понимания действиями капиталистов, которые в виртуальном мире компьютерных сетей оперируют акциями и облигациями. В общем, похоже, что работа с абстрактными символами капи-і тала марает руки сильнее, чем грязь и копоть реального производства.

Многие интеллектуалы воспринимали документы на право собственности, подобно всем другим абстрактным символам (от алфавита до денег и языков программирования), как инструмент обмана и угнетения. Неприязненное отношение к системам абстрактных символических обозначений играло подспудную роль в формировании политических идей. В своей книге «*De la Grammatologie*» Жак Деррида* напоминает об утверждении Жан-Жака Руссо, что письменность была важным инструментом установления неравенства между людьми. Руссо считал, что умение писать позволяет управлять составлением законов и официальных документов, а через них и судьбами людей. Клод Леви-Стросс** также доказывал, что «первичная функция письма — способствовать подчинению других»²¹.

Я не хуже любого антикапиталиста знаю о том, как системы символических обозначений, особенно те, которые были введены в оборот при капитализме, использовались для эксплуатации и порабощения и благодаря им многие оказывались отданными на милость и усмотрение горстки правителей. Я и в этой книге говорю о том, что официальные документы становятся подчас инструментами открытого господства. Но нельзя не признать: искусства и науки, применяющие системы символов, являются важнейшей опорой современного общества. Можно сколько угодно бранить и ниспровергать письменность, электронные деньги, компьютеры и документы на право собственности, но

*Современный французский философ.

**Французский этнограф и социолог.

они никуда не исчезнут. Намного полезнее работать над тем, чтобы системы символов стали проще, а правила работы с ними понятнее и чтобы люди учились более эффективно оперировать в виртуальной среде абстрактного знания. В противном случае нас ждет увековечение правового апартеида, а инструменты создания богатства навсегда останутся в руках тех, кому посчастливилось попасть под стеклянный колпак.

Важна ли культура для преуспевания при капитализме?

Билл Гейтс* — самый удачливый и богатый предприниматель мира. Если оставить в стороне личную одаренность, какую часть его успеха можно объяснить культурной традицией и привитой ему «протестантской этикой»**? А какую роль в его успехе сыграла действующая в Соединенных Штатах легальная система собственности?

Сколько компьютерных программ он смог бы запустить в оборот, если бы их не защищали патенты? Сколько сделок и долгосрочных проектов он смог бы осуществить, если бы закон не гарантировал ему выполнение контрактов? На какой риск он мог бы отважиться в начале своего восхождения, если бы не возможность использовать форму корпорации с ограниченной ответственностью и не существование системы страхования рисков? Какой капитал смог бы он собрать, если бы не система регистрации деловых операций? Сколько ресурсов он смог бы накопить, если бы не ликвидность ценных бумаг? Скольких людей он смог бы сделать миллионерами, не имея возможности привлекать их и стимулировать опционами на акции? Получал бы он выгоду от масштаба операций, если бы люди его корпорации вынуждены были прятаться от сил «правопорядка»? Каким образом он смог бы передать права на свою империю детям и коллегам, если бы не институт наследования собственности?

* Человек, создавший гигантскую империю программирования Microsoft.

** О протестантской этике как факторе экономического подъема Северной Америки писал известный социолог М. Вебер.

Не думаю, что Билл Гейтс или любой другой западный предприниматель смог бы добиться успеха при отсутствии системы прав собственности, опирающейся на эффективный и дееспособный общественный договор. Прежде чем согласиться с аргументами любого брахмана*, защищенного стеклянным колпаком и доказывающего, что успех при капитализме достается представителям определенной культурной традиции, я смиренно предлагаю попытаться представить, что случится в развивающихся и бывших социалистических странах, когда они заведут адекватную систему прав собственности, дающую каждому возможность создавать капитал.

На протяжении истории люди ошибочно отождествляли продуктивность и эффективность принятых систем символических обозначений с наследственными ценностями своей культуры. Они забывали, что успех определенной группы людей зачастую приносит новаторское использование систем символических обозначений, принадлежащих совершенно иной культуре. Например, народам Северной Европы пришлось скопировать правовые институты Древнего Рима, чтобы упорядочить свою общественную жизнь, а для хранения и обмена информацией им пришлось выучить греческий алфавит и арабскую систему счисления. Сегодня мало кто понимает, сколь большие преимущества получили западные общества вследствие заимствования систем легальной собственности. Многие западные люди пребывают в заблуждении, что успешность их капиталистических обществ есть результат унаследованной трудовой этики или экзистенциальной боли, воспитываемой религиозной традицией**. При этом даже не задумываются о том факте, что во всем мире люди, когда есть такая возможность, трудятся со всем усердием, а экзистенциальное беспокойство или властная мать*** не являются монополией кальвинистов или евреев. (Лично я мучаюсь неиз-

* Ироническое уподобление современных идеологов брахманам (высшая каста древнеиндийских жрецов религии брахманизма).

** Протестантизм объявляет *трудовые страдания* неизбежным наказанием за грехопадение человечества.

*** В иудейской традиции трудолюбие должно воспитываться с младенчества, а до шести лет ребенком занимается преимущественно мать.

вестностью не менее любого кальвиниста в истории, особенно по воскресным вечерам, а если мериться деспотичностью матерей, то моя перуанская не уступит ни одной нью-йоркской матроне.) В общем, вместо исследований, которые могли бы объяснить причины поражения капитализма за пределами Запада, мы имеем массу непроверенных и большей частью не допускающих точной оценки предположений, сводящихся исключительно к наклеиванию ярлычка «культура». Главный результат такого положения: слишком многие привилегированные обитатели разбросанных по миру островков благополучия имеют возможность наслаждаться сознанием своего превосходства.

В один прекрасный день под влиянием благого действия разумных политических институтов и законов о собственности эти культурные предрассудки отпадут, как луковая шелуха. А в настоящее время, по наблюдению Фариды Закария из «Foreign Affairs» дело обстоит так:

Культура — это рискованный сюжет. Говоря о культуре, я не имею в виду ни Вагнера, ни абстрактный экспрессионизм — о них всегда приходилось говорить с осмотрительностью. Я имею в виду культуру как объяснение социальных явлений... Ссылки на культуру популярны, потому что интеллектуалам это по вкусу. Они сделали престижным детальное знание истории, ведь в этом интеллектуалам нет равных. Они вносят в изучение обществ дух тайны и труднодостижимости... Но ведь саму культуру можно изменить. За многими культурными вкусами, установками и предпочтениями лежат сформировавшие их политические и экономические силы²².

Я далек от мысли, будто культура не в счет. У любого человека на земле есть определенные предпочтения, навыки и шаблоны поведения, которые вполне допустимо рассматривать как элементы культуры. Задача в том, чтобы понять, какие из этих черт являются действительно родовыми, неизменными свойствами людей, а какие определяются действием экономических и правовых факторов. Является ли незаконный захват недвижимости (скваттерство) в Египте и Перу результатом доставшейся от арабов древней неискоренимой привычки к кочевому образу жизни и унаследованной от индейцев кечуа традицией террасного земледелия в Андах? Или же все дело в том, что как в Египте, так и в Перу нужно потратить более 15 лет, чтобы получить в законную собственность участок пустынной земли? По моему опыту, именно последнее является причиной скваттерства. Когда люди могут заселить землю по закону, они так и делают, и только меньшинство, как всегда и во всем, предпочитает действовать незаконно. Формы поведения, которые сегодня склонны объяснять культурным наследием, вовсе не представляют собой неизбежный результат этнических или иных особенностей, а имеют причиной разумную оценку сравнительных издержек и выгод от обращения к услугам легальной системы собственности.

В любой культуре легальная собственность дает свои преимущества, и я сомневаюсь, что сам по себе принцип частной собственности противоречит какой-либо важной культурной традиции. Иммигранты из Индии, Вьетнама и Кубы с изумительной легкостью адаптируются к действующим в США законам о собственности. При правильном подходе закон о собственности может содействовать повышению доверия между культурами и в то же самое время сокращать издержки на совместную деятельность²³. Легальная собственность устанавливает межстрановые валютные курсы и тем самым задает некий общий уровень, облегчающий перспективы совместного ведения бизнеса.

Единственное стоящее дело

Я утверждаю, что в развивающихся и бывших социалистических странах капитализм потерпел неудачу. Он оказался несправедливым и недоступным для тех, кто должны быть его самыми преданными сторонниками, и, вместо того чтобы стать источником надежды и перспективы для всех и каждого, все в большей степени превращается в привилегию для замкнутых кругов бизнесменов и технократов. Надеюсь, что в этой книге мне удалось доказать, что здесь все нетрудно поправить, стоит только правительствам принять, что:

- 1) нужно как следует изучить и задокументировать ситуацию и потенциал малоимущих;
- 2) все люди способны делать сбережения;
- 3) малоимущим недостает легальной системы собственности, которая могла бы преобразовывать их труд и сбережения в капитал;
- 4) мафиозные сообщества и движения гражданского неповиновения — это не проявления маргинальности, а следствие движения миллиардов людей из замкнутых сельских и провинциальных уголков к современной городской цивилизации;
- 5) при соответствующем понимании беднота — это не проблема, а решение;
- 6) организация систем собственности, пригодных для образования капитала, — это политическая задача, потому что требует контакта с народом, понимания смысла общественного договора и реконструкции правовой системы.

С победой над коммунизмом политическая программа капитализма оказалась исчерпанной. Нужна новая повестка дня. Если не видеть того, что текущие экономические реформы создали перспективу только для небольшого числа замкнутых элит и оставили за порогом большую часть человечества, дальнейшие призывы к экономической открытости лишаются всякого смысла. В настоящее время процесс капиталистической глобализации усиливает позиции только этих элит, расположившихся в привилегированном пространстве под стеклянными колпаками. Чтобы устранить эти колпаки и покончить с правовым апартеидом, нужно выйти за границы, очерченные законами современной экономики и права.

Я не являюсь ярким сторонником капитализма. Для меня капитализм — это не основа мировоззрения и не символ веры. Для меня намного важнее свобода, сострадание к бедным, уважение к общественному договору и равенство возможностей. Но в настоящее время только капитализм может помочь в достижении этих целей. Это единственная известная нам система, позволяющая в значительном объеме создавать прибавочный продукт.

Мне нравится третий мир и его люди, потому что они несут в себе волшебные перспективы перехода к капиталистической системе открытых рынков, где царит принцип уважения к желаниям и убеждениям людей. Когда доступ к капиталу будет открыт не только обитателям Запада, но и всем людям Земли, мы сможем освободиться от низменных материальных забот и на крыльях разума воспарить к будущему.

С чем можно сравнить 132,9 млрд дол . внезаконного капитала ? Это :

4- кратная рыночная стоимость 216 отечественных компаний, котируемых на филиппинской фондовой бирже на конец 1997 г . (31,4 млрд дол .);

5- кратная стоимость минеральных ресурсов , добытых за последние 20 лет (1979-1998 гг .);

7- кратная сумма сбережений и срочных вкладов в коммерческих банках Филиппин по состоянию на октябрь 1998 г . (18,8 млрд дол . США);

9- кратный капитал государственных предприятий Филиппин по состоянию на конец 1998 г . (14,3 млрд дол . США);

14- кратная величина прямых иностранных инвестиций на Филиппинах за период с 1973 г . по сентябрь 1998 г . (9,6 млрд дол .).

С чем можно сравнить 74,2 млрд дол . внезаконного капитала ? Это :

2- кратная рыночная стоимость 216 отечественных компаний , котируемых на фондовой бирже на конец 1995 г .;

2- кратная совокупная стоимость активов 1000 крупнейших частных легальных корпораций ;

8- кратная сумма сбережений и срочных вкладов в коммерческих банках Перу , 1995 г .;

11- кратный капитал крупнейших государственных предприятий Перу в случае их приватизации ;

14- кратная величина прямых иностранных инвестиций в Перу по состоянию на 1995 г .

С чем можно сравнить 5,2 млрд дол . внезаконного капитала ? Это :

4- кратная совокупная стоимость активов 123 крупнейших частных легальных корпораций ;

9- кратный капитал крупнейших государственных предприятий Гаити в случае их приватизации ;

11- кратная сумма сбережений и срочных вкладов в коммерческих банках Гаити , 1995 г .;

158- кратная величина прямых иностранных инвестиций на Гаити по состоянию на 1995 г .

С чем можно сравнить 241,2 млрд дол . внезаконного капитала ? Это :

6- кратная сумма сбережений и срочных вкладов в коммерческих банках Египта ;

13- кратные накопленные чистые резервы в иностранной валюте по состоянию на 1996 г .;

16- кратные совокупные вложения частных фирм в легальные активы , простимулированные Законом об инвестициях ;

30- кратная рыночная стоимость 746 компаний , зарегистрировавшихся на Каирской фондовой бирже ради привилегий , предоставленных Законом о рынке капиталов ;

55- кратная величина прямых иностранных инвестиций в Египте по состоянию на 1996 г .; 116- кратный капитал 63 крупнейших государственных предприятий Египта , приватизированных в 1992-1996 гг .

Примечания

Глава 1

¹ Wood G. S. *Inventing American Capitalism* // *New York Review of Books*, 1994, June 9. P.49.

Глава 2

¹ *Pisani D.J. Water, Land, and Law in the West: The Limits of Public Policy, 1850-1920.* Lawrence: University Press of Kansas, 1996. P.51.

² См. комментарии архитектора *Альберта Мангонезе* // *Conjonction*, 1973, February-March, № 119. P.11.

³ *Rolfes L.J.Jr. The Struggle for Private Land Rights in Russia* // *Economic Reform Today*, 1996, № 1. P. 12.

Глава 3

¹ *Smith A. The Wealth of Nations.* London: Everyman's Library, 1977, former vol.1. P.242. [*Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов // *Антология экономической классики.* В. Петти, А. Смит, Д. Рикардо. М.: «Эконов»-«Ключ», 1993. С.307.]

² *Ibidem.* P.295. { *Смит А.* Там же. С.357. }

³ *Simonde S. de. Nouveaux principes d'economie politique.* Paris: Calmann-Levy, 1827. P.81-82.

⁴ *Say J. B. Traite d'economie politique.* Paris: Deterville, 1819, vol.2. P.429.

⁵ *Marx K., Engkel F. Collected Works.* New York: International Publishers, 1996, vol.35. P.82. [*Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд.2. Т.23. С.81.]

⁶ *Smith A. Op. cit.* P.242. [*Смит А.* Указ. соч. С.320.]

⁷ *Ibidem.* P.286. [Там же. С.348.]

⁸ *Dreyfus H. L., Rabinow P.* Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics. Chicago: Harvester, University of Chicago, 1982. P.211.

⁹ *Miller G. A., Johnson-Laird Ph. N.* Language and Perception. Cambridge: Harvard University Press, 1976. P.578.

¹⁰ *Heinsohn G., Steiger O.* The Property Theory of Interest and Money. [Неопубликованная рукопись, 2-я редакция, 1998, October. P.22.]

¹¹ Ibidem. P.43.

¹² Ibidem. P.38.

¹³ *Bethell T.* The Noblest Triumph. New York: St. Martin's Press, 1998. P.9

¹⁴ *Braudel F.* The Wheels of Commerce. New York: Harper and Row, 1982. P.248.

Глава 4

¹ Survey the Internet // Economist, 1995, July 1. P. 4-5.

² *Blount J.* Latin Trade // News Finance, 1997, January 20.

³ *Emerson T., Laris M.* Migration // Newsweek, 1995, December 4.

⁴ *Boldrick H.* Reaching Turkey's Spontaneous Settlements // World Bank Policy, 1996, April-June.

⁵ Solving the Squatter Problem // Business World, 1995, May 10.

⁶ Newsweek, 1998, March 23.

⁷ Economist, 1998, June 6.

⁸ *El-Batran M., El-Kholei A.* Gender and Rehousing in Egypt. Cairo: Royal Netherlands Embassy, 1996. P.24.

⁹ *Barthelemy G.* L'extension des lotissements sauvages a usage populaire en milieu urbain ou Paysans, Villes et Bidonvilles en Haiti: Aperfus et reflexions, June 1996. Port-au-Prince, offprint, June 1996.

¹⁰ *Blount J.* Op. cit.

¹¹ *Rolfes L.J., Jr.* The Struggle for Private Land Rights in Russia// Economic Reform Today, 1996, № 1.

¹² Official journal of the National Geographic Society (Millennium in Maps), 1998, October, № 4.

¹³ *Stewart. D.* AIPE. 1997, December.

¹⁴ *Moffett M.* The Amazon Jungle Had an Eager Buyer, but Was It for Sale? // Wall Street Journal, 1997, January 30.

¹⁵ *Fass S.* Political Economy in Haiti: The Drama of Survival. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1988. P.xxiv —xxv.

¹⁶ *Soliman A. M.* Legitimizing Informal Housing: Accommodating Low-Income Groups in Alexandria, Egypt // Environment and Urbanization, 1996, April, vol.8, Ml.P.190-191.

¹⁷ Reuters. Financial Review, 1992, May 11. P.45.

¹⁸ *Zarembo M.* Newsweek, 1997, July 7.

¹⁹ Economist, 1994, March 5.

²⁰ Economist, 1995, May 6.

²¹ Terrenos de Gamarra valen tres veces mas que en el centro de Lima // El Comercio, 1995, April 25.

²² *Vries J. de.* Economy of Europe in an Age of Crisis, 1600-1750. Cambridge: Cambridge University Press, 1976; *Coleman D. C* Revisions in Mercantilism. London: Methuen, 1969; *Clapham J. H.* The Economic Development of France and Germany, 1815-1914. Cambridge: Cambridge University Press, 1963; *Heckscher E.* Mercantilism / Ed. Soderland E. F. London: George Allen & Un-win, 1934.

²³ *Reid J.* Respuestas al primer cuestionario del ILD. Lima: Meca, 1985.

²⁴ *Coleman D. C* The Economy of England, 1450-1750. London: Oxford University Press, 1977. P.18-19.

²⁵ Ibidem. P.58-59.

²⁶ *Heckscher E.* Op. cit. Vol.1. P.323.

²⁷ Ibidem. P.241.

²⁸ *Ekelund R. B., Jr., Tollison R.* Mercantilism as a Rent-Seeking Society. College Station: Texas A & M University Press, 1981, Chapter 1.

²⁹ *Heckscher E.* Op. cit. P.239-244.

³⁰ *Coleman D. C* The Economy of England... P. 74.

³¹ *Heckscher E.* Op. cit. P.244.

³² *Clapham J. H.* Economic Development of France and Germany... P.323-325.

³³ Ответы Джоузефа Рейда на второй вопросник Института свободы и демократии. Машинопись, библиотека ILD, 1985; *Heckscher E.* Op. cit. P.247, 251.

³⁴ *Wilson C.* Mercantilism. London: Routledge & Kegan Paul, 1963. P.27.

³⁵ *Coleman D. C* The Economy of England... P.105.

Глава 5

¹ *Philbrick F. S.* Changing Conceptions of Property Law // University of Pennsylvania Law Review, 1938, May, vol.86. P.691.

² *Bailyn B.* The Peopling of British. North America: An Introduction. New York: 1986. P.5.

³ *Hoffer P. Ch.* Law and People in Colonial America. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998. P.I-2.

⁴ Ibidem. P.xii.

⁵ *Konig D. T.* Community Custom and the Common Law: Social Change and the Development of Land Law in Seventeenth-Century Massachusetts // Land Law and Real Property in American History: Major Historical Interpretations / Ed. Hall K. New York: Garland Publishing, 1987. P.339.

- ⁶ Ibidem. P.319-320.
- ⁷ Ibidem. P.320.
- ⁸ Ibidem. P.323.
- ⁹ Ibidem. P.324.
- ¹⁰ Ibidem. P.349.
- ¹¹ *Hoffer P. Ch. Op. cit. P.15.*
- ¹² *Ford A. C. Colonial Precedents of Our National Land System as It Existed in 1800. Philadelphia: Porcupine Press, 1910. P.112-113.*
- ¹³ Ibidem. P.1 14.
- ¹⁴ *Konig D. T. Op. cit. P.325.*
- ¹⁵ Ibidem. P.325.
- ¹⁶ *Sokolski A. M. Land Tenure and Land Taxation in America. New York: Schalk-enbach Foundation, 1957. P.191.*
- ¹⁷ Ibidem. P.191.
- ¹⁸ *Tatter H. W. The Preferential Treatment of the Actual Settler in the Primary Disposition of the Vacant Lands in the United States to 1841. Ph.D. dissertation, Northwestern University, 1933. P.23.*
- ¹⁹ Ibidem. P.23.
- ²⁰ *Ford A. C. Op. cit. P.103.*
- ²¹ Ibidem. P.103.
- ²² Ibidem. P.89-90.
- ²³ Ibidem. P.126.
- ²⁴ Ibidem. P.126.
- ²⁵ Ibidem. P.128.
- ²⁶ Ibidem. P.129.
- ²⁷ Ibidem. P. 130.
- ²⁸ *Tatter H. W. Op. cit. P.40-41.*
- ²⁹ Цит. по: *Lebergott S. O'Pioneers': Land Speculation and the Growth of the Midwest // Essays on the Economy of the Old Northwest / Ed. Klingman D. C, Vedder R. K. Athens: Ohio University Press, 1987. P.39.*
- ³⁰ *Ford A. C Op. cit. P. 119.*
- ³¹ *Sokolski A.M. Op. cit. P.I 92.*
- ³² Ibidem. P. 193.
- ³³ Ibidem. P.193.
- ³⁴ Цит. по: *Pisani D.J. Water, Land, and Law in the West: The Limits of Policy, 1850-1920. Lawrence: University Press of Kansas, 1996. P.51.*
- ³⁵ *Sokolski A. M. Op. cit. P.193-194.*
- ³⁶ *Lebergott S. Op. cit. P.39-40.*
- ³⁷ Ibidem. P.39-40.
- ³⁸ Ibidem. P.40.
- ³⁹ Act XXXIII, March 1642. The Statutes at Large, Being a Collection of All the Laws of Virginia from the First Session of the Legislature / Ed. Henning W. New York: 1823. P. 134.
- ⁴¹ *Messick R. E. A History of Preemption Laws in the United States. Draft prepared for ILD. P.7.*
- ⁴¹ *Ford A. C. Op. cit. P. 124.*
- ⁴² Ibidem. P. 124.
- ⁴³ Ibidem. P. 132.
- ⁴⁴ Ibidem. P.134.
- ⁴⁵ An Act for Adjusting and Settling the Titles of Claimers to Unpatented Land Under the Present and Former Government, Previous to the Establishment of the Commonwealth's Land Office // The Statutes at Large: Being a Collection of All the Laws of Virginia / Ed. Hening W. Richmond: 1822. P.40.
- ^{4b} *Allen D. W. Homesteading and Property Rights; or, How the West Was Really Won //Journal of Law and Economics 34, 1991, April. P.6.*
- ⁴⁷ American History: A Survey. 7th Ed. / Eds. Current R. et al., New York: Knopf, 1987. P.149.
- ⁴⁸ *Anderson T. L. The First Privatization Movement // Essays on the Economy of the Old Northwest / Ed. Klingman D. C and Vedder R. K. Athens: Ohio University Press, 1987. P.65.*
- ⁴⁹ American Histoiy... P.150.
- ⁵⁰ *Robbins R. M. Preemption: A Frontier Triumph // Mississippi Valley Historical Review, 1931, December, vol.18. P.333-334.*
- ⁵¹ Ibidem. P.333-334.
- ⁵² *Ford A. C Op. cit. P.I 17.*
- ⁵³ *Ubergott S. Op. cit. P.40.*
- ⁵⁴ Ibidem. P.40.
- ⁵⁵ *Messick R. E. Op. cit. P.9.*
- 9-125
- ⁵⁶ Цит. по: *Tatter H. W. Op. cit. P.91-92.*
- ⁵⁷ *Messick R. E. Op. cit. RIO.*

- ⁵⁸ Act of May 18, 1796 // Public and General Statutes Passed by the Congress of the United States of America: 1789 to 1827 Inclusive / Ed. Story J. Boston: 1828.
- ⁵⁹ *Tatter H. W.* Op. cit. P. 118.
- ⁶⁰ Цит. по: *Tatter H. W.* Op. cit. P. 125.
- ⁶¹ *Limerick P. N.* The Legacy of Conquest: The Unbroken Past of the American West. New York: Norton, 1987. P.59.
- ⁶² Ibidem. P.59.
- ⁶³ Ibidem. P. 140.
- ⁶⁴ *Lebergott S.* Op. cit. P.44.
- ⁶⁵ Ibidem. P.44.
- ⁶⁶ Ibidem. P.44.
- ⁶⁷ *Messick R. E.* Rights to Land and American Economic Development. Обзор составлен для Института свободы и демократии. P.44.
- ⁶⁸ *White R* It's Your Misfortune and None of My Own. A New History of the American West. Norman: University of Oklahoma Press, 1991. P.146.
- ⁶⁹ Ibidem. P.146.
- ⁷⁰ *Schwartz S.* From West to East. New York: Free Press, 1998. P. 105-110.
- ⁷¹ Цит. по: *Lebergott S.* Op. cit. P.40.
- ⁷² Цит. по: *Anderson T. L.* Op. cit. P.63.
- ⁷³ *Gates P. W.* Landlords and Tenants on the Prairie Frontier. Ithaca: Cornell University Press, 1973. P.13.
- ⁷⁴ Ibidem. P.16.
- ⁷⁵ Цит. по: *Gates P. W.* Op. cit. P.16.
- ⁷⁶ Цит. по: *Gates P. W.* Ibidem. P.24.
- ⁷⁷ *Friedman L. M.* A History of American Law. 2nd ed. New York: Simon & Schuster, 1986. P.241-242.
- ⁷⁸ Цит. по: *Friedman L. M.* Op. cit. P.242.
- ⁷⁹ Ibidem. P.242.
- ⁸⁰ *White G. E.* The American Judicial Tradition: Profiles of Leading Judges. New York: Oxford University Press, 1976. P.48.
- ⁸¹ Цит. по: *Ford A. C.* Op. cit. P. 129.
- ⁸² *Gates P. W.* Op. cit. P.27.
- ⁸³ *Green v. Biddle*, 8 Wheaton 1. 1823.
- ⁸⁴ Ibidem. P.33.
- ⁸⁵ *Green v. Biddle*, 8 Wheaton 1. 1823. P.66.
- ⁸⁶ *Gates P. W.* Op. cit. P.37.
- ⁸⁷ American History... P.149.
- ⁸⁸ Ibidem. P.31.
- ⁸⁹ Ibidem. P.31.
- ⁹⁰ *Tatter H. W.* Op. cit. P.265.
- ⁹¹ *Gates P. W.* Op. cit. P.33.
- ⁹² *Bodley v. Gaither*. 19 Kentucky Reports 57, 58. 1825.
- ⁹³ *M'Kinney v. Carrol*. 21 Kentucky Reports 96, 97. 1827.
- ⁹⁴ *White G. E.* It's Your Misfortune... P.139.
- ⁹⁵ *Gates P. W.* Op. cit. P.46
- ⁹⁶ *Pisani D.J.* Op. cit. P.63.
- ⁹⁷ *Tatter H. W.* Op. cit. P. 154.
- ⁹⁸ *Gates P. W.* Op. cit. P.44.
- ⁹⁹ *Gates P. W.* California's Embattled Settlers // The California Historical Society Quarterly, 1962, June, vol.41. P.115.
- ¹⁰⁰ ⁽¹⁾ *Messick R. E.* Op. cit. P.17.
- ¹⁰¹ Ibidem. P.17.
- ¹⁰² Ibidem. P.19.
- ¹⁰³ Act of May 29, 1830 // Public Statutes at Large of the United States of America. Boston: 1846, vol.4.
- ¹⁰⁴ Act of September 4, 1841 // Public Statutes at Large of the United States of America. Boston: Little and Brown, 1856, vol.5.
- ¹⁰⁵ *Messick R. E.* Op. cit. P.26.
- ¹⁰⁶ *Pisani D.J.* Op. cit. P.69.
- ¹⁰⁷ *Bogue A. G.* The Iowa Claims Clubs: Symbol and Substance // The Public Lands: Studies in the History of the Public Domain / Ed. Carstensen Ver-non. Madison: University of Wisconsin Press, 1965. P.47.
- ¹⁰⁸ *Pisani D.J.* Op. cit. P.53.
- ¹⁰⁹ Ibidem. P.63.
- ¹¹⁰ *Bogue A. G.* The Iowa Claim Clubs. P.51.
- ¹¹¹ Ibidem. P.50.
- ¹¹² Ibidem. P.52.
- ¹¹³ *Tatter H. W.* Op. cit. P.276.

- ¹¹⁴ *Bogue A. G.* Op. cit. P.54.
- ¹¹⁵ *White R* It 's Your Misfortune... P. 141.
- ¹¹⁶ *Tatter H. W.* Op. cit. P.280.
- ¹¹⁷ *Anderson T, Hill P.J.* An American Experiment in Anarcho-Capitalism: The Not So Wild West //Journal of Libertarian Studies, 1979, 3. P.15.
- ¹¹⁸ Ibidem. P.15.
- ¹¹⁹ *Bogue A. G.* Op. cit. P.50.
- ¹²⁰ Ibidem. P.51.
- ¹²¹ Ibidem. P.54.
- ¹²² *White G. E.* It's Your Misfortune... P. 141.
- ¹²³ *Bogue A. G.* Op. cit. P.55.
- ¹²⁴ *Tatter H. W.* Op. cit. P.273.
- ¹²⁵ Ibidem. P.287.
- ¹²⁶ *Lacy J. Q.* Historical Overview of the Mining Law: The Miner's Law Becomes Law // The Mining Law of 1872. Washington, D.C.: National Legal Center for the Public Interest, 1984. P.17.
- ¹²⁷ *Swenson R. W.* Sources and Evolution of American Mining Law // The American Law of Mining / Ed. Bender Matthew. New York: Rocky Mountain Mineral Law Foundation, 1960. P.19.
- ¹²⁸ *Gates P. W.* California's Embattled Settlers... P.100.
- ¹²⁹ *Krent H.* Spontaneous Popular Sovereignty in the United States. Draft prepared for the Institute of Liberty and Democracy. P.2.
- ¹³⁰ *Pisani D.J.* Op. cit. P.52.
- ¹³¹ *Limerick P. N.* Op. cit. P.65; also see *White G. E.* It's Your Misfortune... P.147.
- ¹³² *Pisani D.J.* Op. cit. P.69.
- ¹³³ Ibidem. P.69.
- ¹³⁴ *Gates P. W.* California's Embattled Settlers... P.100.
- ¹³⁵ Ibidem. P.22-26.
- ¹³⁶ *Lacy J. Q.* Op. cit. P.26.
- ¹³⁷ Цит. по: *Shinn Ch. H.* Mining Camps: A Study in American Frontier Government. New York: Knopf, 1948. P.107.
- ¹³⁸ Ibidem. P.22.
- ¹³⁹ Ibidem. P.21.
- ¹⁴⁰ Ibidem. P.24-25.
- ¹⁴¹ Ibidem. P.24.
- ¹⁴² Ibidem. P.29.
- ¹⁴³ Ibidem. P.30.
- ¹⁴⁴ Ibidem. P.30.
- ¹⁴⁵ *Krent H.* Op. cit. P.3.
- ¹⁴⁶ *Lacy J. Q.* Op. cit. P.35.
- ¹⁴⁷ 14. Stat. 252(1866).
- ¹⁴⁸ *Swenson R. W.* Op. cit. P.37.
- ¹⁴⁹ *Lacy J. Q.* Op. cit. P.36.
- ¹⁵⁰ Цит. по: *Krent H.* Op. cit. P.3.
- ¹⁵¹ *Lacy J. Q.* Op. cit. P.37-38; 17 Stat. 91, 30 U.S.C. §§ 22-42.
- ¹⁵² *Jennison v. Kirk*, 98 U.S. 240, 243 (1878).
- ¹⁵³ *Swenson R. W.* Op. cit. P.27.
- ¹⁵⁴ *Messick R. E.* Rights to Land and American Development. P.45.
- ¹⁵⁵ *White R* It's Your Misfortune... P.143.
- ¹⁵⁶ Ibidem. P. 145.
- ¹⁵⁷ *Wood G. S.* Inventing American Capitalism // New York Review of Books, 1994, June 9. P.49.
- ¹⁵⁸ *White R* Op. cit. P.270.
- ¹⁵⁹ *White G. E.* The American Judicial Tradition... P.48-49.
- ¹⁶⁰ *PhiUmck F. S.* Op. cit. P.694.

Глава 6

- ¹ *Noyes C. R* The Institution of Property. New York: Longman's Green, 1936. P 2, 13.
- ² Краткое и ясное обсуждение этого вопроса см.: *Landes W. M., Posner R. A.* Adjudication as a Private Good// Journal of Legal Studies, 1979, March, vol.8. P.235-284.
- ³ *Noyes C. R* Op. cit. P.20.
- ⁴ *Payne J. C* In Search of Title. Part 1 // Alabama Law Review, 1961, vol.14, МН.Р.17.
- ⁵ *Rapaczynski A.* The Roles of the State and the Market in Establishing Property Rights //Journal of Economic Perspectives, Spring 1996, vol.10, № 2. P.88.
- ⁶ Самое любопытное изложение того, каким образом в Соединенных Штатах внезаконные правила регулируют отношения собственности см.: *Ellickson R. C.* Order Without Law: How Neighbors Settle Disputes. Cambridge: Harvard University Press, 1991.

- ⁷ См.: *Posner R. A. Hegel and Employment at Will: A Comment // Cardozo Law Review*, 1989, March-April, vol.10.
- ⁸ *Berman H.J. Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition*. Cambridge: Harvard University Press, 1983. P.555— 556.
- ⁹ *Berman H.J. Op. cit.* P.557.
- ¹⁰ *Cooter R., Ulen T. Law and Economics: An Economic Theory of Property*. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1997. P.79.
- ¹¹ *Gruter M. Law and the Mind*. London: Sage, 1991. P.62.
- ¹² *Benson B. L. The Enterprise of Law*. San Francisco: Pacific Research Institute for Public Policy, 1990. P.2.
- ¹³ О стремлении внезаконных организаций оказаться под крышей закона см.: *Soto H. de. The Other Path: The Invisible Revolution in the Third World*. New York: Harper & Row, 1989. [*Сото Э. де. Иной путь: невидимая революция в третьем мире*. М.: Catallaxy, 1995, особенно главы 1—4.]
- ¹⁴ *Leoni B. Freedom and the Law*. Los Angeles: Nash, 1972. P.10-1 1.
- ¹⁵ См.: *Sugden R Spontaneous Order // Journal of Economic Perspectives*. Fall 1989, vol.3, № 4. P.94-95. См. также: *Hayek F. A. Law, Legislation, and Liberty*, vols. 1—3. London: Routledge and Kegan Paul, 1975.
- ^m *Payne*. In Search of Title. P.20.
- ¹⁷ См.: *Powelson J. P. The Story of Land*. Cambridge, Mass.: Lincoln Institute of Land Policy, 1988.
- ¹⁸ *Pipes R The Russian Revolution*. New York: Vintage Books, 1991. P.112.
- ¹⁹ *Datta S. K., Nugent J. B. Adversary Activities and Per Capita Income Growth // World Development*, 1986, vol.14, № 12. P.1458.
- ²⁰ *Simpson S. R Land, Law, and Registration*. London: Cambridge University Press, 1976. P.170.
- ²¹ *Stein P. Legal Evolution: The Story of an Idea*. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. P.53.
- ²² *Ibidem*. P.55.
- ²³ *Holstein L. Review of Bank Experience with Land Titling and Registration*, working papers, March 1993. P.9.
- ²⁴ *McLaughlin J. D., Nichols S. E. Resource Management: The Land Administration and Cadastral Systems Component // Surveying and Mapping*, 1989, vol.49, № 2. P.84.
- Глава 7**
- ¹ *Thurow L. The Future of Capitalism*. New York: Penguin Books, 1996. P.5.
- ² *Soto H. de. Op. cit.*
- ³ Side Effects of Egypt's Economic Reform Warned // Xinhua (CNN), 1999, February 4.
- ⁴ *Will G. F. The Pursuit of Virtue and Other Tory Notions*. New York: Simon & Schuster, 1982.
- ⁵ *Schwab K., Smadja C. Globalization Needs a Human Face // International Herald Tribune*, 1999, January 28.
- ⁶ *Padgett T. Newsweek*, 1996, September 16.
- ⁷ *Soros G. The Crisis of Global Capitalism: Open Society Endangered*. New York: Public Affairs, 1998. P.xxvii.
- ⁸ *Kamenka E., Ed. The Por Marx*. New York: Viking Penguin, 1995. P.463. [*Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд.2. Т.23. С.726.*]
- ⁹ *Birdsall N, Londono J. L. Assets in Equality Matters // American Economic Review*, 1997, May.
- ¹⁰ *Kamenka E. Op. cit.* P.447. [*Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд.2. Т.23. С.82.*]
- ¹¹ *Marx K. Capital // Collected Works*, vol.28. P.235. [*Маркс К, Энгельс Ф. Сочинения. Изд.2. Т.23. С.165.*]
- ¹² *Thomas of Aquinas. Summa Theologica. Part I of Second Part Q.jg, Art. 4*. London: Encyclopaedia Britannica, 1952. P.672.
- ¹³ *Coase R. H. The Nature of the Firm // Economica*, November 1937. [*Коуз Р. Природа фирмы // Фирма, рынок и право*. М.: Дело, 1994. С.33—53.]
- ¹⁴ *Boden M. The Creative Mind*. London: Abacus, 1992. P.94.
- ¹⁵ *Dennett D. C. Intentionality // The Oxford Companion to the Mind/ Ed. Gregory R. L. Oxford: Oxford University Press*, 1991. P.384.
- ¹⁶ *Searle J. R The Construction of Social Reality*. New York: Free Press, 1995. P.46.
- ¹⁷ См.: *Foucault M. Les Mots et les choses*. Saint Amand: Gallimond, 1993.
- ¹⁸ *Popper K. Knowledge and the Body-Mind Problem*. London: Routledge, 1994.
- ¹⁹ *Forrester V. L'Horreur economique*. Paris: Fayard, 1996. P.61.
- ²⁰ *Marx K. Цит. по: Kamenka E. Op. cit.* P.444-447. [*Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд.2. Т.23. С.80-82.*]
- ²¹ *Levi-Strauss C. Tristes tropiques*. Paris: Plon, Terre Humaine/Poche, 1996. P.354.
- ²² *Zakaria F. The Politics of Port // Slate Magazine, Internet*, 1999, March 16.
- ²³ *Fukuyama F. Trust*. New York: Free Press, 1995. Эта работа является чрезвычайно важным источником для понимания природы доверия и социального сотрудничества.

От автора

Никто никогда не пишет книги в одиночку. Я пользовался информацией, суждениями, одобрением и поддержкой столь многих людей, что даже не в силах выразить свою признательность каждому в

отдельности. Но есть несколько человек, без которых эта книга никогда бы не состоялась, и я хочу печатно каждого из них поблагодарить.

Прежде всего, это — мои коллеги из Института свободы и демократии (ИСД) в Лиме (Перу), мои неизменные спутники в поиске путей к открытой рыночной системе, где закон открывает каждому возможности процветания. Развиваемые в этой книге идеи опираются на цифры и факты, собранные моей институтской командой по всему миру в ходе реализации проектов. Я поистине стою на плечах этих людей. Мануэль Майорга Ла Торре, мой главный «организатор производства», использовал свои знания и длительный опыт работы главным конструктором электростанций для планирования и организации работы над всеми нашими проектами — день за днем, вплоть до получения запланированных результатов. Луис Моралес Байро, являясь главным экономистом ИСД, организовывал соответствующие исследования и анализ затрат и результатов в странах, которые мы изучали. Его работа имела принципиальное значение при выявлении скрытых издержек, создаваемых существующими законами и установлениями. Помощником Луиса был Марио Галантини, а когда возникала необходимость, ему оказывал поддержку Витторио Корво.

Правовыми аспектами наших проектов занимались две мои самые надежные и любимые сотрудницы, с которыми я работаю уже 15 лет. Ана Люсия Камайора руководит группой юристов ИСД и отвечает за правильное понимание правовой ситуации в изучаемых нами странах. Ее ближайшим сотрудником является Мария дель Кармен Дельгадо — наш ведущий аналитик правовых проблем. Среди всех известных мне правоведов они обладают самым глубоким пониманием ситуации множественности систем права. В своей работе они опираются на других юристов ИСД, из числа которых наибольший вклад в создание этой книги внесли Густаво Марини, Жаклин Сильва, Луис Алайана и Гуиллермо Гарсия Монтуфар. Нашим главным техническим специалистом является Даниель Эренция, чья группа, включающая Жавьера Роблеса и Давида Кастильо, обеспечивала работу наших компьютеров. Административные вопросы в ИСД лежат на Эльзе Джо, которой квалифицированно помогает ее главный бухгалтер Эли-ана Сильва и остальные ее сотрудники.

Во-вторых, я должен отметить тех, кто помогал в обработке собираемой нами информации. При написании этой книги ближе всех ко мне был Дункан Макдоналд, мой старый друг и советчик из Шотландии. Именно Дункан познакомил меня с исследованиями в области теории познания. К моему восторгу, я сумел использовать новые знания для анализа результата наших полевых исследований. К тому времени американский антрополог Дуглас Аззелл уже познакомил меня с чрезвычайно полезным для нашей работы методом «включенного наблюдения», а Уоррен Шварц, профессор права в университете Джорджтауна, научил меня использовать экономические подходы к анализу правовых проблем. Но именно Дункан показал мне, каким образом гносеология может помочь в выявлении связей между собственностью и развитием. Наши разговоры о том, каким образом люди могут преобразовать окружающий их мир, познавая его, имели решающее значение для моего понимания того, как создается капитал. Дункан спасал меня, когда я не мог выбраться из интеллектуального тупика или просто блуждал в потемках.

Я также хочу поблагодарить германского философа Дороти Крейзер, которая помогла мне разобраться в тонкостях французского постструктурализма, прежде всего в работах Жака Дер-

риды и Мишеля Фуко. Деррида научил меня, что при описании одной культуры можно использовать категории другой, причем так, что это будет доступно каждому, а уникальность описываемой культуры не понесет ущерба. Это помогло мне понять, каким образом следует включать внелегальные установления в рамки легального права собственности. У Фуко я позаимствовал понимание «тайн конструкций», связывающих невидимое с видимым. Его работы помогли мне понять, каким образом хорошая система символических обозначений служит условием расширения возможностей *{la condition de possibility}* для всего человечества. Мое понимание экономической роли и значимости систем символических обозначений было расширено благодаря чтению работ в области семиотики*, прежде всего Умберто Эко** и Фердинанда де Соссюра***, а также посвященных философии разума работ Джона Сирла и Даниеля Деннетта.

Я должен отметить заслуги моего друга и коллеги Мариано Корнеджо, который проверял мои идеи на практическую пригодность. Идеи могут быть сколь угодно хитроумными или элегантными, но при их отборе для проектов ИСД мы неизменно руководствовались двумя главными требованиями: практичности и доступности для каждого из участников наших проектов. Когда я был прав, он просто улыбался и говорил, что я заикнулся на очевидном («No es problema, no es problema»); когда я заблуждался, он всегда подсказывал мне верное направление.

Есть еще люди, без участия, поддержки и одобрения которых я никогда не смог бы написать эту книгу. После 12 лет сотрудничества Стефан Шмидхейни стал моим близким другом. Стефан — интеллектуал, филантроп, удачливый бизнесмен — очень многое сделал для успеха ИСД. Он всячески помогал нам в поиске путей восстановления справедливости по отношению к тем, кто был несправедливо лишен возможностей развития. Он также укрепил нас в убеждении, что при отсутствии глобальных законов глобальные рынки опасны. Но главный вклад Стефана в работу ИСД в том, что он настаивал на реализме: если идеализм

* Теория знаковых систем.

** Современный итальянский историк культуры и писатель.

*** Швейцарский лингвист конца XIX в., один из создателей семиотики.

недостаточно деловит, идеалы так и останутся идеалами, совершенно бесполезными для тех, кому мы намереваемся помочь. Другим очень важным для меня и очень близким моим другом является Лоуренс Чикеринг, блистательный интеллектуал из Сан-Франциско, который не только помог ИСД в организации целого ряда исследовательских проектов, но и постоянно помогал мне советами.

Не могу не отметить своих друзей из Агентства международного развития: Брайана Этвуда, Дика Макколла, Джима Мичел-са, Норму Паркер, Аарона Вильямса, Паулу Годдард, а также потрясающих людей из отделения Латинской Америки и стран Карибского бассейна — Марка Шнейдера, Карла Леонарда, Майкла Дила, Тимоти Махони, Вильяма Б. Баукома, Доналда Дрга и Джо-лина Санджака. Они годами оказывали нам многостороннюю помощь и поддержку. А когда у меня возникли организационные проблемы, мой старый друг Джон Салливен, руководитель Международного центра частного предпринимательства, объяснил мне, как их воспримут учреждения Соединенных Штатов. Он же научил меня, как, правильно подобрав учреждения, можно в конфликтной ситуации найти действенное и прибыльное решение. Благодаря моему другу Бобу Литану из Института Брукингса*, я не только понял, каким образом законы влияют на экономическое поведение, но и сумел высоко оценить результаты финансовой революции в Соединенных Штатах и поучительность ее уроков для всего мира. Как-то, в июне 1999 г., Боб ворвался в мой дом в Лиме и заявил: «Я придумал название для твоей книги — *"Загадка капитала!"*» За это я также ему благодарен.

Особые благодарности я должен принести Фонду Smith Richardson, чей щедрый грант помог провести значительную часть работ, результаты которых использованы в этой книге. Это фонд является старым и верным другом нашего Института, и когда в начале 1990-х гг. ИСД взрывали и обстреливали, он предоставил нам бронированный автомобиль, сделавший возможным продолжение нашей работы.

Я также чрезвычайно благодарен Гарольду Кренту, Саулу Лев-мору, Рику Мессикку, Тому Ромеро и Ларри Стю за их титаниче-

* Исследовательская некоммерческая организация в г. Вашингтоне.

ские усилия в исследовании истории собственности в США. И еще я признателен моим друзьям из Королевского управления регистрации земли в Лондоне, и особенно Джону Манторпу и Кристоферу Весту, рекомендовавшим книги, которые помогли мне разобраться в эволюции земельной собственности в Британии. Моника Бергмейер и Клаус Йоахим Григолайт помогли мне понять истоки земельного права в Германии, а Ганс-Урс Вили — в Швейцарии. Причем последний объяснил мне, каким образом в Германии и Швейцарии римское право, к тому времени окостеневшее и превратившееся в набор застывших законов, обрело новую жизнь и стало благоприятным фактором для хозяйственного развития этих стран. Петер Шаффер, мой друг из дипломатического корпуса Вашингтона, щедро делился со мной своими мыслями, комментариями и наблюдениями, а также свел меня с некоторыми людьми, идеи которых оказались полезны для нашей работы.

Мерран Ван Дер Так помог мне исследовать взаимосвязь между правом собственности и развитием сети коммунального хозяйства. Оскар Бесли объяснил мне, каким образом работают страхование прав собственности и программы защиты недвижимости. Роберт Фридман помог мне углубить мои поверхностные представления о марксизме. Ли и Александра Бентам очень помогли мне в переработке первого варианта книги.

Эта книга чрезвычайно выиграла от того, что различные правительственные и неправительственные организации приглашали нас в свои страны для разработки и реализации проектов, направленных на капитализацию неимущих. Имея возможность собирать информацию, анализировать различные институты и законодательство, подробно расспрашивать тех, кто активно действует в легальном и внезаконном секторах буквально всех континентов, я смог сделать эту книгу адекватной проблемам большинства стран мира. На данный момент я могу публично поблагодарить моих помощников только из четырех стран, с которыми мы в настоящее время работаем. В Египте я в долгу перед моими друзьями и коллегами из Египетского центра экономических исследований: Ахмедом Галалем, Хишамом Фахми, Тахером Хелми, Гамалем Мубараком и их сотрудниками. В ходе нашей работы в Египте нам была чрезвычайно полезна помощь

Шерифа эль-Дивани. Весьма важна была также поддержка премьер-министра Атефа Эбейда, министра финансов Медхата Хаснейна, министра экономики Йозефа Бутроса Гали и министра по социальным вопросам Мервата эль-Талави. На Гаити я признателен за постоянную поддержку президенту Рене Превалу и бывшему президенту Жану Бертрану Аристиду и их сотрудникам. Я также в долгу перед Центром движения за демократию и свободное предпринимательство, и в особенности обязан Джорджу Сассине, Лайонелу Делатуре, Бернаруду Краану и Жану Морису Буту. В Мексике я в долгу перед президентом Висентом Фоксом и теми, кто оказывал нам помощь по его распоряжению, в том числе Эдуардо Соджо, Хуаном Эрнандесом, Фаусто Алза-ти, Альфонсо Галинда, Эмилио Духау, и перед многими другими исследователями. На Филиппинах мы получили весьма ценную помощь президента Жозефа Эстрада и исполнительного секретаря Рональде Заморы. Мы смогли завершить наши исследования благодаря поддержке Вика Тейлора, Эрнесто Гарилао, Хосе П. Левисты, Артуро Альвендиа, Алекса Мелчора и многих других.

Рукопись этой книги никогда не увидела бы свет без Айрис Маккензи, которая в качестве редактора и первого читателя книги привела мой английский в порядок и сделала текст ясным и отчетливым. Я хочу поблагодарить мою помощницу Мириам Гаго, которая готовила текст к рассылке в разные издательства планеты. Но самым важным было то, что она взяла на себя значительную часть моей переписки и житейских забот, что позволило мне высвободить время для работы над книгой.

Наконец, я хочу выразить благодарность нескольким людям, которые помогли мне превратить несколько хороших идей в приличную книгу. Мой книжный агент Эндрю Уайли оказался незаменим в том, как сделать книгу привлекательной для международной аудитории. Он установил высокие стандарты и не позволял мне опускаться ниже их уровня. Когда первый вариант рукописи был уже готов, мои друзья Дэйвид Фрум и Мирко Лауер взялись за нее, за десять дней вывернули все наизнанку, «отжали воду», и книга приобрела нынешнюю структуру. Эдвард Тивнан придал рукописи вид, пригодный для предъявления потенциальным издателям. Журналист и писатель, защитивший докторскую диссертацию по философии, Тивнан провел со мной в Лиме 50 дней и фразу за фразой переписал всю книгу.

Мой американский редактор Билл Фрухт проделал грандиозную работу по подготовке книги к публикации, помог мне прояснить многие моменты, от чего книга сильно выиграла. В Британии моим редактором была Салли Гаминара. С ее редакторским талантом может соперничать только ее изобретательность в продвижении книги на рынок.

Все люди, упомянутые мною выше, внесли вклад в успех книги. Все ее недостатки целиком на мне.